

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 6

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЭМОЦИИ

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований украинских, российских и зарубежных лингвистов, анализирующих эмоции как текстовый и системно-языковой феномен. Представленные работы в области когнитивной теории художественного текста (когнитивной поэтики) и когнитивной эмотиологии посвящены юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Петровны Воробьевой – основателя и главы украинской научной школы когнитивной поэтики.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 5 от 26.04.2013 г.)

Редакторы:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)

Редакционная коллегия:

Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)

А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)

Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)

С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)

А. Израэли, доктор философии (Американский университет, Вашингтон, США)

Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)

Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)

Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)

А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)

Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)

С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)

Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, Украина)

В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)

Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)

Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)

В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Факультет иностранных языков

Тел.: (057) 707-51-44

irina.shevchenko7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Выпускается ежегодно.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

**ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені В.Н. КАРАЗІНА**

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 6

ХУДОЖНИЙ ТЕКСТ І ЕМОЦІЇ

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Статті даного випуску містять результати досліджень українських, російських і зарубіжних лінгвістів, що аналізують емоції як текстовий і системно-мовний феномен. Представлені роботи в галузі когнітивної теорії художнього тексту (когнітивної поетики) і когнітивної емотиології присвячені ювілею доктора філологічних наук, професора Ольги Петрівни Воробйової – засновника і голови української наукової школи когнітивної поетики.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 5 от 26.04.2013 р.)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)

Редакційна колегія:

Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)
А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
А. Израелі, доктор філософії (Американський університет, Вашингтон, США)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президентові Російської Федерації, м. Москва, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Фріман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)
Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Видається щорічно.

ISSN 2218-2926

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE,
YOUTH AND SPORT OF UKRAINE**

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE

Series “Philology”

 # 6

LITERARY TEXT AND EMOTIONS

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Kharkov
2013

The articles in this issue include the results of Ukrainian, Russian and foreign linguists' studies analyzing emotions as textual and system-linguistic phenomenon. These works in the field of cognitive theory of a literary text (cognitive poetics) and cognitive emotiology are devoted to the anniversary of Doctor of Philology, Professor Olga Petrovna Vorobyova – founder and head of the Ukrainian school of cognitive poetics.

Editors:

Irina Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, irina.shevchenko7@gmail.com)

Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia, vladimir_karasik@mail.ru)

Editorial Board:

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)

A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)

L.R Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zeland)

V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)

Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrifield Institute for Cognition and the Arts, Heath; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)

Alina Israeli, PhD, Associate Professor, Department of World Languages and Cultures, (American University, Washington, D.C., USA)

Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)

Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)

G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)

A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)

L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)

E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

V.G. Pasynok, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)

O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)

S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

Executive Secretary:

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Editorial Address:

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4
(V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)

Faculty of Foreign Languages

Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed

Published annually

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University
(Minutes № 6 of 28 May 2010)

ЗМІСТ

С.А. Жаботинская ВСТУПЛЕНИЕ. ВЫСОТА. ПОСВЯЩЕНИЕ ЮБИЛЯРУ	8
Л.И. Белехова ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (на материале американской поэзии)	10
О. Jaffae/Kolomiytseva BIBLICAL vs. HUMAN PARADOXES, AND WAYS OF DEALING WITH POST-PARADOXICAL CONFUSION.....	35
С.А. Жаботинская ИМЯ КАК ТЕКСТ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (анализ имени эмоции).....	47
В.И. Карасик ДИСКУРСИВНЫЕ ЭМБЛЕМЫ.....	77
Margaret H. Freeman THE INFLUENCE OF ANXIETY: POETRY AS A THEORY OF MIND.....	92
З.А. Харитончик СВЯЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ.....	107
И.А. Щирова ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: О ЗНАЧИМОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА.....	112
Редакторы	127
Рекомендации по оформлению статей.....	130

Когниция, коммуникация, дискурс. –
2013. – № 6. – С. 8–9.
<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>
DOI: 10.26565/2218-2926-2013-06-01

ВСТУПЛЕНИЕ

Ольга Петровна ВОРОБЬЕВА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой лексикологии
и стилистики английского языка
имени профессора А.Н. Мороховского,
Киевский национальный
лингвистический университет

ВЫСОТА. Посвящение юбиляру (С.А. Жаботинская, научный редактор сборника)

В наше неоднозначное время свобод – реальных и мнимых, необходимых и излишних, сущностных и бессодержательных – наука теряет свою строгость. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что границы между научными дисциплинами (например, изучающими язык, мозг / мышление и технические информационные системы) становятся взаимопроницаемыми, благодаря чему возникают новые, междисциплинарные области исследований (к таковым, в частности, относится когнитивная наука). Междисциплинарность требует специалистов, не только глубоко знающих свой предмет, но и профессионально владеющих понятиями из смежных областей знаний. Именно такие специалисты способны продвигать науку вперед, при этом служа ей и делая её смыслом своей жизни. Быть таким специалистом сложно. Глубокие знания и широкий кругозор не только требуют способностей / таланта, сил и времени, но и предполагают самокритичность, стремление к самосовершенствованию (*Scio me nihil scire*), принципиальности в оценке чужого «продукта», не соответствующего критерию научности. Всего этого у человека может и не быть в силу либо природы, либо обстоятельств. И тогда в эпоху свобод, размывающих границы между «хорошо» и «плохо», между «нельзя» и «можно», появляются другие «специалисты», у которых перечисленные качества отсутствуют и которые видят в науке не то, чему служат, а то, что служит им, давая должности, звания и доходы. Ни то, ни другое, ни третье не создает имеющие ценность научные идеи, и наука не только теряет свою строгость, но и саму свою суть.

Этот номер журнала «Когниция. Коммуникация. Дискурс» посвящен юбилею доктора филологических наук, профессора Киевского национального лингвистического университета **Ольги Петровны Воробьевой** – человека, который по-настоящему служит науке своим талантом, глубиной знаний, способностью к научным прозрениям и своей принципиальностью.

Ольга Петровна – достойная ученица выдающихся учителей, представляющих известные украинские и российские научные школы. Это А.Н. Мороховский и Э.Я. Мороховская, Г.Г. Почепцов (Киевский государственный педагогический институт иностранных языков (ныне Киевский национальный лингвистический университет), В.Н. Комиссаров (Московский государственный лингвистический университет), Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия (Институт языкознания РАН) и др. На фундаменте заложенных ими глубоких знаний сформировалась собственная научная концепция Ольги Петровны, представленная в многочисленных работах в области когнитивной теории художественного текста (когнитивной поэтики) и когнитивной эмотиологии. В этой концепции творческие идеи автора объединены с идеями коллег – украинских, российских, белорусских, западноевропейских и американских лингвистов. Ольга Петровна Воробьева – талантливый учитель, воспитавший целую плеяду аспирантов и докторантов, работы которых, дополняя её собственные исследования, достойно представляют Украину в научном мире.

Статьи в этом номере журнала имеют тематические, географические и личностные векторы, связанные с Ольгой Петровной. Публикуемые работы посвящены анализу художественного текста (Л.И. Белехова – Украина; И.А. Щирова – Россия) и дискурса (В.И. Карасик – Россия; О.А. Джеффи-Коломийцева – США), анализу эмоций как текстового (М. Фримен – США) и системно-языкового (С.А. Жаботинская – Украина) феномена, полемике по поводу теорий метафоры (З. А. Харитончик – Беларусь). Эти статьи – подарок Ольге Петровне от авторов – её коллег и друзей, верящих, как и она сама, в то, что наука должна быть высокой, соответствующей той планке, которую установили ушедшие от нас, но остающиеся в наших работах и в наших сердцах Учителя.

Завершу посвящение стихотворением *Лины Костенко*, где поэтически сжато и точно говорится о роли Мастера-творца, о том, что было, что есть и что должно быть.

Умирають майстри, залишаючи спогад, як рану.
В барельєфах печалі уже їм спинилася мить.
А підмайстри іще не зробились майстрами.
А робота не жде. Її треба робить.

І приходять якісь безпардонні пронози.
Потираючи руки, беруться за все.
Поки геній стоїть, витираючи сльози,
Метушлива бездарність отари свої пасе.

Дуже дивний пейзаж: косяками ідуть таланти.
Сьоме небо своє пригинає собі суєта.
При майстрах якось легше. Вони – як Атланти.
Держать небо на плечах. Тому і є висота.

УДК 811.111: 81.42 + 801. 631. 5

**ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКОЕ
ПРОЧТЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(на материале американской поэзии)
Л.И. Белехова (Херсон, Украина)**

Л.И. Белехова. Прототипическое и непрототипическое прочтение поэтического текста (на материале американской поэзии). В статье выявляются когнитивные процессы и операции, обеспечивающие прототипическое или непрототипическое прочтение поэтического текста. Первое понимается как центральное прочтение, раскрывающее содержание и основной смысл текста, типичные для трактовок большинства интерпретаторов. Непрототипическое прочтение ведёт к различным интерпретациям поэтического текста: либо к его углубленной интерпретации, улавливающей маргинальные скрытые смыслы, либо к недо-интерпретации, игнорирующей некоторые оттенки значения словесного поэтического образа, присутствующего в образном пространстве поэтического текста.

Ключевые слова: когнитивные процессы и операции, недо-интерпретация, образное пространство, поэтический текст, прототипическое и непрототипическое прочтение, словесный поэтический образ, углубленная интерпретация.

Л.І. Белехова. Прототипне й непрототипне прочитання поетичного тексту (на матеріалі американської поезії). У статті виявлено когнітивні процеси й операції, які забезпечують прототипне або непрототипне прочитання поетичного тексту. Перше визначається як центральне прочитання, що розкриває його зміст та основний смисл, які стають типовими для тлумачень більшості інтерпретаторів. Непрототипне прочитання веде до різних інтерпретацій поетичного тексту: або до його поглибленої інтерпретації, за якої схоплюються певні маргінальні приховані смисли, або до недо-інтерпретації, що ігнорує деякі відтінки значення словесного поетичного образу, наявного в образному просторі поетичного тексту.

Ключові слова: когнітивні процеси й операції, недо-інтерпретація, образний простір, поглиблена інтерпретація, поетичний текст, прототипне й непрототипне прочитання, словесний поетичний образ.

L.I. Belekhova. Prototypical and non-prototypical reading of a poetic text (a case study of American poetry). This article aims to elicit cognitive processes and operations which underpin prototypical and non-prototypical readings of a poetic text. Prototypical reading is the central reading of a poetic text, the one which provides an access to the content and message of the text, as seen by most interpreters. A non-prototypical reading of a poetic text results in its multiple interpretations, leading either to in-depth interpretation, which captures some marginal hidden senses of the text, or to under-interpretation that ignores the subtle nuances of semantics, inherent in a verbal poetic image integrated into the imagery space of a poetic text.

Key words: cognitive processes and operations, imagery space, in-depth interpretation, poetic text, prototypical and non-prototypical reading, under-interpretation, verbal poetic image.

Данная статья посвящена развитию идей Ольги Петровны Воробьёвой, высказанных в ее работах по исследованию художественной семантики текста, выполненных в русле когнитивной поэтики и пополнивших ее новым ответвлением – когнитивной эмотиологией, в котором теория эмоционального резонанса, эвристика художественного текста получили импульс для дальнейшего развития [см., напр., Воробьёва 2004; 2006; 2008; 2010].

Теоретико-методологической основой предлагаемой статьи, в фокусе которой пребывает проблематика восприятия и понимания поэтического текста, явились положения когнитивной поэтики относительно толкования текста, поэтического в частности, как произведения словесного искусства и как эстетического события [Щирова 2009: 730], как продукта индивидуального творческого сознания, познающего разума [Freeman 2000: 253]. При этом интерпретация поэтического текста понимается как продукт другого познающего разума в контексте тех физических и социокультурных миров, где он создается и читается [там же; Воробьёва 2009: 764]. Составляющими теоретико-методологической базы данной работы являются также постулаты теории схем и тестовых миров [Semino 1997; 2002], теории когнитивной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; 1999] и концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1997; 2000], служащие не только раскрытию лингвокогнитивных механизмов формирования и функционирования словесных поэтических образов в поэтических текстах, но и объяснению того, как постигается улавливание скрытых смыслов, темных, неясных мест семантики текста (*dark matters of semantics*) [Fauconnier 2010].

Выбор образного пространства поэтического текста в качестве **объекта** анализа, а когнитивных операций, обеспечивающих прототипическое или непрототипическое прочтение текста, в качестве **предмета** изучения обусловлен главным образом тем, что эмотивно-эстетическая функция поэтической речи реализуется именно посредством её образной системы. Поэтический текст отражает специфику художественного мышления, конститутивным признаком которого является образность [Маслова 2010: 23]. Поэзия – это не столько рефлексия на мир, сколько рефлексия на эмоциональный опыт, связанный с существованием в этом мире, а также результат самой рефлексии, зафиксированный в языке поэтического текста [там же: 106].

Актуальность исследования состоит в общей направленности современной поэтики на рассмотрение семантики художественного текста в плоскости ментальных процессов, что помогает уточнить характер взаимодействия между языком и мышлением, раскрыть механизмы авторской креативности, выяснить, как образ объективирует в словесных формах знание о мире и языке и воздействует на читателя. Выявление когнитивных операций, участвующих в процессе прототипического или непрототипического прочтения поэтического текста, способствует разъяснению когнитивной деятельности читателя (интерпретатора), ведущей к успешной художественной коммуникации.

Вслед за М. Фримен, под *прототипическим* прочтением поэтического текста понимаем центральное, разделяемое большинством интерпретаторов, когнитивное прочтение, обеспечивающее адекватную интерпретацию и извлечение основного смысла текста [Freeman 1997:105]. *Непрототипическое* прочтение толкуется нами как такое, которое может привести, в терминах У. Эко [Eco 1992: 23], к недоинтерпретации (*underinterpretation*), т.е. потере или искажению информации, или же к более глубокой интерпретации, способствующей выявлению тех тончайших нюансов значения номинативных единиц, скрытого смысла, передаваемого образностью текста и постигаемого благодаря определенным когнитивным операциям и процедурам, задействованным в процессе чтения, которые в значительной мере не заложены в тексте изначально, а привносятся читателем благодаря его поэтической компетенции.

Предпосылкой выбора проблематики исследования стала дискуссия, развернувшаяся на конференции “Cognition and Literary Interpretation in Practice” (Хельсинки, 27-28 августа 2004 г.) по поводу места и роли курса “Интерпретация текста” в учебной программе университетов. Обеспокоенные спадом интереса к изучению литературы, вызванным влиянием интернет-коммуникации, ростом публикаций так называемых сокращенных версий художественных произведений (*digest literature*), лингвисты высказывали различные мнения относительно усовершенствования методов обучения чтению художественной литературы, способствующих, в терминах Р. Барта, получению удовольствия и наслаждения от чтения [Барт 1994: 470].

Цель данного исследования – выявление когнитивных и лингвокогнитивных операций, обеспечивающих непрототипическое, углубленное, неординарное прочтение поэтического текста, которое впоследствии может стать его прототипическим прочтением. Осуществление этой цели предполагает систематизацию научных взглядов по проблеме когнитивного прочтения художественного текста и разработку методики когнитивной интерпретации поэтического текста, своего рода алгоритма (как системы приемов и действий), позволяющего объяснить, каким образом достигается эмоционально-эстетическое воздействие текста на читателя, как эмоция и когниция взаимодействуют при формировании чувства сопереживания при чтении поэтического текста.

Аналитический обзор работ, посвященных проблеме чтения художественного текста, позволил выделить три основных, в целом не взаимопротиворечащих, а взаимодополняющих направлений исследования: 1) работы, ориентированные на выявление авторских интенций или замысла (*author-centered*) [см., например, Freeman 1995: 643–666; Тарасова 2003; Тюкина 2005], 2) исследования, сосредоточенные исключительно на текстовом пространстве (*text-centered*) [Трофимова 2009; Тураева 2012; Ljungberg 2006: 105–124] и 3) исследования, фокусом которых является изучение фактора адресата (*reader-centered*) [Воробьева 1989: 12–14; 1992: 36–39; Vorobyova 1996:

165; Золян 1990: 351–356]. В каждом из направлений можно выделить разные подходы к описанию операций, задействованных в процессе чтения. Не останавливаясь на анализе работ, выполненных в русле традиционной лингвистики, сконцентрируем внимание лишь на тех, в которых названные направления получили развитие в когнитивной парадигме лингвистического знания.

Так, в русле первого направления с позиций когнитивного подхода к изучению поэтического текста установлены различия в когнитивных стратегиях поэтов при создании парадоксальных высказываний [Ляпон 2005]; выявлены особенности поэтики У. Шекспира и смоделировано концептуальное пространство трагического в его драмах [Никонова 2008]; на основе реконструкции индивидуально-авторских концептуальных метафор определены особенности когнитивного стиля автора [Безребра 2008]; изучены лексико-грамматические средства, эксплицирующие идиолект и идиостиль автора [Муратова 2011]; описан комплекс разнородных ощущений автора через раскрытие механизмов словесно-поэтической синестезии, понимаемой как лингвокогнитивный конструкт, содержащий информацию об этих ощущениях [Редька 2007: 27–32]. Вычленение авторских концептуальных метафор в поэзии Эмили Дикинсон, выявление специфики индивидуально-авторского осмысления концепта ВРЕМЯ позволило М. Фримен установить авторство неизвестных стихов, отличить подлинник от подделки [Freeman 1995].

Текстоцентрические исследования, базирующиеся на идеях Р. Барта о “смерти автора”, “тексте-удовольствии” и “тексте-наслаждении” [Барт 1994: 470] и положениях когнитивной лингвистики о концептуальных тропах и концептуальной интеграции, о композиционно-смысловой и синтаксической организации текста, посвящены исключительно анализу текстового пространства, текстуры текста (*texture*) [см., например, Stockwell 2002б: 73–94]. В таких работах путем лингвокогнитивного анализа тропов и фигур поэтических текстов [Філіпчик 2000; Димитренко 2000; Маріна 2004], реконструкции образ-схем как пространственных схемных образов ориентации в повествовательном континууме [Ljungberg 2006: 105–124], выявления особенностей композиционной и синтаксической организации поэтических текстов [Ляшик 2006; Стрільчук 2009], анализа видов их тональности, связанных с различными когнитивными операциями их прочтения [Мороз 2012], определены стратегии и тактики интерпретации текста [Співак 2004], раскрыты когнитивные механизмы формирования различных типов словесных образов [Горчак 2009; Воробей 2011], а также конструирования значения и порождения эмоциогенных смыслов в синестезии разных семиотических кодов [Воробьева 2006; 2010; Шурма 2009].

И хотя идея самодостаточного текста была отвергнута рецептивной эстетикой, поэтикой восприятия и нарратологией, осознавших значимость не только глубинной структуры текста, но и диалогического взаимодействия

автора и читателя [Щирова 2009: 728], наработки в области изучения семантики художественного текста оказались плодотворными для пояснения когнитивной интерпретации и процессов прочтения текста, обеспечивающих адекватное понимание и восприятие его содержания и смысла.

Среди работ, посвященных изучению фактора адресата, мы опираемся на исследования О.П. Воробьевой, в которых адресованность понимается как текстовая категория, отражающая опредмеченную в семантике и структуре текста его направленность на предполагаемого адресата коммуникации, задающая определенную модель интерпретации текста и служащая семантической базой текстовой рецепции [Воробьева 1993: 15]. Такое понимание согласуется с идеями представителей современной когнитивной поэтики, которые, настаивая на динамической природе чтения и ведущей роли в нем когнитивной деятельности читателя, фокусируют внимание и на читателе, и на процессе декодирования содержания текста, тем самым предлагая более полное объяснение чтения путем описания пространства “автор-текст-читатель” [Stockwell 2002a: 168], уточняя корреляцию понятий автор и читатель на основе их комплексного описания как ведущих антропоцентров текста.

По мнению Дэвида Мьяля, прочтение текста, ведущее к его адекватному толкованию, требует соблюдения трёх принципов, которые он называет принципами трёх “э”: *evolution* – эволюции (под которой понимается знание эпохи, контекста, особенностей литературно-стилевых направлений и биографических данных автора произведения, повлиявших на выбор его тематики, стиля и жанра), *empiricism* – эмпирицизма, т.е. ощущения, прочувствования и переживания (*experiencing*) текста, достигаемого путем стилистического декодирования, и, наконец, *emotion* – эмотивности, выявляемой через анализ экспрессивных языковых и стилистических средств [Miall 2006: 133, 134]. Переосмысливая и развивая концепцию чтения Д. Мьяля, в контексте данной статьи предлагаем следующий алгоритм углубленного прочтения поэтического текста, который включает различные когнитивные процессы, операции и процедуры, обеспечивающие экспликацию авторской интенции, содержания, тончайших нюансов смысла текста, и поясняющие то, как возникает эмоционально-эстетическое чувство от прочитанного. Иными словами, в задачу статьи входит объяснение того, почему можно, перефразируя А.С. Пушкина, над вымыслом обливаться слезами, каким образом достигается интеллектуальное наслаждение и эстетическое удовольствие в результате когнитивной обработки поэтического текста.

В современной когнитивной науке общепризнанным является тот факт, что человек сознательно использует лишь небольшую часть ресурсов мозга, в то время как основная его часть связана с бессознательным, в котором присутствует и то, что К. Юнг называл “коллективным бессознательным”. Таковое является не бездеятельным состоянием, а праформой сознания, способной воздействовать на внутренний мир человека [Юнг 1996: 102].

Это родовая память человечества, итог жизни рода, она присуща всем людям и служит основой индивидуальной психики и её культурного своеобразия, проявляющегося в архетипических образах [Юнг 1991: 122; 1997: 148]. Креативность автора, равно как и эвристическая деятельность читателя во многом зиждется на воображении и интуиции, автоматических, бессознательных операциях поэтического мышления, в большей степени опирающихся на иррациональное, чем на рациональное начало.

Учитывая вышеизложенное и понимая чтение поэтического текста как речемыслительную деятельность по извлечению содержательно-фактуальной, концептуальной и подтекстовой (имплицитной) информации [Гальперин 1991: 41–50], мы представляем алгоритм его прочтения как систему взаимосвязанных когнитивных операций и процедур, применяемых читателем/интерпретатором сознательно и бессознательно (автоматически), благодаря поэтической и лингвистической компетенции. Согласно трем видам информации, воплощаемых в поэтических текстах, выделяем три основных когнитивных процесса: симуляцию, инференцию (декодирование) и эмпатизацию, которые сопровождаются различными когнитивными операциями и процедурами.

Симуляция рассматривается как когнитивное основание предкатегориальной деятельности, имитация ментального образа в сознании читателя, возникающая во время архетипного анализа семантики поэтического текста и сопровождаемая когнитивными операциями активации и активизации структур знаний об архетипических символах, мотивах и сюжетах путем привлечения фоновых и энциклопедических знаний, почерпнутых в результате тезаурусного анализа справочной литературы по архетипам.

Эмпатизация как процесс, способствующий возникновению наслаждения от текста, реализуется благодаря когнитивным операциям ассоциации и бисоциации, при помощи которых происходит активация стереотипных ментальных схем читателя [Мороз 2012: 19].

Когнитивный процесс **инференции**, направленный на получение выводного знания путем раскрытия содержания и извлечения смысла поэтического текста, предполагает когнитивную интерпретацию его образного пространства посредством раскрытия лингвокогнитивных механизмов создания разных типов словесно-поэтических образов и выяснения характера *картирования* структур знания из области источника (source domain) на область цели (target domain). Вслед за М. Фримен, различающей виды системного аналогового концептуального картирования (атрибутивное и релятивное) [Freeman 2000: 253], мы дополнительно выделяем такой его вид, как ситуативное, а также контрастивное и нарративное, и, кроме того, вводим понятие конструктивно-творческого картирования, осуществляемого на разных уровнях текста и понимаемое как проецирование потенциальных свойств языковых единиц на словесную ткань образов в поэтическом тексте.

В своём исследовании мы исходим из того, что эволюция словесного поэтического образа вообще и в американской поэзии в частности, специфика его вербального оформления в современный период тесно связана с изменениями типов художественного сознания и развитием видов поэтического мышления – от синкретического мифопоэтического мышления в архаическую эпоху его становления к аналоговому и ассоциативному в канонический период развития и далее к парадоксальному, параболическому и эссеистическому поэтическому мышлению на индивидуально-творческом этапе поэтического творчества [Аверинцев, Андреев и др. 1994: 3–6; Эпштейн 1988: 378; Белехова 2002: 23–25].

Каждый вид картирования воплощает тот или иной вид поэтического мышления [Белехова 2002: 153–159]. Так, в основе *аналогового* (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной области образа на другую: “*The shoots green as paint and leaves like tongue*” (NA, Logan: 546). *Субститутивное* картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления: “*There'll be many a dry eye at his funeral*” (Sandburg CP: 346). Парадоксальное поэтическое мышление служит основой *контрастного* картирования [Gibbs 1993; Белехова 2002: 188–190; Марина 2006], вследствие чего одна область знания сталкивается или перекрещивается с другой: “*My father moved through griefs of joy*” (OB, Cummings: 938). *Нарративное* картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления [Молчанова 2000: 77; Turner 1998: 253–289]: “*She stared at him in a “Et-tu-Brutus” look*” (PA, Snyder: 134). Человеческое мышление прибегает к нарративному воображению – иносказанию постоянно, но незаметно, поскольку сам повседневный жизненный опыт организован в виде нарративного потока. Даже абстрактные понятия человек осознает иносказательно, моделируя их в тропеических терминах: *время не ждет, любовь зла, надежда умирает последней* и т. д. [Молчанова 2007: 35]. Нарративное картирование возможно благодаря присущему человеку особому типу мышления – параболическому, состоящему в умении категоризировать окружающий мир с помощью упаковывания своего опыта в сценарии или истории. Параболическое мышление лежит в основе создания параболических словесных образов, основным механизмом формирования которых является нарративное картирование – проецирование известных мотивов, сюжетов путем прямого цитирования известных выражений или же использования говорящих имен и перифразирования [Белехова 2002: 82–84].

И, наконец, конструктивно-творческое картирование трактуется как обыгрывание потенциальных синтагматических и парадигматических

свойств языковых единиц путем их проецирования на семантико-синтаксическую структуру словесного поэтического образа [подробнее см.: Белехова 2002: 178–207]: “*My father moved through theirs of we*” (OB, cummings: 939).

Трактуя словесный поэтический образ как трёхмерную величину, инкорпорирующую предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [Белехова 2002: 7] в образном пространстве американской поэзии на основе комплекса критериев, разработанных с учетом функционального, семантического, синтаксического и когнитивного параметров образа, мы выделяем старые (архетипные, стереотипные) и новые (идиотипные и кенотипные – древнегреческое *idios* «новый, особый», *kainos* «новый, непривычный»). Предконцептуальную ипостась словесного образа понимаем как *смысл* образа, его архетип, автоматически активируемый бессознательными когнитивными операциями [Lakoff, Johnson 1999: 10–13]. В контексте работы когнитивное бессознательное понимается как предкатегориальная деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, вызванных эмоциональным опытом человека, хранящимся в коллективном бессознательном [Воробьёва 1995: 240; Tsur 1992: 56–62]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами [Юнг 1997: 63; Campbell 1988: 18].

Концептуальная ипостась является когнитивным кодом словесного поэтического образа, отражающим обобщенное *содержание*. Формирование концептуальной ипостаси словесного поэтического образа осуществляется через лингвокогнитивные трансформации образ-схем областей источника и цели (source and target domains) на базе различных видов поэтического осмысления с помощью лингвокогнитивных операций картирования (mapping) и лингвокогнитивных процедур *расширения, обобщения, перспективизации, компрессии, сталкивания, комбинации и интертекстуализации* [см. Lakoff, Johnson 1999; Fauconnier 1997; Turner 1998; Fauconnier, Turner 2002; Kövecses 2000].

Исследование основывается на мысли о том, что каждый поэтический образ существует не сам по себе, а оказывается встроенным, вписанным в семантическое пространство всего поэтического текста и, шире, во всё семантическое пространство американской поэзии, которое, вслед за Ю.М. Лотманом, рассматриваем как часть семиосферы, семиотического пространства мировой культуры [Лотман 1996: 433]. Образное пространство поэтического текста – это картина “места проживания” и взаимодействия типологически различных образов [Гаспаров 1996: 144]. Образные “ландшафты” текстов разнятся между собой тем, как словесные поэтические образы вплетены в ткань стихотворного произведения. Раскрытие лингвокогнитивного механизма встроенности словесных поэтических образов

в поэтический текст обеспечивает адекватную интерпретацию его содержания, распределения знания, опредмеченного в его семантике.

В поэтическом тексте формируется особый вид знания, в нем важна не столько фактологическая информация, сколько субъективное видение фрагментов картины мира [Маслова 2010: 52]. В ходе чтения текста у читателя активизируются разные по степени сложности схемы знания, активируемые семантикой текста. Под схемой знания как одной из форм функционирования образа мира у индивида понимается динамическое ментальное образование той или иной степени обобщения, формирующееся на перцептивно-когнитивно-аффективной базе [Залевская 2005: 441], конкретизируемое в зависимости от описываемой текстовой ситуации и способное трансформироваться под воздействием новых, кенотипных образов, осуществляющих концептуальный прорыв в сознании читателя [Белехова 2002: 359].

Успешная художественная коммуникация обеспечивается за счет сходства в конфигурации различных схем знаний и когнитивным операциям их интерпретации, так как механизмы создания текста схожи с механизмами его декодирования.

Опираясь на теорию схем Е. Семино, схему закрепления знания (*reinforcement schema*) понимаем как когнитивную структуру, содержащую концептуальные метафоры, входящие в “Великую цепь бытия”, определяемую Дж. Лакоффом и М. Тернером как код культуры человечества [Lakoff, Turner 1989: 221–223]. Схема обновления знания (*refreshment schema*) возникает при условии, если в поэтическом тексте базовые концептуальные схемы подвергаются *расширению, конкретизации, переосмыслению, спецификации и модификации* [Lakoff, Turner 1989: 67–72; 97–100; Fauconnier, Turner 1998: 270]. Кроме того, выделяем еще одну схему знания – *схему озарения* – как результат формирования нового понимания, видения предмета, явления или события, описываемого в тексте при помощи новых образов, кенотипов. Такие словесные образы созданы путем модификации или даже разрушения привычных концептуальных схем, лежащих в их основе.

Исходной гипотезой данного исследования служит предположение о том, что к прототипическому прочтению тяготеют поэтические тексты, в образном пространстве которых преобладают архетипные и стереотипные образы, содержащие опредмеченные устойчивые знания о фрагментах картины мира, разделяемые предполагаемым читателем, и поэтому содержание и смысл таких текстов легко поддается декодированию. Напротив, тексты, в которых есть кенотипные или же большое количество идиотипных словесных поэтических образов, содержащих специфические лексико-грамматические конструкции, имена собственные и неологизмы, требуют непрототипического прочтения.

Если схемы знания о тех или иных предметах и явлениях картины мира, представленной в тексте, совпадают со схемами, укорененными в сознании

читателя, схватывание основного содержания и смысла поэтического текста не требует дополнительных когнитивных усилий читателя. Так, например, описанное в поэтическом тексте К. Сэндберга представление о счастье, оправдывает читательские ожидания:

HAPPINESS

*I asked professors who teach the meaning of life to tell me what is happiness
And I went to famous executives who boss the work of thousands of men.
They all shook their heads and gave me a smile as though I was trying to fool them.
And then on Sunday afternoon I wandered out along the Displaines river
And I saw a crowd of Hungarians under the trees with their women and
children and a keg of beer and an accordion.*

(Sanburg CP: 10)

Прототипическое прочтение достигается уже в первом чтении благодаря совпадению схем знания, опредмеченных в тексте, и тех, которые укоренены в сознании читателя в результате жизненного опыта, формирующего его фоновые знания. Стереотипная схема знания о том, что семья, дети, совместное препровождение досуга ассоциируется со счастьем, способствует *инференции* основного смысла приведенного стихотворения.

Поэтические тексты, содержащие известные, универсальные символы, также легко подвергаются прототипическому прочтению. Так, смыслосчитывание имажинистского текста К. Сэндберга “Мудрый выбор” осуществляется благодаря концептуальной метафоре ПРИРОДА – ЭТО МУДРОСТЬ, реконструируемой путем семантического анализа ключевых номинативных единиц и инференции концептуальных импликаций, передаваемых колоративными символами.

WISE CHOICE

*The green bug sleeps in white lily ear.
The red bug sleeps in the white magnolia.
Shiny wings, you are choosers of color.
You have taken your summer bungalows wisely.*

(Sanburg CP: 19)

Декодирование подтекстовой информации, содержащейся в семантике архетипической символики цвета и цветов природы, помогает раскрытию содержания стиха. Красный цвет в этом контексте символизирует зрелость, опытность, энергичность, а зеленый – молодость, незрелость. Молодой жук (*the green bug*) выбирает лилию, форма которой (*lily ear*) служит защитой от опасности. Кроме того, цветок лилии – символ чистой, юношеской любви. А красный жук – опытный, уверенный в себе – поселяется в магнолии, считающейся символом зрелой любви и уважения [Холл 1997: 147].

Для сравнения выявим когнитивные операции, участвующие в процессе чтения поэтического текста Р. Фроста, относящегося к символической поэзии:

DUST OF SNOW
The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree

Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I had rued.
 (Frost CP: 34)

Даже беглое прочтение этого текста вызывает эмоциональный отклик и эстетическое удовлетворение благодаря позитивной тональности, создаваемой на фонетическом уровне ритмико-синтаксической организацией стиха: наличием рифмы, ритма, эксплицитно выраженных причинно-следственных отношений в высказывании, представленном сложным предложением, охватывающим весь поэтический текст (причиной изменения настроения явилось то, *как* посыпался снег, сброшенный вороной), а также за счет легко узнаваемых глобальных (универсальных) символов и ярко выраженному контрасту в его композиционно-смысловой структуре.

Анализ 570 интерпретаций этого поэтического текста, размещенных на интернет-сайте, свидетельствует о том, что большинство из них (512) – результат прототипического прочтения, в котором прослеживается общее для всех определение позитивной тональности и основного смысла текста, вычлененного путем реконструкции концептуальной метафоры: ПРИРОДА – ЭТО ЛЕКАРЬ (el. ref.: R. Frost). Выявление этой метафоры осуществлено благодаря анализу глобальных образов-символов *snow* – снег и *a crow* – ворона. Концептуальная структура этих образов содержит концептуальные импликации: *очищение* и *предвестие печального события*, соответственно. Поскольку в поэтическом тексте словесные образы-символы употребляются не изолированно, а в сочетании с другими образами, их значение конструируется исходя из контекстного окружения. На наш взгляд, именно номинативная единица *The way*, стоящая в сильной позиции текста и вводящая словесный образ вороны (символ предвестия беды), стряхивающей снег с хвойного дерева, способствует *симуляции* образа снежной завесы, занавеса от неприятностей, которые ожидает лирический герой от уже испорченного им дня *a day I had rued*. Именно благодаря этому образу негативные коннотации, содержащиеся в семантической структуре лексем *dust*, *crow*, *hemlock*, *rue* и служащие сигналами активации содержания архетипа Смерть, нейтрализуются.

Остальные 58 различных интерпретаций фровостовского текста – результат непрототипического прочтения, расцениваемого нами либо как недоинтерпретации (9), не соответствующие его содержанию, либо как надинтерпретации (49), ведущие к многообразию толкований.

Так, в автор-центричных (author-centered) интерпретациях, опирающихся только на анализ экстралингвистических факторов, в частности на знание биографических подробностей жизни и творчества Р. Фроста, а именно факта о том, что он исповедовал трансцендентальные взгляды, унаследованные им от Р. Эмерсона (el. ref.: R Frost), стихотворение истолковывается как размышление о самоубийстве (поскольку день уже разрушен) и новом видении себя в другой жизни, об очищении от грехов. Такую интерпретацию мы квалифицируем как недоинтерпретацию, игнорирующую анализ семантики текста и вписанных в них стратегий и тактик интерпретации.

Разделяя мнение О.П. Воробьёвой о вписанности, встроенности стратегий интерпретации художественного текста в нем самом [Vorobyova 1996: 165], мы считаем, что непрототипическое прочтение текста, ориентированное на извлечение маргинальных скрытых смыслов, требует дополнительных когнитивных операций по обработке его образного пространства, реализующих стратегии освоения образного пространства и инференции относительно содержания и смысла семантического пространства текста.

Углубленное, непрототипическое прочтение предполагает не одноразовое чтение текста, а движение по так называемому герменевтическому кругу, направляющему движение мысли читателя от догадки относительно того, в чем состоит общий смысл текста, к анализу частных. Такое движение подтверждает или опровергает первоначальную догадку, наращивает новые частные смыслы. Последующее возвращение к целому уточняет интерпретацию и проливает свет на частности. “Эти челночные операции называют кругом: чтобы понять, приходится объяснять, а чтобы объяснить – понять” [Арнольд 1999: 408]. “Поэзия, даже самая малопонятная, рождается в понимании и для понимания” [Гадамер 1991: 152].

Первым шагом на пути освоения образного пространства текста целесообразным считаем применение стратегии *идентификации архетипов*, лежащих в основе предконцептуальной ипостаси формирования образов. Такая стратегия реализуется через операции по выявлению концептуальных импликаций, активируемых сигналами архетипических образов, и операции *инференции* передаваемого ими смысла.

Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [Юнг 1997: 64, 90–98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [Daneš 1987: 180]. Познание сопровождается эмоциями,

в свою очередь, эмоции мотивируют познание [Шаховский 2009: 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В.И. Шаховскому, “внутренний эмоциональный лексикон”, который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [Шаховский 1997: 132]. В контексте нашей работы внутренний эмоциональный лексикон учитывается при описании компонентов предконцептуальной структуры словесного образа в виде схемных образов архетипов как форматов представления знаний о них.

Методика описания схемных образов, или образ-схем (image-schemas) детально разработана в когнитивной лингвистике [см. напр.: Lakoff, Johnson 1999: 161–164; Жаботинская 2002; 2009; Потапенко 2004: 20–24]. Используя эту методику с некоторыми модификациями, мы предлагаем метаязык семантического описания образ-схем архетипов и базовых концептов в терминах семантических узлов, или слотов, содержащих информацию о физическом или эмоциональном опыте, структурных элементах, выражающих внутренний эмоциональный лексикон, и базовой логике. С помощью слота “*физический опыт*” описывается телесный опыт человека, в результате которого признаки, свойства и качества предметов, явлений и событий становятся компонентами значений концепта и используются в номинативной деятельности. Слот “*эмоциональный опыт*” заполняется описанием лингвокогнитивных процедур активации эмоциогенного знания в формировании предконцептуальной структуры словесного образа. Слот “*внутренний эмоциональный лексикон*” содержит набор концептуальных признаков, присущих базовому концепту, и концептуальные импликации, активируемые архетипами. В слоте “*базовая логика*” объясняется логика связей и отношений между концептуальными признаками концепта и физическим опытом человека.

Описание предконцептуальной структуры представим на примере словесного поэтического образа Э. Паунда “*a new day glistens in the old day’s room*” (Pound NA, 987). Основой приведенного словесно-поэтического образа выступает базовый концепт области источника ВМЕСТИЛИЩЕ и архетип СВЕТ. В слоте “*внутренний эмоциональный лексикон*” архетипа СВЕТ содержатся следующие концептуальные импликации: *причастность к космосу бытия, стремление к возвышенному, стремление к познанию сути бытия, стремление к знаниям, ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего, ощущение жизненной энергии, чистоты, величия, вечности мироздания*. В словесном поэтическом образе объективируются лишь некоторые импликации – *ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего*, что и составляет его смысл. Из образ-схемы базового концепта ВМЕСТИЛИЩЕ в словесном образе реализуется лишь концептуальный признак *помещение вовнутрь*, воплощенный вербально в предлоге *in*, и признак *ограниченное пространство*, который актуализируется в семантике слова *room*.

Следует различать понятия “архетип” и “архетипический словесный образ”. Архетип, вернее, отдельные его концептуальные импликации, служат основой любого словесного образа, это его внутренняя форма по А.А. Потебне. Архетипические словесные образы отображают фрагменты мифопоэтической картины мира. Они классифицируются нами на образы-сюжеты и образы-символы, в которых путем нарративного картирования воплощаются мифологические, библейские и фольклорные знания о мире.

Архетипические словесные поэтические образы-сюжеты выполняют *познавательно-творческую* функцию, поскольку, отображая известные, архаические сюжеты и мотивы, активизируют фоновые, культурно-энциклопедические знания читателей и тем самым доставляют удовольствие от текста.

Архетипические образы-символы характеризуются *суггестивной* функцией, создавая эмоциональное напряжение, ведущее к замедлению обработки информации. Например, для осмысления словесного образа “*Life is a bowl of cherries*” (Sandburg CP: 660) – “*Жизнь – это чаша с вишнями*” – необходимо знание содержания символов в англосаксонской и скандинавской традициях, где *вишня*, также как и *яблоко*, символизируют *плоды познания добра и зла, дары* [Холл 1997: 43]. Незнание символов приводит к неоднозначным интерпретациям. Как правило, тексты, в которых есть архетипические образы, воплощающие общеизвестные сюжеты и глобальные символы, способствуют прототипическому прочтению. В то время как тексты, содержащие этнокультурные словесные образы, требуют непрототипического прочтения. Степень экспликации смысла таких образов зависит от фоновых и энциклопедических знаний читателя. Так, определенной эрудиции требует раскрытие смысла стихотворения Э. Паунда “*Нельзя украсть луну*” – “*The Moon Can’t Be Stolen*”, написанного в стиле японской хайку:

*Cool winter moon
shed
silver pearls in the room
And you
took Renahn’s dress
for recompense
(MV, Pound: 427)*

Смысл поэтического текста становится понятным лишь при условии знания коанов – коротких буддистских повествований – японской философии, один из которых так и называется “*Нельзя украсть луну*” [Miner, Odagiri 1981: 67–68]. В нем говорится об одном из эпизодов из жизни учителя дзен буддизма, Ренане. Однажды в его скромное жилище проник вор и увидел, что там нечего украсть. Ренан, выражая сочувствие вору, отдал ему свою одежду. Изумленный великодушием хозяина, воришка убежал, а Ренан

промолвил ему вслед: “Бедный юноша, а я хотел подарить тебе еще и луну” [Там же: 69]. Заголовок стихотворения является своего рода словесным образом-параболой, иносказанием, смысл которого – “*вещи не стоят духовных ценностей жизни*”. Интерпретации этого текста способствует и знание литературоведческой критики творчества Э. Паунда. Дело в том, что Эзра Паунд написал эти поэтические строчки в ответ на дискуссию по проблеме реалистического и модернистского метода отображения жизни в поэзии. Отстаивая тезис, согласно которому “образ должен быть эмоциональным и интеллектуальным комплексом”, Э. Паунд выступал против миметического образа (image-mimesis) и настаивал на создании образа-притчи (image-parable), стимулирующего интеллектуальную деятельность читателя [Pound 1968: 26].

Определенную трудность для интерпретации представляют поэтические тексты, в которых содержатся новообразы – параболы и метаболы. Модернистская парабола – продукт параболического поэтического мышления, выражающегося в создании особых словесных образов, в которых содержание субъектной части образа раскрывается через ряд тематически родственных образов, радиально разворачивающих образное пространство поэтического текста. Примером служит словесный поэтический образ-парабола У. Стивенса в стихотворении “Palaz of Hoop” – “Дворец Хоон”:

*It is the natural tower of all the world,
The point of survey, green's green apogee,
But a tower more precious than the view beyond,
A point of survey squatting like a throne,
Axis of everything.
(MV, Stevens: 112)*

Словесные поэтические образы: “*the natural tower of all the world, The point of survey*” – “*естественная башня мира, пункт обзора, наблюдения*” и “*green's green apogee*” – “*апогей радостных надежд молодого поэта*” вызывают определенную трудность для интерпретации, поскольку требуют знания интертекста и индивидуальных символов поэта, в частности символа радости, который У. Стивенс воплощает в слове *green* [Frye 1968: 269]. Названные образы заимствованы у В. Йетса “*a poet is the sun's apogee*” – “*поэт – солнца апогей*” и “*his tower-mountain of vision*” – “*его горная вершина наблюдения*”. Они являются метонимией, сквозь призму которой воспринимается имя собственное Palaz of Hoop – Дворец Хоон, место, где встречаются поэты для обсуждения своих творческих замыслов.

Проанализируем словесный поэтический образ Денизы Левертов из стихотворения “Избранный путь” – “Road Taken” с целью объяснения механизмов формирования и восприятия образа-метаболы:

Life is a stage, dev-ill, d-evil, dia-(e)vil
Playing tricks with you
Leading up the stairs
going
down
 (Levertov P: 14)

Словесный поэтический образ построен в традициях постмодернизма. В нем используется интертекст: “*All the world’s stage / And all the men and women merely players*” (Shakespeare, *As You Like It?* Act II, scene vii); “*Dev-ill was after us / tricking up like Jehovah*” (H. Doolittle); “*The heavy past plays tricks with me*” (A. Sexton). Тем не менее, в соответствии с художественными принципами постмодернизма происходит адаптация цитат к новому поэтическому тексту [Ильин 1996: 228] и таким образом *интертекстуализация* служит приемом формирования новых словесных образов или переосмысления известных. Дениза Левертон расширяет семантическое пространство образа, заимствованного из стихотворения Хильды Дулитл “*dev-ill was after us*”, продолжая вслед за ней поиски внутренней формы слова дьявол: *dev-ill* – *больной дьявол*, *d-evil* – *зло*, *dia-(e)vil* – *через зло*. В игре с последним она воссоздает славянское звучание этой номинативной единицы. Можно предположить, что это сделано преднамеренно, поскольку Дениза имеет славянские корни в своем происхождении. Игра в постмодерне, в отличие от модерна, заключается в игре смыслами, а не только словами. Это достигается путем дивергенции образа, лишения его предметности. Посредством сочетания дивергентных и конвергентных образов Д. Левертон создает разностороннее описание жизни во всем многообразии её проявления. Жизнь осмысливается и как игра, театр (*a stage*), и как стремление к успеху, к карьере (*up the stairs*), чрезмерное увлечение которой может привести к краху (*going down*).

Апогеем поэтического творчества является не только новое освещение старых истин, но и создание такого словесного поэтического образа, который не имеет аналогов, приводит к нарушению и даже разрушению устоявшихся взглядов на привычные явления и события жизни, что вызывает внезапное озарение в понимании сути вещей. Такой словесный поэтический образ мы называем *кенотипом*. Он осуществляет “концептуальный прорыв” в понятийной системе человека. Спецификой формирования нового образа является создание не просто новой информации, а интересной, связанной с когнитивной гармонией, суть которой заключается в том, чтобы в новом, неизвестном, читатель способен отыскать знакомое, привычное, приятное, понятное [Молчанова 2007: 152]. Однообразие убивает эмоции. Чувства нового, острого является необходимым для возникновения эмоций “гностицизма” [там же]. Именно они обеспечивают когнитивную гармонию при интерпретации поэтического текста, удовлетворение от которой включает

эвристический механизм обработки знания – *схему озарения*. Следовательно, условием формирования кенотипного словесного поэтического образа является ориентация на интерес, заинтересованность. Новое, акт удивления возникает тогда, когда есть конфликт с устоявшимися понятиями. Такой конфликт, или *бисоциация* как когнитивная операция связывания двух несовместимых понятий или явлений ощущается при прочтении текста, в котором прослеживается разрушение привычных схем знания. Например, стихотворение Р. Блая “Elaborating Malevich” – “Развивая Малевича” содержит только один словесный поэтический образ-метаболу: “*Black Square pours Black Light on me / sending Knowledge like Revelation: / Non-Epicurian ataraxy*” (ВАР, Bly: 12). Оксюморон *Black Light* разрушает базовую концептуальную метафору СВЕТ – ЭТО ЗНАНИЕ. Отправной точкой интерпретации приведенного словесного поэтического образа, ориентиром осмысления его содержания является заглавие стихотворения, которое “размыкает замкнутые горизонты мысли” читателя [Мамардашвили 1996: 53], сигнализируя о необходимости активизации фоновых, энциклопедических знаний. Содержание поэтических строк: “*смысл бытия постигается через осознание гармонии Вселенной, осмысление понятий бесконечности и абсолюта космического Ума, понимание законов единства и противоположности*”, – выводится путем параболического осмысления картины супрематиста К. Малевича и проекции знаний, почерпнутых в искусствоведении, о нарисованном черном квадрате на поэтический текст. Черный квадрат, символизирующий Космос, абсолютное знание, персонифицируется в тексте в виде поэтической метафоры: черный квадрат льет черный свет, посылая знание как откровение.

Вторым ориентиром интерпретации выступает аллюзивное словосочетание *Non-Epicurian ataraxy*, содержащее свернутое знания о философии жизни античного мыслителя Эпикура. Атараксия – понятие древнегреческой этики о душевном покое как цели и манере поведения, к которым должен стремиться человек. Как высший идеал жизни атараксия связывается с внутренней свободой личности, освобождением от страданий [Философский словарь 1989: 12]. По мнению Эпикура, мудрость, как высшее благо, заключается в исследовании причин страданий, самым сильным из которых является страх перед смертью и особенно перед тем, что ожидает человека в загробной жизни, потому, признав смертность души и этим преодолев страх смерти, человек достигает внутренней свободы и душевного покоя [Эпикур 1969: 356–358]. В своем словесном поэтическом образе Р. Блай сталкивает эпикуровское понимание смысла жизни с его осмыслением в постмодернистскую эпоху. Концептуальный оксюморон – АТАРАКСИЯ противоречит КОСМОСУ БЫТИЯ – лежит в основе образа-метаболы. Энигматичность образа снимается раскрытием механизма нарративного картирования знаний, определенных в его словесной ткани. Знание о том, что черный квадрат К. Малевича является космосом, космическим умом, актуализируется в оксюмороне *Black Light* – Черный Свет. На наш

взгляд, непрототипическое прочтение подобных поэтических текстов, требующих привлечения различных когнитивных операций, приносит интеллектуальное наслаждение и способствует возникновению эмоционального отклика читателя.

Подводя итоги, следует отметить, что различные типы словесных поэтических образов, подчиненные общей эстетической функции в поэтическом тексте, выполняют свои специфические функции, обеспечивая тем самым целостность и связность поэтического текста. Определение этих функций и механизмов формирования словесных поэтических образов американской поэзии способствует адекватной интерпретации поэтического текста, пониманию движения поэтической мысли и способов её воплощения в ткань поэтических произведений, характера взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов в становлении и развитии словесных поэтических образов.

Алгоритм прочтения поэтического текста включает когнитивные процессы симуляции, декодирования и эмпатизации, которые осуществляются через когнитивные операции активации знаний об архетипах, экспликации способов их активизации и актуализации в тексте, выявления видов картирования как механизмов создания образности, инференции имплицитных смыслов, операций ассоциации и бисоциации, объясняющих причины возникновения эмоционального резонанса [Воробьева 2006; Воробйова 2008].

Предконцептуальной основой идентификации эмоционально-эстетической оценки признается способность читателя к подсознательной ментальной симуляции, то есть имитации образов, состояний, чувств соответствующих тем, которые отображены в поэтическом тексте. Такая симуляция является результатом действия когнитивных процедур согласования, столкновения и пересечения стереотипных читательских и актуализированных текстовых схем знания. В результате действия этих процедур происходит активация когнитивного механизма эмпатии, который рассматривается нами как способность человека узнавать эмоциональные состояния благодаря априорным и фоновым эмоциогенным знаниям и сочувствовать им. Эмпатия является необходимым условием сотворчества автора и читателя.

Стереотипные и архетипные словесные поэтические образы служат своего рода «якорями» (anchors) освоения образного пространства, поскольку они удерживают читателя в русле прототипического прочтения текста. Что касается новообразов, то они обеспечивают открытость поэтического текста, предоставляя читателю свободу интерпретации.

Перспективу дальнейших исследований видим в разработке стратегий интерпретации текстов различных жанров и форматов, а также обнаружении характера ограничений на свободу интерпретации и на применение тех или иных когнитивных операций, ведущих к искажению смысла текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Категории поэтики в смене литературных эпох / [Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 3–38.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекст / И.В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПб. ун-а, 1999. – 444 с.
3. Барт Р. Семиотика. Поэтика: Избранные работы 1985–1980 / Р. Барт ; пер. с фр. : [ред. Г.К. Косиков]. – М. : Изд. группа «Прогресс», «Университет», 1994. – 667 с.
4. Безребра Н.Ю. Лінгвостилістичний та семантико-когнітивний аспекти поетики Е. Дікінсон : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Н.Ю. Безребра – К., 2007. – 19 с.
5. Белехова Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії) : монографія / Л.І. Белехова. – Херсон : Айлант, 2002. – 368 с.
6. Воробей Н.В. Етнокультурна картина світу в афро-американській поезії: лінгвокультурологічний та лінгвокогнітивний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Н.В. Воробей. – Херсон, 2011. – 20 с.
7. Воробьёва О.П. Реализация установки на читателя в аспекте культурно-лингвистической традиции / О.П. Воробьёва // Язык и история: проблемы лингвокультурной традиции : тез. всесоюз. науч. конф. / ИЯ АН СССР. – М., 1989. – С. 12–14.
8. Воробьёва О.П. Фактор адресата и проблема множественности интерпретаций художественного текста / О.П. Воробьёва // Понимание и рефлексия : материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. Ч. 2. – Тверь, 1992. – С. 36–39.
9. Воробьёва О.П. Текстовые категории и фактор адресата : монографія / О.П. Воробьёва. – Киев : Вища школа, 1993. – 199 с.
10. Воробьёва О.П. Эмотивность художественного текста и читательская рефлексия / О.П. Воробьёва // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995. – С. 240–246.
11. Воробьева О.П. Вирджиния Вульф в аспекте языковой личности: когнитивный этюд / О.П. Воробьёва // Язык и транснациональные проблемы : материалы Междунар. конф. / ИЯ РАН, Тамбовский гос. ун-т, Ин-т развития языка и литератур (Австрия, Вена), 22–24 апреля 2004 г. – М., Тамбов, 2004. – С. 50–56.
12. Воробьёва О.П. Эмоциональный резонанс сквозь призму ментальной симуляции / О.П. Воробьёва // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов (ИЯ РАН, Тамбовский ГУ имени Г.Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 26–28 сентября 2006 г.), Тамбов, 2006. – С. 46–48.

13. Воробйова О.П. Поетика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П. Воробьєва // Мова, культура й освіта в сучасному світі : зб. наук. праць до 90-річчя д. філол. н., проф. Романовського О.К. : [відп. ред. Стишов О.А.]. – К., 2008. – С. 126–135.
14. Воробьєва О.П. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта / О.П. Воробьєва // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 764–776.
15. Воробьєва О.П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии / О.П. Воробьєва // Когниция, коммуникация, дискурс : Международный электронный сборник научных трудов: Направление Филология. – № 1. – Харьков, 2010. – С. 47–75.
16. Воробйова О.П. Равлик і метелик у вирі буття: когнітивні аспекти / О.П. Воробьєва // Вісник Київського національного університету. Серія Філологія. – 2011. – Том 14, № 1. – С. 25–35.
17. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М. : Искусство, 1991. – 367с.
18. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
19. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
20. Горчак Т.Ю. Словесний образ-символ в американській поезії ХХ століття: когнітивно-семіотичний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Т.Ю. Горчак – К., 2009. – 20 с.
21. Димитренко Л.В. Когнітивні та лінгвостилістичні особливості поетичного образу (на матеріалі американської поезії ХХ ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Л.В. Димитренко – Одеса, 2000. – 19 с.
22. Жаботинская С.А. Ономазиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики / С.А. Жаботинская // С любовью к языку : сб. науч. трудов, посвященных Е. С. Кубряковой. – М., Воронеж, 2002. – С. 115–123.
23. Жаботинская С.А. Принципы создания ономазиологических моделей и событийных схем / С.А. Жаботинская // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 381–400.
24. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
25. Золян С.Т. Семантические аспекты поэтики адресата / С.Т. Золян // Res Philologica : сб. ст. ; [ред. Д.С. Лихачов]. – М.–Л., 1990 – С. 351–356.
26. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.

27. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1996. – 848 с.
28. Ляпон М. Парадокс как отражение когнитивной стратегии: Бродский и Цветаева / М. Ляпон. // Иосиф Бродский: стратегии чтения. – М., 2005. – С. 83–75.
29. Ляшик О.А. Жанрова специфіка композиційно-сміслової структури поетичного тексту: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.А. Ляшик. – К., 2004. – 19 с.
30. Мамардашвили М.К. Стрела познания / М.К. Мамардашвили. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 396 с.
31. Маріна О.С. Контрастивні тропи і фігури в американській поезії модернізму: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.С. Маріна. – К., 2004. – 19 с.
32. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке : монография / Ж.Н. Маслова. – Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – 280 с.
33. Молчанова Г.Г. Английский язык как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация : учебное пособие / Г.Г. Молчанова. – М. : ОЛМА Медия Групп, 2007. – 384 с.
34. Мороз О.Л. Лінгвокогнітивні та лінгвостилістичні засоби реалізації тональності поетичного тексту : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.Л. Мороз. – Херсон, 2012. – 20 с.
35. Муратова В.Ф. Ідіолект Патріка Зюськінда: лексико-граматичний і стилістичний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / В.Ф. Муратова. – Херсон, 2012. – 20 с.
36. Ніконова В.Г. Концептуальний простір трагедійного в п'єсах Шекспіра: поетико-когнітивний аналіз : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / В.Г. Ніконова. – К., 2008. – 32 с.
37. Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (Досвід лінгвокогнітивного аналізу) : монографія. / С.І. Потапенко. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.
38. Редька І.А. Словесна синестезія і словесна поетична синестезія як способи вираження авторської сенсорики у поетичному тексті (на матеріалі американської жіночої холодної та гарячої поезії / І.А. Редька // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО КНЛУ: філологія, педагогіка, психологія. – 2007. – Вип. 14. – С. 27–32.
39. Стрільчук А.В. Синтаксична організація текстів сучасної американської поезії: когнітивно-семіотичний та синергетичний аспекти : автореф. дис.

- на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / А.В. Стрільчук. – К., 2009. – 20 с.
40. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И.А.Тарасова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 280 с.
  41. Трофимова Ю.М. Лингвистика поэтического текста: поэтический язык и поэтическое содержание / Ю.М. Трофимова // Язык. Культура. Коммуникация : [ред. С.А. Борисов]. – Ульяновск, 2009. – С. 225–231.
  42. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика : учебное пособие / З.Я.Тураева. – [3-е изд.]. – М. : Книжный дом ЛИБРИКОМ, 2012. – 144 с.
  43. Тюкина С. Онтологический каркас поэзии Иосифа Бродского / С. Тюкина // Иосиф Бродский: Стратегии чтения. – М., 2005. – С. 76–90.
  44. Філіпчик О.Й. Синтаксичні засоби створення образу (на матеріалі сучасної американської поезії): : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.Й. Філіпчик. – Одеса, 2000. – 17 с.
  45. Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания / В.И. Шаховский // К юбилею ученого : сб. науч. трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – С. 130–135.
  46. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / В.И. Шаховский // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 671–683.
  47. Шурма С.Г. Поетика образу та символу в американському готичному оповіданні: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі новелістики Е. По, А. Бірса та Г. Лавкрафта) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / С.Г. Шурма. – К., 2008. – 20 с.
  48. Щирова И.А. Текст в период доминирования когнитивных наук: проблемы и возможные решения / И.А.Щирова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 723–735.
  49. Эпикур. Из письма к Менеккею / Эпикур // Антология мировой философии. – М., 1969. – С. 354–359.
  50. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии в XIX – XX в. / М.Н. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.
  51. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе : учебное пособие для вузов / М.Н. Эпштейн. – М. : Высшая школа, 2005. – 495 с.
  52. Юнг К.–Г. Душа и миф: Шесть архетипов / К.–Г. Юнг; [пер. с англ.]. – К. : Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. – 324 с.
  53. Юнг К.–Г. Сознание и бессознательное / К.–Г. Юнг; [пер. с англ.]. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.
  54. Юнг К.–Г. Человек и его символы / К.–Г. Юнг; [пер. с англ.]. – СПб. : Б.С.К., 1996. – 646 с.
  55. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as

- Religion / J. Campbell. – N.Y., Toronto : Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.
56. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field / F. Daneš // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists : [ed. by W. Barner, J. Schmidt, D. Viehweger]. – Berlin, 1987. – P. 168–179.
57. Eco U. Interpretation and Overinterpretation / U. Eco. – Cambridge, N.Y., Sydney : Cambridge University Press, 1992. – 152 p.
58. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
59. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
60. Fauconnier G. The dark matters of semantics / G. Fauconnier // 4-th Cognitive Linguistics Conference (London, King's College, 10-12th July, 2012) : Book of Abstracts. – London, 2012. – P. 1.
61. Fauconnier G. Principles of conceptual integration / G. Fauconnier, M. Turner // Discourse and Cognition: Bridging the Gap : [ed. by J. R. Koenig]. – Stanford, 1998. – P. 269–283.
62. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
63. Freeman M. Emily Dickinson and the discourse of intimacy / M. Freeman // Semantics of Silence in Language and Literature : [ed. by G. Grabher, U. Jessner]. – Heidelberg, 1996. – P. 191–210.
64. Freeman M. Metaphor making meaning: Dickinson's conceptual universe / M. Freeman // Journal of Pragmatics. – 1995. – No. 24. – P. 643–666.
65. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // The Cognitive Theory of Literature: State of the Art and Application to English Studies. – ESSE 4, Debrecen, Hungary, 1997. – P. 103–123.
66. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective : [ed. by Antonia Barcelona]. – Berlin, N.Y., 2000. – P. 253–283.
67. Frost R. Dust of Snow. [el. ref.] режим доступа : <http://www.poemofquotes.com/R.Frost.Dust.of.Snow.php.analysis.2012/htm>.
68. Frye N. The realistic oreole: A study of Wallace Stevens / N. Frye // Modern Poetry: Essays in Criticism : [ed. by J. Hollander]. – Oxford, 1968. – P. 267–284.
69. Gibbs R.W., Jr. Process and products in making sense of tropes / R.W. Gibbs // Metaphor and Thought : [ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 252–276.
70. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge : Maison des Science de L'Homme

- and Cambridge University Press, 2000. – 224 p.
71. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* [ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 202–251.
  72. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind* / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
  73. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
  74. Lakoff G. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y. : Basic Books, 1999. – 624 p.
  75. Lakoff G. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
  76. Ljungberg Ch. Models of Reading: Diagrammatic Aspects of Literary Texts / Ch. Ljungberg // *Journal of Literary Semantics: An International Review*. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 105–128.
  77. Miall D.S. Beyond Interpretation: The Cognitive Significance of Reading / D.S. Miall // *Journal of Literary Semantics : An International Review. Journal of Literary Semantics: An International Review*. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 129–155.
  78. Miner E. *The Monkey Straw Raincoat and Other Poetry of Basho School* / E. Miner, Y. Odagiri. – Princeton (N. J.) : Princeton University Press, 1981. – 142 p.
  79. Pound E. A few don'ts by an imagist / E. Pound // *Imagist Poetry* [ed. by P. Jones]. – L., 1972. – P. 130–134.
  80. Pound E. *Melopoeia, phanopoeia, and logopoeia* / E. Pound // *Twentieth Century Poetry: Critical Essays and Documents* : [ed. by G. Martin and P. N. Furbank]. – L, 1975. – P. 21–22.
  81. Semino E. *Language and World Creation in Poems and Other Texts* / E. Semino. – L.; N.Y. : Longman, 1997. – 274 p.
  82. Stockwell P. *Cognitive poetics. An introduction* / P. Stockwell. – L. et al. : Routledge, 202a. – 234 p.
  83. Stockwell P. *Milonic texture and the feeling of reading* / P. Stockwell // *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis* : [ed. by E. Semino and J. Culpeper]. – Amsterdam, Philadelphia, 2002b. – P. 73–94.
  84. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics* / R. Tsur. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.
  85. Turner M. *The Literary Mind: The Origin of Thought and Language* / M. Turner. – N.Y., Oxford : Oxford University Press, 1998. – 187 p.
  86. Vorobyova O.P. *Linguistic Signals of Addressee-Oriented in the Source and Target Literary Text: A Comparative Study* / O.P. Vorobyova // *CLS 32: Papers from the Parasession on "Theory and Data in Linguistics"* (April 11–13, 1996, University of Chicago). – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1996. – P. 165–175.

87. Wilson R. Introduction: Poetic endeavor / R. Wilson // Bibliography of Denise Levertov. – N.Y. : Phoenix Book Shop, 1994. – P. i-xxxii.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / [ред. С.С. Аверинцев]. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл ; [пер. с англ.]. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 656 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. **ВАР** – The Best American Poetry 1995 / [ed. by R. Howard]. – N.Y.; L.; Toronto, etc.: A Touchstone Book, Publ. by Simon & Shuster, 1996. – 303 p.
2. **Frost CP** – Frost R. Complete Poems of Robert Frost. – N.Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1962. – 666 p.
3. **Levertov P** – Levertov D. Poems 1968-1972. – N.Y. : New Directions Publishing Corporation, 1987. – 259 p.
4. **MV** – The Pocket Book: Modern Verse / [ed. by O. Williams]. – N.Y. : Washington Square Press, Inc., 1958. – 635 p.
5. **NA** – The Norton Anthology of American Literature: Third Edition – N.Y., L. : W.W. Norton & Company, 1989. – 2856 p.
6. **OB** – The Oxford Book of American Verse – N. Y. : Oxford University Press, 1950. – 1132 p.
7. **PA** – The Postmoderns: The New American Poetry Revised / [ed. by D. Allen and G. F. Butterick]. – N.Y.: Grove Weidenfeld, 1982. – 436 p.
8. **Sandburg CP** – Sandburg C. The Complete Poems / Sandburg C. – San-Diego; N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970. – 797 p.

Белехова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Херсонского государственного университета; e-mail: lorabelehova@mail.ru

УДК 811.111'42

**BIBLICAL vs. HUMAN PARADOXES,
 AND WAYS OF DEALING WITH POST-PARADOXICAL CONFUSION**
O. Jaffae/Kolomiytseva (Lancaster, Pennsylvania, U.S.)

I would like to thank Professor Olga Petrovna Vorobyova for her inspirational instruction and guidance. A wonderful scholar and teacher, Olga Petrovna has instilled in me a deep appreciation and love for the beauty and intricacy of language and linguistics. She has been very generous in her support of my academic pursuits. Dear Olga Petrovna, may the light of the Lord shine upon you!

O.A. Jaffae/Kolomiytseva. Biblical vs. Human Paradoxes, and Ways of Dealing with Post-Paradoxical Confusion. This article proposes a comparative study of semantics and pragmatics of human and biblical paradoxes in English discourse. Paradoxes are part of the subconscious code of language. The author uses methods of cognitive linguistics, pragmatics, psycholinguistics, and discourse analysis to prove that manipulative human paradoxes are mentally destructive for the addressee, since they cause post-paradoxical confusion. And conversely, biblical paradoxes are beneficiary for the recipient, which makes them an effective tool in biblical paradoxical therapy.

Key Words: biblical paradoxes, human paradoxes, code of the subconscious, post-paradoxical confusion, biblical paradoxical therapy

О.А. Джеффи/Коломийцева. Библейские vs. светские парадоксы и способы преодоления пост-парадоксального замешательства. Статья посвящена сравнительному исследованию семантических и прагматических характеристик парадоксальных высказываний в английском библейском и светском дискурсе. Парадоксы рассматриваются как одна из структур кода бессознательного. Используя методы когнитивистики, прагмалингвистики, психолингвистики и дискурс-анализа, автор доказывает, что светские манипулятивные парадоксы отрицательно влияют на психику адресата и являются причиной эффекта пост-парадоксального замешательства. Библейские парадоксы, напротив, оказывают благоприятное воздействие на реципиента и могут быть успешно использованы в ходе библейской парадоксальной терапии.

Ключевые слова: библейские парадоксы, светские парадоксы, код бессознательного, пост-парадоксальное замешательство, библейская парадоксальная терапия

О.А. Джеффі/Коломійцева. Біблійні vs. світські парадокси та способи подолання пост-парадоксального збентеження. Стаття присвячена порівняльному дослідженню семантичних і прагматичних характеристик парадоксальних висловлень в англійському біблійному та світському дискурсах. Парадокси розглядаються як одна зі структур коду несвідомого. Користуючись методами когнітивістики, прагмалінгвістики, психолінгвістики та дискурс-аналізу, автор доводить, що світські маніпулятивні парадокси негативно впливають на психіку адресата і спричиняють ефект пост-парадоксального збентеження. Біблійні парадокси, навпаки, впливають на психіку реципієнта позитивно і можуть успішно застосовуватись у біблійній парадоксальній терапії.

Ключові слова: біблійні парадокси, світські парадокси, код несвідомого, пост-парадоксальне збеньження, біблійна парадоксальна терапія.

1. Introduction. Paradoxes are among the most interesting structures of the subconscious code of language. The *objective* of this research is a comparative semantic and pragmatic study of biblical and human paradoxes. It is hypothesized that human and biblical paradoxes, being structurally similar, produce opposite perlocutionary effects. Among human paradoxes are those which have a negative impact upon the psychological state of the listener, who may experience the so-called post-paradoxical confusion manifested by specific destructive responses. On the other hand, biblical paradoxes are intellectually and spiritually stimulating, which makes them an effective tool in dealing with the negative effects of human paradoxes. The empirical data of this research – 174 biblical and 103 human paradoxes – come from fiction and newspaper articles

2. Semantic Characteristics of Paradoxes. What differs biblical (divine) paradoxes from the secular (human) ones is their authorship. Human paradoxes are coined in human speech, while divine paradoxes come from the mouth of God. Therefore, we have the opposition ‘the carnal man vs. the omniscient, omnipresent and omnipotent God’.

Traditionally, the paradox, either biblical or human, is defined as an antonymous juxtaposition of two or more contrasting messages. The invariant structure of a paradox, regardless of its type, can be described by the formula **X is Y = X is not Y**. The presence of two or more mutually excluding truths challenges the rules of logic and thus creates a certain cognitive dissonance, as in example (1), where love and hate are two opposite feelings.

- (1) *“There is no love without hate,” he says, as if stating a QED* (Eva Hoffman, *Appassionata*, p. 158).

When viewed from the standpoint of cognitive linguistics, paradoxes can be described as conceptual blending. The latter results from interaction of several mental spaces: two or more *input spaces*, a *generic space* that maps onto each of the inputs and contains what the inputs have in common, and *the blended space* that has parts of the inputs arranged according to the structure captured by the generic space [Fauconnier and Turner 2000: 47]. The blend develops emergent structure that is not in the inputs [Ibid: 42; see also Kiang 2005: 14]. In a paradox, the emergent meaning that appears in a blend is that of *an extremely intense emotion bordering on obsession*. A person who experiences such emotion is unable to explain his/her conception of the described entity. Let us consider the biblical paradox in (2).

- (2) *For the invisible things of him from the creation of the world are clearly seen, being understood by the things that are made, even his eternal power and Godhead; so that they are without excuse (Romans 1:20).*

On the surface, biblical and human paradoxical utterances look quite similar. What makes them different is the resultant, emergent meaning of the paradox. For a human contradictory utterance, it is *uncertainty*; the speaker wonders which of the input statements is true. In example (1) it can be either love or hate. On the other hand, both messages constituting a paradoxical utterance are true, and so is the emergent meaning. Biblical paradoxes convey some generic, absolute truth about the nature of God or its creation. For example, the reader of the biblical verse given in (2) may wonder whether the things of God are visible or not. The answer is *yes, God's things are visible but only to the eyes of the spirit*. The inherent contradiction introduces the reader into the realm of the supernatural. Instead of confusion, there is enlightenment.

Viewed from the standpoint of pragmatic theory, paradoxes appear abnormal because of the conflict they create between the speaker's communicative strategy and the maxims of conversation [Жигадло 2006:8]. And yet if we agree that paradoxes are semantically or pragmatically abnormal, we will have to ask ourselves: why do the structures so obviously controversial become popular in everyday speech, in literature, poetry in particular, in scientific and political discourse? We believe that the use of a paradox activates the addressee's subconscious. Bewildered by a paradox, the addressee's mind starts wandering freely, engaging loose associations and hidden connections between seemingly unrelated things, as in (3).

- (3) *Because you can only understand what it means to be free if you have been a slave (Eve Hoffman, *Appassionata*: 163).*

The reader wonders whether there is really a similarity between freedom and slavery. The lexical units naming them are in antonymous relationship. Antonyms belong in the realm of language as a system; they are not expected to be used in referring to the same entity.

A paradox can be described as infringement of paradigmatic relations of language upon the syntagmatic organization of speech. The result is a shift in the psychological condition of the addressee. The censorship role of consciousness gets reduced to the minimum. Instead of processing the message from the premises of natural logic, the addressee merely accepts the information as a given: *oh, isn't that true?*

Any human language has specific units and structures that activate the subconscious sphere of the recipient [Spivak 1992:32]. The total scope of such units is referred to as *the subconscious code of language* [Kolomiytseva 1999: 27]. The subconscious bridges human soul (mind, emotions and intellect) and human spirit (conscience, intuition, fellowship with God). The realm of spirit is often thought of as something esoteric,

bordering on the supernatural, yet its existence can hardly be denied. The paradox is extremely effective in triggering the addressee's subconscious sphere.

3. Pragmatic Functions of Paradoxes. First of all, let us agree that speaking does not necessarily imply interaction with other individuals. One may move the lips or let the fingers run across a computer keyboard, totally oblivious of the presence of others nearby. Other quick examples are monologues of individuals in altered states of consciousness (being asleep or drug-induced) [Spivak 1992:47], of young children, and of mentally sick people, especially schizophrenic patients. When the speaker focuses entirely on his/her own self, we can say that his/her speech behavior is guided by the expressive mindset [Kolomiytseva 1999:14]. Meanwhile, when the speaker establishes a rapport with another individual, his/her expressive mindset gets accessible to others. The mindset is a more generic notion than the communicative intension; it is the speaker's readiness to either interact with another individual or externalize his/her thoughts in a lonely soliloquy.

Paradoxical utterances that are based on the expressive mindset can be referred to as expressive paradoxes.

3.1. Expressive Paradoxes. Below are two statements made by a schizophrenic patient.

- (4) *I will have lunch... No, I'm not having lunch today.*
- (5) *I got up in the morning. I put on my coat, I didn't put my coat on and I went for a walk.*

Without knowing what exactly happened in the patient's life, it is impossible to tell which of the inputs is true. The important thing is that the patient does not care about the truth; he concentrates on a variety of possibilities. The patient runs through several options of what may have happened and gets a real kick out of it. One of the key symptoms of schizophrenia is ambivalence. Schizophrenic patients display amazing easiness in using or responding to paradoxical stimuli. Contradictory utterances used by mentally sick individuals can be referred to as *self-expressive paradoxes*. Schizophrenic patients use paradoxes not to impress anyone; they merely speak in the way they are able to. For a mentally sick individual, the paradox is a natural form of self-expression.

Paradoxes grounded in the expressive mindset are quite common for poetry or modernistic prose. It is not unlikely for a poet to create unusual concepts, his/her own private universe that abides by the laws unknown to anyone else. Almost every poet comes up with several *poetic paradoxes*. For example:

- (6) *I must be cruel to be kind (W. Shakespeare).*

I dwell in a house that vanished many a summer ago (Robert Frost, Ghost House).

Men work together whether they work together or apart (Robert Frost, The Tuft of Flowers).

The difference between self-expressive and poetic paradoxes is that of spontaneity versus non-spontaneity. A poet chooses to write the way he does; the poems he creates are non-spontaneous.

Paradoxes generated within the communicative mindset draw the addressee's attention to the resources of language and in some way stimulate his/her mind. Expressive paradoxes reflect the author's individual worldview, therefore they are not found in the bible. The Scriptures contain important general truths written for people who have to understand them as intended. The Bible states that *All scripture is given by inspiration of God, and is profitable for doctrine, for reproof, for correction, for instruction in righteousness* (King James Bible, 2 Timothy 3:16). For the interpretation of a biblical paradox the addressee factor is important, as it is the reader of the Bible who needs to be edified, corrected and instructed in righteousness.

3.2. Communicative Paradoxes. O. Zhygadlo argues that the speaker who uses a paradox violates the maxim of manner for the sake of politeness [Жигадло 2006: 15]. We think that this statement doesn't capture the subtleties. There are two basic groups of communicative paradoxes: those that describe certain facts (informative paradoxes) vs. utterances that require certain behavioral response (directive paradoxes). Their differentiation basically corresponds to J. Austin's classification of speech acts into constatives and performatives [Austin 1962].

3.2.1. Informative (Edifying and Brainstorming) Paradoxes. Informative paradoxes can be found both in the Bible and secular literature. Biblical and human paradoxes, being similar in general, have somewhat different pragmatic functions. Because of the inherent contradiction, both biblical and human paradoxes require an extra effort for their interpretation. The difference between human and biblical informative paradoxes comes down to the specific psychological process involved in the interpretation of the utterance, which is *faith* vs. *intuition*. The reader of the Bible accepts paradoxical utterances by faith, while a scientific or a philosophical paradox triggers the recipient's intuition. Biblical paradoxes are edifying; human contradictory utterances are brainstorming. Let us consider example (7).

(7) *And when I saw him, I fell at his feet as dead. And he laid his right hand upon me, saying unto me, Fear not, I am the first and the last. I am he that liveth, and was dead; and behold, I am alive for evermore, Amen; and have the keys of hell and of death* (Revelation 1:18).

If we came across this paradox in a poetic text, we would definitely interpret it as a figure of speech. Since no one can be the first and the last or alive and dead at the same time, it would be logical to assume that the paradox is a poetic image. However, the biblical verse quoted above is not symbolic at all. Jesus is really all of the above. The explicit contradictions *the first – the last* and *liveth and was dead* are employed to enhance the idea of God's majesty. The emergent meanings are *Jesus is above all* and *Jesus is immortal*. God is the absolute truth; He is all in all. There is no discreteness in God; the very idea of our Creator is all-encompassing. The paradox is used in the Bible not to make the divine message difficult for people to understand; it is the best way to convey the truth of God's nature. The function of the paradox is that of *edification*.

Human paradoxes applied in scientific or philosophical texts are similar to biblical paradoxes; see (8).

(8) *Extreme justice is extreme injustice*(Cicero, In *De Officiis*) [Groethe 2004: 93]

Nothing is permanent but change (Heraclitus, In *Fragmento*) [Groethe 2004: 94]

Agreement is made more precious by disagreement (Publilius Syrus, in *Moral Sayings*) [Groethe 2004: 98]

The communicative intention of the authors of paradoxes is to deliver a message about a certain law or principle. The obvious question would be why a philosopher or scientist choose a more sophisticated expression instead of a simpler way of stating the truth. First of all, people get fascinated by paradoxical truths that allow them to look at something from an unconventional perspective. The excitement over a paradox can be explained by involvement of the subconscious sphere in the interpretation of the utterance.

L. I. Mandelstamm, a Russian physicist, challenged his students with paradoxes of quantum mechanics. According to him true knowledge incorporates the subconscious sphere of the human mind, the realm involving a person's intuition. At that point, the information becomes an integral part of the student's personality; there is total immersion in the topic, and this is a bridge to creativity. Paradoxes helped to achieve this level of awareness [Misra, Sudarshan1976].

As we previously mentioned, the paradox presents some synthetic truth lineally, or syntagmatically. The use of a paradox (both biblical and human) provides an access to the subconscious of the addressee's mind. It is in the subconscious realm where inspiration strikes and discoveries are made. The ability of a human paradox to activate the subconscious can be referred to as the *brainstorming function*.

The perlocutionary effect of informative paradoxes is that of extreme excitement. Similarly to the addressee of a biblical paradox who is fascinated by God's majesty, a scientist gets enthused about scientific or philosophical truths. Cf. the biblical paradox in (9).

- (9) *Then said the Jews unto him, Thou art not yet fifty years old, and hast thou seen Abraham?*
Jesus said unto them, Verily, verily, I say unto you, Before Abraham was, I am (John 8:57)

Even if we ignore the fact that Abraham lived about four thousand years before Jesus came to earth in human incarnation, the statement appears absolutely wrong from the morphological point of view. The correct form would be *before Abraham was, I had been*. The rules of English grammar require the Past Perfect Tense to be used when describing an event that took place before another past action. However, when Jesus said *I am*, He used one of the names of Jehovah God, the mysterious יהי יהי Yahveh, the unmarked form of the Hebrew verb תויהל (to be). The resulting message is that of eternity, the timelessness of God and of His Son. God cannot be imprisoned either in time or space. He is free to act in relation to time and is equally free to act outside its limitations [Chafer 1976: 215-216].

3.2.2. Directive (Exhortation and Manipulative Paradoxes). A paradox may be used to bring forth changes in the addressee's behavior. The latter can be regulated either by conscious reasoning (persuasion) or by subconscious influence (suggestion). With their inherent contradictions, paradoxes are part of the discourse strategy of suggestion.

Suggestion can be positive or negative; it can be administered for either beneficial purposes or to create chaos and confusion.

Example (10) given below is an excerpt from one of H. Himmler's speeches translated into English. The chief propagandist of the Third Reich speaks about the extermination of the Jews.

- (10) *I want to also mention a very difficult subject ... before you, with complete candor. It should be discussed amongst us, yet nevertheless, we will never speak about it in public. Just as we did not hesitate on June 30 to carry out our duty as ordered, and stand comrades who had failed against the wall and shoot them -- about which we have never spoken, and never will speak. That was, thank God, a kind of tact natural to us, a foregone conclusion of that tact, that we have never conversed about it amongst ourselves, never spoken about it, everyone ... shuddered, and everyone was clear that the next time, he would do the same thing again, if it were commanded and necessary (H. Himmler's October 4, 1943 Posen Speech)*
www.nizkor.org/hweb/.../h/himmler.../ausrottung-transl-nizkor.html

The expressions 'discussed – not discussed', 'speak – never speak', 'private – public', 'amongst us – before you' may confuse the listeners to the point where they are ready to accept the fact that 'shooting comrades who have failed' is not a private, but a public matter.

Unlike human contradictory utterances, biblical paradoxes produce positive changes in the cognitive and emotional condition of the recipients. The two main functions of biblical paradoxes are exhortation and comfort, as in (11) and (12) .

- (11) *Let the righteous smite me; it shall be a kindness: and let him reprove me; it shall be an excellent oil, which shall not break my head: for yet my prayer also shall be in their calamities* (Psalm 141:5)
- (12) *And he said unto me, My grace is sufficient for thee: for my strength is made perfect in weakness. Most gladly therefore will I rather glory in my infirmities, that the power of Christ may rest upon me* (2 Corinthians 12:9)

The text in (11) has an implicit paradox, where contradiction is established between the instruction *be happy when you get smitten or reprov*ed and the common sense *it is not good to be smitten or reprov*ed. The purpose of this exhortation paradox is for the addressee to forgo his pride by learning from a more experienced individual. Example (12) contains a comfort paradox. The addressee is encouraged not to focus on his/her weaknesses. God's promise to give strength to the believer provides one with comfort and assurance.

4. Manipulative Function of Human Paradoxes, and Post-Paradoxical Confusion. Manipulative paradoxes belong to a wide set of discourse manipulative strategies, through which the speaker tries to reach certain agenda by getting the hearer on his side.

Contradictory utterances are typical of political discourse. Below are some examples of President Barak Obama's paradoxes.

- (13) *We've opened millions of new acres for oil and gas exploration in the last three years, and we'll open more. But unlike my opponent, I will not let oil companies write this country's energy plan, or endanger our coastlines, or collect another \$4 billion in corporate welfare from our taxpayers.* (B. Obama's Speech to Democratic Convention. – Associated Press, Friday, September 7, 2012)

Barak Obama's overall stand on oil and gas exploration on the territory of the United States is highly negative. His statement contains a contradiction between opening new acres of land for oil and gas exploration and the refusal to spend money on it and to endanger the country's coastlines. The President does his best to achieve his goal while creating the impression of being flexible.

Example (14) is B. Obama's implicit paradox.

- (14) *We don't want handouts for people who refuse to help themselves, and we certainly don't want bailouts for banks that break the rules. We don't think the government can solve all our problems.*

Handouts for the poor and bailouts for banks that break the rules – those are the very reforms the President of the United States has been actively pushing during the first term of his presidency. The statement *We don't think the government can solve all our problems* is an obvious lie, as for Barak Obama big government is the epitome of success.

The author of a manipulative paradox may hope that the recipient will not notice an obvious contradiction in his message. G. Kunz points out that one difficulty connected with a moral theory is the gap between the theory and life [Kuntz1998:163]. However, once the addressee notices that the information conveyed by the utterance contradicts reality, cognitive uncertainty develops.

The damaging effect of several self-denying instructions is known under the name of *double bind*. The concept was first introduced by the anthropologist Gregory Bateson and his colleagues in their discussions on the complexity of communication in relation to schizophrenia [Bateson 1956: 255]. A double bind is a communicative deadlock in which an individual receives two or more conflicting instructions, one of them negating the other. This creates a situation in which a successful response to one message results in a failed response to the other. Therefore, a person appears to be automatically wrong regardless of the response. The classic example of a negative double bind is that of a mother telling her child that she loves him/her, and at the same time she turns her head away in disgust.

G. Bateson considers contradictory instructions schizophrenogenic. Yet, since they are quite common beyond the sphere of pathology, we propose the term *post-paradoxical confusion*. The latter is the result of any conscious attempt to reconcile two or more contradictory messages, which causes strong psychological discomfort. The conventional manifestations of post-paradoxical confusion are conformism, depression, aggression, and perfectionism. Let us look at different ways people respond to a political paradox in the article below.

- (15) *Gross domestic product, the broadest measure of the nation's economic growth, contracted at an annual rate of 0.1% from October to December, the Commerce Department said Wednesday /.../While a contraction is never encouraging, economists pointed to temporary effects that may have caused a one-time dip, and they see better growth ahead. It's "the best-looking contraction in U.S. GDP you'll ever see," Paul Ashworth, chief U.S. economist for Capital Economics said in a research note (U.S. economy contracts for first time since recession by Annalyn Kurtz) @CNMMoney January 30, 2013: 12:48 PM ET*

The phrase *the best-looking contraction in U.S. GDP you'll ever see* contains a clear contradiction as the word *contraction* contrasts with the expression *the best-looking* and has a negative connotation.

Below are a few responses to the article taken from a public forum.

- *Ummm, this is good news. A war economy based on borrowing is unsustainable. The consumer economy grew at a respectable rate. This transition will and should continue.* – The author readily embraces the paradox by reconciling the contradictory messages. The comment is a clear example of conformism.
- *News flash skippy: ANY economy based on a never-ending sequence of borrow/print more money/spend like a drunken sailor, is unsustainable and therefore doomed.* – The author suggests that the economy is doomed, thus focusing on one of the negative input statements of the paradox. The individual is clearly depressed about the current situation in the government.
- *The only cure is to vote out of the office those of our leaders who were willing to borrow money to pay for two wars and tax cuts for the rich. Of course, the people who keep voting these leaders back into office are the same people who are now screaming for a small government and a decrease in spending. There really is no cure for stupid.* – The attitude towards the paradox is aggressive. The author of the comment gets so upset that he suggests voting deceitful leaders out of the office.

Another way of reacting to a paradox is by challenging one's own inner set of values yet agreeing with the explicit component of the paradox. This kind of response can be referred to as *perfectionism*, and it is characteristic of individuals with below-average self-image, who tend to view themselves as culprits for whatever conflicting situation arises. An example of this kind of response is difficult to find, since people who consider themselves imperfect are not prone to expressing their opinion.

Trying to cope with post-paradoxical confusion causes emotional instability. Any human reaction to a manipulative paradox is sinful and self-destructive. People are simply not meant to deal with two or more contradictory instructions at the same time. The attempt to understand that which is beyond finite ability, and the consequent agonies of thought and mental exhaustion into which they cast themselves thereby, is inappropriate, unnecessary and sinful [Adams 1979:54].

5. Biblical Paradoxical Therapy. Since manipulative paradoxes cause deep emotional instability in the addressee, it would be natural to ask 'What is the best way to deal with post-paradoxical confusion?' One of the practical applications of a linguistic study of paradoxes is the so-called *biblical paradoxical therapy*. We suggest that biblical paradoxes can be successfully employed for repairing the damage inflicted by human manipulative paradoxes.

The very idea of using paradoxes for therapeutic purposes is not new to secular counseling practice. G. Bateson spoke of positive double binds encouraging psychiatrists to confront their patients with the contradictions in their life in such a way that would help them heal [Bateson 1956: 260] Mara SelviniPalazzoli, an Italian psychiatrist, introduced the term *therapeutic paradox* and suggested a whole system

of paradoxical intervention in family therapy, especially with families of seriously disturbed children. For example, the therapist complimented an anorectic daughter for artificially creating her problem so her separated parents would have a reason to see each other and to talk to each other [SelviniPalazzoli 1989: 13]. It has also been experimentally proven that a continuous interplay of metaphoric communication between a patient and a therapist typically results in producing an alternative for constructive change in troubled patients [San Pedro 1987: 75]. By recommending therapeutic paradoxes, a therapist destroys the spontaneity of the symptom, thus allowing a person to choose whether to pursue the destructive behavior or to quit it.

However, the healing power of biblical contradictory utterances is more than cognitive restructuring. The purpose of paradoxical therapy is to replace sinful responses to destructive human paradoxes with proper, biblical ones. By leading the addressee beyond the boundaries of language, a paradox introduces him/her into the realm of the spirit. Hence, the perlocutionary effect of a biblical paradox is the feeling of peace and enlightenment.

Meditation on the meanings and functions of edification paradoxes gives a person confidence and assurance that he is not alone with his predicament, that God is always there for him. Let us consider the examples.

(16) *Therefore I take pleasure in infirmities, in reproaches, in necessities, in persecutions, in distresses for Christ's sake, for when I am weak, then am I strong (2 Corinthians 12:10) – The emergent meaning of this paradox is 'don't get discouraged when there are problems in your life: you will become stronger at the end'.*

(17) *Let no man deceive himself. If any man among you seemeth to be wise in this world, let him become a fool, that he may be wise (1 Corinthians 3:18) – It is a good idea to examine yourself and to realize that there is a long way to go before you can consider yourself wise.*

Edification and exhortation paradoxes are mostly effective for individuals who have to cope with specific problems in their lives.

During His earthly ministry, Jesus used a lot of paradoxes. Let us look at a situation when Jesus dealt with a confused and unhappy individual.

(18) *Jesus answered, verily, verily, I say unto thee, Except a man be born of water and of the Spirit, he cannot enter into the kingdom of God (John 3:5)*

Jesus' words are an example of a logical paradox. No wonder, the unbelieving Nicodemus found the Lord's statement fallacious. "How can a man be born again if he is old?" he asked. "Can a man enter into his mother's womb again and be born?" Because Nicodemus tried to use human logic in interpreting the paradox (the Law of Contradiction), he failed to understand the deep spiritual message of the statement: *you need a spiritual birth*. Biblical paradoxes are not to be interpreted logically; they

are designed to transfer one from the realm of rational reasoning up into the subconscious sphere of faith.

The comparative study of biblical and human paradoxes demonstrates how the same structure may be potentially damaging or, on the contrary, beneficial and therapeutic. The further perspective of this research is exposure of beneficial influence of poetic paradoxes, and development of theoretical foundations for Poetic Paradoxical Therapy.

REFERENCES

1. Adams J.E. A Theology of Christian Counseling / Adams J.E. – Grand Rapids, Michigan : Baker Book House, 1979. – 448 p.
2. Austin J.L. How to Do Things with Words / Austin J.L. – Cambridge : Harvard University Press, 1962. – 192 p.
3. Bateson G. Toward a Theory of Schizophrenia / G. Bateson // Behavioral Science. – 1956. – No 1. – P. 251–264
4. Chafer L.S. Systematic Theology, Volumes 1, 2. / Chafer L. S. – Dallas : Zondervan, 1948. – 2880 p.
5. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
6. Grothe M. Oxymoronica: Paradoxical Wit and Wisdom from History's Greatest Wordsmiths / Grothe M. – New York : Harper Collins Publishers, Inc., 2004. – 195 p.
7. Kolomiytseva O. A. Psycholinguistics: A Teaching Guide / Kolomiytseva O.A.– Kyiv : KSLU, 1999. – 131 p.
8. Kunz G. The Paradox of Power / Kunz G.– New York : University of New York Press, 1998. – 210 p.
9. Misra A. The Zeno's Paradox in Quantum Theory / A. Misra, E.C. Sudarshan, – Austin, Texas : Center for Particle Theory, University of Texas, 1976. – http://wildcard.ph.utexas.edu/~sudarshan/pub_bak/1977_005.pdf
10. San Pedro J. The Metaphoric Process in Schizophrenia / J. San Pedro // Metaphor, Communication and Cognition. – Toronto, 1987–1988. – P. 71–77.
11. SelviniPalazzoli M. Family Games: General Models of Psychotic Processes in the Family / M. Selvini-Palazzoli et al. – New York : W.W. Morton & Company, 1989. – 285 p.
12. Spivak D.L. Linguistics of Altered States of Consciousness / Spivak D.L. – Bochum : Dr. Brockmeyer University Press, 1992. – 122 p.
13. Жигадло Е.Ю. Парадоксальные высказывания в англоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : 10.02.04 “Германские языки” / Е.Ю. Жигадло. – Киев, 2006. – 21 с.

Ольга Джеффи-Коломийцева – кандидат филологических наук, доцент, доктор библейского консультирования Центра еврейской общности г. Ланкастера, Пенсильвания; e-mail: mygarusha@yahoo.com

УДК 81'1=16+81'373.21

**ИМЯ КАК ТЕКСТ:
 КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
 (анализ имени эмоции)**

С.А. Жаботинская (Черкассы, Украина)

С.А. Жаботинская. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции). Центральной темой статьи является изложение методологии, разработанной для концептуального анализа значений языковых и речевых единиц и названной «семантикой лингвальных сетей» (СЛС). Применение методологии показано на примере анализа лексического значения англоязычного существительного *joy*, именующего эмоцию РАДОСТЬ. Основная тема сопровождается обсуждением таких проблем, как различное понимание термина «концептуальный анализ», используемого в концептологии и в когнитивной лингвистике, а также взаимосвязь концептуального анализа и семантического анализа.

Ключевые слова: имя эмоции, концептуальная / когнитивная модель, концептуальный анализ, лексическое значение, семантический анализ, сетевая структура.

С.А. Жаботинська. Ім'я як текст: концептуальна мережа лексичного значення (аналіз імені емоції). Центральною темою статті є опис методології, розробленої для концептуального аналізу значень мовних та мовленнєвих одиниць та названої «семантикою лінгвальних мереж» (СЛМ). Застосування методології продемонстровано на прикладі аналізу лексичного значення англословного іменника *joy*, який номінує емоцію РАДІСТЬ. Основна тема супроводжується обговоренням таких проблем, як різне розуміння терміну «концептуальний аналіз», вживаного в концептології та в когнітивній лінгвістиці, а також взаємозв'язок концептуального аналізу й семантичного аналізу.

Ключові слова: ім'я емоції, лексичне значення, семантичний аналіз, концептуальний аналіз, мережна структура, концептуальна / когнітивна модель.

S.A. Zhabotynska. The name as a text: conceptual network of lexical meaning (analysis of the name of emotion). The focal topic of this paper is discussion of the methodology developed for conceptual analysis of linguistic meanings and called “semantics of lingual networks” (SLN). Its application is illustrated with the analysis of JOY concept named by the noun *joy* in English. The satellite topics are concerned with different understanding of the term “conceptual analysis” employed in conceptology (concept studies) and in cognitive linguistics, and the relation between conceptual analysis and semantic analysis.

Key words: name of emotion, lexical meaning, semantic analysis, conceptual analysis, network structure, conceptual / cognitive model.

1. Введение. Название этой статьи, посвященной юбилею профессора Ольги Петровны Воробьевой – талантливого украинского лингвиста и моего большого друга, было подсказано фундаментальной работой Ю.И. Сватко «Имя как текст и текст как имя: лингвистические и лингвофилософские основания анализа» [Сватко 1994]. Слова «имя» и «текст» в названии статьи как нельзя лучше соответствуют направлениям наших с Ольгой Петровной научных

исследований. Фокусом моих научных интересов является имя в системе языка, работы же Ольги Петровны посвящены художественному тексту, «среде обитания» имени в речи. Имя и текст выступают в качестве «некоего конституирующего символа самого языка как живого организма и естественного инструмента коммуникации» [там же: 1]. Имя разворачивается в текст, который способен вновь свернуться в это породившее его имя [там же: 7]. Тем самым приобретает актуальность создание «общей ономотологии – научной дисциплины, которая обращена к реальной онтологии языка как онтологии имени и онтологии текста» [там же: 2]. **Целью** данной статьи является показ того, как методологический инструментарий когнитивной лингвистики может быть использован для построения онтологии, или концептуальной модели информации, активируемой именем эмоции. Понятие онтологии в этом случае сближается с тем, которое используется в инженерии знаний: «онтология как концептуальная модель предметной области состоит из иерархии понятий предметной области, связей между ними и законов, которые действуют в рамках этой модели» [Воинов, Гаврилова 2008: 566]. Имя эмоции выбрано для анализа не случайно, этот выбор согласуется с темой работ Ольги Петровны, выполненных в русле эмотиологии текста [Воробьева 2006а; 2006б; 2008; 2013; Vorobyova 2012]. Не случаен и конкретный объект исследования – понятие РАДОСТЬ, обозначаемое англоязычным существительным *joy*, ибо это понятие связано с той эмоцией, которая долгие годы предопределяет гармонию нашего с Ольгой Петровной научного и дружеского общения.

Объект исследования (понятие РАДОСТЬ) и его **предмет** (концептуальная модель этого понятия) отсылают к известному вопросу о возможности «поверить гармонию алгеброй». Положительный ответ на него, предлагаемый с позиций когнитивной лингвистики, подразумевает существование рационального начала, а именно – нашего мышления как природной системы, обработка информации в которой имеет свои закономерности. Как отмечает В.И. Шаховский, человеческое мышление накапливает, обобщает и конституирует (реконструирует) знания об эмоциях, то есть концептуализирует их и присваивает им лексикализованную или паралингвистическую символику (код) [Шаховский 2008: 26]. Знания о той или иной эмоции представлены в лексическом значении имен, называющих сами эмоции (гнев, страх, радость, печаль и пр.), которые следует отличать от эмотивов как имен, связанных с выражением эмоций или используемых для их описания [Шаховский 1987: 24].

Лексическое значение есть концепт, активируемый словом в мышлении. Это определение согласуется с тем, что дано в работах М.В. Никитина [1974] и Е.С. Кубряковой [1991], где под значением (в частности, лексическим) понимается концепт, схваченный знаком, или квант информации, подведенный под тело знака. Положение, согласно которому «значение языкового выражения приравнивается к обозначаемому им концепту» [Clausner, Croft 1999: 2],

является общепринятым и для всех зарубежных школ когнитивной лингвистики.

Трудность анализа лексического значения имен эмоций связана с тем, что, будучи хорошо знакомыми каждому человеку, эмоции, в силу своей континуальной психологической природы, нерасчленимы на внутренние признаки и тем самым проблемны для описания. В бытовой трактовке суть конкретной эмоции, например, радости, определяется не формулой «Это есть...», а формулами «Это когда...» и «Это как...». Тем самым объяснение соответствующего концепта осуществляется либо путем обращения к ситуации, в которой появляется и проявляется эмоция, либо же с помощью метафоры.

Составляющие ситуации, сопровождающей эмоцию, устанавливаются с помощью методики компонентного анализа, осуществляемого на основе словарных дефиниций, методики ассоциативного эксперимента (в психолингвистике) и методики исчисления логических предикатов, отслеживаемых в контекстах употребления слова (см. работы школы «логического анализа языка», основанной Н.Д. Арутюновой [Логический анализ языка 1991; 2002 и др.]). Во всех случаях выделяются семы, или компоненты значения слова. Различие состоит лишь в объеме информации, из которой они выводятся и которая зависит от типа лексического значения. Значение слова может быть референтным, денотативным и сигнификативным. Каждое из них может включать коннотативный компонент как информацию не о самой именуемой сущности, а о говорящем или о ситуации использования слова. *Референтное значение* (его называют также «смыслом») содержит информацию о конкретном единичном объекте – референте. В *денотативном значении* представлена информация о денотате – множестве референтов, относящихся к одному классу. В денотативном значении существует часть информации, являющаяся общей для всех членов класса. Эта часть известна как *сигнификативное значение*. Наибольший объем информации представлен в денотативном значении, наименьший – в сигнификативном. Если сигнификативное значение, которое содержит только интегральные признаки членов класса, анализируется с помощью методики компонентного анализа, то денотативное значение, включающее как интегральные, так и дифференциальные признаки членов класса, рассматривается с помощью методики исчисления логических предикатов. С денотативным значением имеет дело и ассоциативный эксперимент, с той лишь разницей, что контексты, из которых оно выводится, не даны в «готовом» виде как часть некоторого текста, а продуцируются информантами в ходе самого эксперимента.

Компонентный анализ концепта РАДОСТЬ как сигнификативного значения существительного *joy* позволяет установить список сем, отслеживаемых не в одном, а во всех приводимых в словаре лексико-семантических вариантах слова, поскольку они связаны отношениями смежности / метонимии, то есть именуют различные составляющие одной

и той же ситуации (семь подчеркнуты, синонимы существительного *joy* выделены курсивом):

- 1) the emotion of great *delight* or *happiness* caused by something good or satisfying; keen pleasure; 2) source or cause of great pleasure;
- 3) the expression or display of *glad feeling*; 4) state of happiness or *felicity* (Webster's New Universal Unabridged Dictionary. New Jersey : Barnes & Noble Books, 1992. – 1854 p.).

Семь: positive feeling / emotion, emotional state, displayed state; intensive degree; caused by smth good.

Словарное описание «наивного», обыденного концепта РАДОСТЬ как языкового значения лексемы *joy n* остается довольно скудным: «позитивное чувство / эмоция; эмоциональное состояние, которое может быть выражено, которое обладает достаточной интенсивностью и которое причинено чем-то хорошим». Синонимы *delight, happiness, pleasure, glad feeling, felicity* не добавляют какой-либо существенной информации к описанию анализируемого концепта, поскольку они сами обозначают эмоции, требующие определения.

Методика *ассоциативного эксперимента*, использованная Ю.Ю. Шамаевой для анализа содержания концепта РАДОСТЬ, обозначенного англоязычными существительными *joy* и *happiness*, позволила выявить такие их ассоциаты, связанные с образом человека, испытывающего соответствующую эмоцию [Шамаева 2004: 10] (в скобках дана частотность):

smiling (36), projecting a positive attitude (22), laughing easily (9), nice to others (6), confident (5), upbeat (4), energetic (4), with bright eyes lit up and twinkling (4), with energy in the voice (3), encouraging (3), friendly (3), relaxed (3), with winkle wide eyes (2), keeping eye-contact (2), animated (2), excited (2), jumping around (2), giving hugs (2), glowing (2), radiating joy (2), affectionate (2), optimistic (2), calm (2), with an open body language (2), being loud (2), enthusiastically cheerful in speech (2), with rosy cheeks and an open mouth, smirkie, grinning widely, showing teeth, with a softened face expression, great animation of the features, eyes crinkled at the corners, keeping up his/her happy high, walking tall, not slouching, with a good poise, walking with the head up high, carefree, acting exuberantly, with an open posture and gestures, acting and talking cheerfully, jubilantly, vivacious, hyper, might act silly and dance around, chirkie, bubbly, up to anything, with a chipper voice tone, speaking with animation, vocal variety, inflection in the voice, making jokes, having trust in God, peppy, enthusiastic, more successful, present in the moment, savoring present, in a good mood, celebrating, tenderhearted, forgiving, with great control in times of trouble, wise, integrative, non-confrontational, welcoming, considerate, boisterous, helpful, complimentary, warm, not swearing, charming.

Приведенные выше данные упорядочены по показателю частотности ассоциаций, сопровождающих концепт РАДОСТЬ. Однако для уяснения

его содержания эти данные требуют, прежде всего, упорядочивания тематического, которое дает такой результат:

следствие радости:

мика, выражение лица – *smiling (36), with bright eyes lit up and twinkling (4), with winkie wide eyes (2), glowing (2), keeping eye-contact radiating joy (2), vivacious, boisterous, with rosy cheeks and an open mouth, smirkie, grinning widely, showing teeth, with a softened face expression, great animation of the features, eyes crinkled at the corners;*

манера держаться – *walking with the head up high, walking tall, not slouching, with an open posture and gestures;*

физические действия – *jumping around (2), giving hugs (2), with an open body language (2), might act silly and dance around, acting exuberantly;*

смех, разговор – *laughing easily (9), with energy in the voice (3), being loud (2), enthusiastically cheerful in speech (2), speaking with animation, vocal variety, inflection in the voice, with a chipper voice tone, making jokes, acting and talking cheerfully, not swearing;*

психологическое состояние – *projecting a positive attitude (22), confident (5), energetic (4), relaxed (3), animated (2), excited (2), optimistic (2), calm (2), carefree, enthusiastic, integrative;*

отношение к другим – *nice to others (6), friendly (3), encouraging (3), affectionate (2), welcoming, considerate, tenderhearted, charming, warm, helpful, non-confrontational, complimentary;*

причина радости: *having trust in God, celebrating, forgiving, wise, savoring present, more successful.*

По итогам ассоциативного эксперимента, лексическое значение существительного *joy* включает компоненты «следствие радости» и «причина радости». Со всей очевидностью, таких компонентов должно быть больше, и они могут быть выявлены при условии расширения корпуса контекстов слова и использования **методики исчисления логических предикатов**. При исследовании фелицитарных концептов она частично применяется в работах С.Г. Воркачева [2002; 2004], посвященных СЧАСТЬЮ как лингвокультурному концепту в русском языке, а также в работе С.Г. Воркачева и Е.А. Воркачевой [2003], где анализируется концепт СЧАСТЬЕ, представленный в английском языке и обозначенный лексемами *happy, happily, happiness, blessed, blissful, etc.* Авторы упомянутых работ, используя преимущественно словарный материал, иногда прибегают к помощи контекстов. Например (подчеркнуто мною – С.Ж.):

«По определению, счастье – душевное состояние могут испытывать лишь существа (реальные или воображаемые), наделенные «душой», т. е. сознанием: *He's probably the only truly happy man I've ever known, he thought* (S. Sheldon); *My happy father died / When sad distress reduced the children's meal* (W. Wordsworth); *Sweet sleep Angel mild, / Hover o'er my happy child* (W. Blake); *The angels, not half so happy in Heaven, /*

Went envying her and me (E.A. Poe); *Apart from happy Ghosts, that gather flowers / Of blissful quiet 'mid unfading bowers* (W. Wordsworth); *There lie the happy Dead from trouble free* (G. Crabbe)» [Воркачев, Воркачева 2003: 264]. См. также пример применения контекстов при описании содержания имен эмоций в [Пименов 2007; Пименова 2007].

До недавнего времени суть значения имени эмоции устанавливалась преимущественно на словарном материале, а использование контекстов играло роль вспомогательного средства, что было связано с трудностью их поиска вручную. Появившиеся ныне компьютерные базы данных открывают практически неограниченный доступ к различным контекстам использования слова, и методика исчисления логических предикатов приобретает статус основного исследовательского инструментария. Но инструментария для чего – для анализа содержания концепта или же для анализа того, как это содержание «сконструировано» (construed) в мышлении? Этот вопрос имеет непосредственный выход в проблему методологической аморфности современной концептологии как отечественного варианта когнитивной лингвистики, отличного от всего того, чем занимается когнитивная лингвистика за пределами восточноевропейского региона.

2. Полемика. Концептологию ассоциируют в первую очередь с культурологией языка (лингвокультурологией), изучающей язык в единстве с культурой и ставящей целью постижение культуры через язык. Основной эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный), который, при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык [Воркачев 2011]. В то же время, современная концептология трансформируется в науку о концептах в целом (не только лингвокультурных) – об «их содержании, эволюции, взаимосвязях в рамках тех или иных концептосфер или концептосистем». Это «область с многочисленными ответвлениями, которые пересекаются между собой, опираясь на общие или различные методологические и/или лингвофилософские основания» [Воробьева 2013]. Состоянию дел в современной концептологии посвящен ряд статей известных лингвистов [Воркачев 2011; Кравченко 2011], в том числе и Ольги Петровны Воробьевой [2011; 2013], где дан подробный анализ достижений, проблем и недостатков этого лингвистического течения (см. также монографию А.Н. Приходько [2008], в которой представлены наработки концептологии). Будучи когнитивным лингвистом, но никак не концептологом, я не буду давать оценку достижениям концептологии, но кратко остановлюсь на тех моментах, которые вызывают вопросы в связи с проблематикой данной статьи.

Первый вопрос связан с тем, что изучает концептология и являются ли концепты самодостаточным объектом анализа в лингвистике, задача которой заключается в изучении языка в его широком понимании. Когнитивная

лингвистика обращается к концептам с целью *объяснить* различные языковые факты, опираясь при этом на стоящие за ними ментальные феномены. Тем самым когнитивная лингвистика остается лингвистикой. Если конечной целью концептологии являются концепты, никак не привлекаемые для *объяснения* природы языка и речи, то где здесь лингвистика? Этот вопрос постоянно возникает при чтении многочисленных авторефератов диссертаций, в заголовке которых стоит слово «концепт». Например, «Концепт освіти в англійській, французькій, українській та російській мовах» [Беляева 2012]: в работе дается перечень понятий, связанных со сферой образования и обучения, и приводятся списки соответствующих прямых и метафорических номинаций, относящихся к разным языкам.

Второй вопрос, согласующийся с первым, заключается в следующем. Если отвлечься от существующих в концептологии многочисленных довольно смутных определений концепта и говорить по существу, то *концепт* (как имеющий культурную ценность, так и не имеющий таковой) есть содержащийся в мышлении *фрагмент информации*, активируемый языковым знаком (начиная от морфемы и заканчивая текстом) или же группами знаков. В то же время, этот фрагмент информации о некоторой сущности есть не что иное, как *значение – языковое* (обобщенное, сигнификативное), *речевое* (конкретное – референтное, явленное в одном речевом событии, или же денотативное, явленное во многих речевых событиях), *дискурсивное* (связанное с участниками коммуникации и ситуацией общения). Если концептология изучает содержание знаков языка и речи, то чем она в её нынешнем виде отличается от семантики? Отличием есть разве что пренебрежение научной точностью и строгостью понятий, граничащее порой с профанацией. Например:

«*Схема* – концепт, представленный обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом (например, дерево вообще). Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема – промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции» (см. [Рудакова 2002: 44] со ссылкой на работу З.Д. Поповой и И.А. Стернина [1999]).

Сравним это определение с общепринятым в зарубежной когнитивной лингвистике, где понятие схемы считается одним из основных и где под *схемой* понимается категоризирующая абстракция, совместимая со всеми членами определяемой категории, повторяющаяся в ментальных образах мира и наделенная фундаментальной значимостью для протекания различных когнитивно-семантических процессов. Схема не имеет конкретного воплощения (*it is not embodied*); схема «абстрактна» в том смысле, что она абстрагирована, отвлечена от целого ряда конкретных языковых форм и значений в качестве их обобщения [Langacker 2008: 371; Clausner & Croft: 4, 14]. Схемы представляют собой укорененные в мышлении образцы нашего

опыта; получив достаточное укоренение, они могут быть использованы при продуцировании и понимании языковых выражений. Тем самым языковые выражения связаны со структурами знания, которые их порождают и обеспечивают их интерпретацию [Kemmer 2003]. В языке представлены как отдельные схемные сущности, так и схемные структуры. И те, и другие могут иметь различную степень схемности, то есть абстрактности, зависящей от того, как человек представляет формальный или семантический полюсы своего языка [Tylor 1990: 523, 533] (см. об этом [Жаботинская 2009в: 383]). Определение схемы, общепринятое в когнитивной лингвистике, не предполагает возможности «нарисовать» такую схемную сущность, как, например, МЛЕКОПИТАЮЩЕЕ, ДОБРО или НЕЧТО.

Третий вопрос вытекает из второго и касается методологического инструментария концептологии. Думаю, её «автохтонность» [Воркачев 2011] как чисто восточноевропейской ветви лингвокогнитивных исследований связана с трактовкой термина *концептуальный анализ*. А эта трактовка, в свою очередь, коренится в рассуждениях на тему «*концепт и понятие*», отсутствующих в англоязычном мире, где для их обозначения используется одно слово – *concept*. Термин «концептуальный анализ» можно понимать двояко: 1) как анализ содержания концепта с помощью определенного методологического аппарата; 2) как сам методологический аппарат. Для когнитивной лингвистики концептуальный анализ – это сама методология, включающая основные понятия и техники (методики) анализа, разработанные различными лингвокогнитивными школами (фреймовой семантикой и конструкционной грамматикой, когнитивной грамматикой, теорией концептуальной метафоры и теорией концептуальной интеграции, теорией перспектив и теорией прототипов, теорией иконизма, теорией семантических примитивов и пр.). Для концептологии концептуальный анализ – это описание содержания (лингвокультурных) концептов с помощью «сложившейся к настоящему времени <...> более или менее согласованной методики, включающей приемы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр.» [Воркачев 2011]. Почти все из перечисленных методов использовались и в семантике. Чем-то новым представляется лишь «когнитивное моделирование». Рассмотрим, что под ним понимается.

В концептологии моделирование концептов осуществляется, как правило, с помощью слоистой структуры [Воробьева 2013]. Предложенная Ю.С. Степановым [1997: 46–56], она представляет концепт как «наслоения» культурной жизни разных эпох. Слоистая модель в её последующих модификациях, используемых во многих современных концептологических работах, является более простой, лишенной исторического «слоя». По наблюдению С.Г. Воркачева, в такой модели обычно упоминаются

понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие. *Понятийная составляющая* концепта включает в себя совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области (ср. сигнификативное значение – С. Ж.). *Образная составляющая* по качественным характеристикам содержащихся в ней образов разделяется на две части: *перцептивную*, или *предметно-образную*, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания (ср. денотативное значение – С. Ж.), и *метафорически-образную*, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию. Под *ценностной составляющей* концепта может пониматься его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как «культурные доминанты». *Значимостная составляющая* определяется местом, занимаемым именем концепта в лексической системе языка. Она включает парадигматику, синтагматику и этимологию имени концепта, а также соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательную продуктивность. Более или менее согласованное единство мнений – и то с определенными оговорками – существует лишь в отношении двух из названных составляющих концепта: понятийной и образной [Воркачев 2011]. Слоистая модель, предлагаемая в большинстве кандидатских диссертаций, в частности, защищаемых в Украине, еще проще: она содержит «чувственно-образное ядро» и «периферию» концепта. Чувственно-образное ядро, или «базовая составляющая» анализируется, как правило, с помощью метода компонентного анализа, применяемого к словарным данным, реже – с привлечением методики исчисления логических предикатов или ассоциативного эксперимента. В качестве «периферии» концепта рассматриваются его метафорические корреляты, описываемые (зачастую довольно безграмотно) в терминах теории концептуальной метафоры (см., например, [Жигоренко 2011]). Подобные «слоистые модели», безудержно размножающиеся в современных диссертациях, действительно, напоминают «облако», метафорический образ которого используется для описания структуры концепта З.Д. Поповой и И.А. Стерниным (цит. по [Рудакова 2002: 50]): «Концепт рождается как единица универсального предметного кода, которая и остается его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями предметных признаков, что увеличивает объем концепта и увеличивает его содержание. Внутри концепта перетекают и переливаются концептуальные признаки». Если в работах, близких школам Ю.С. Степанова и Н.Д. Арутюновой, «слои» признаков концепта как-то отслеживались, то в работах, все более и более удаляющихся от этих школ, «предметные признаки» до такой степени «перетекают» и «переливаются», что вытекают совсем, лишая исследования научной ценности.

Оставив в стороне дискредитирующий концептологию (и лингвистику в целом) продукт, вернемся к тщательно выполненным концептологическим исследованиям. По своим методам, сводимым к технике компонентного анализа (выделения компонентов концепта), они остаются в русле классических работ по структурной семантике. К классическим семантическим построениям тяготеет и «слоистая» когнитивная модель, в которой выделенные составляющие концепта относятся к историческому или современному «слоям», а в современном «слое» распределяются в соответствии со своей принадлежностью к ядру (сигнификативному, языковому значению) или же к периферии (денотативному/референтному, речевому значению). При этом такое распределение сопровождается определением тех компонентов, которые важны (ценны) для данной культуры. Метафорически-образный и значимостный «слой» вряд ли относятся к концепту как таковому. Метафора связана не столько с сущностными компонентами самого концепта, сколько с его аналоговыми реляциями с другими концептами, привлекаемыми для осмысления и названия этих сущностных компонентов. Значимостный же «слой» имеет отношение к концептам, инкорпорированным не в онтологию мира, обозначаемого с помощью языка, а в онтологию самого языка как используемой в общении семиотической системы. То есть, концепты значимостного «слоя» относятся к иной системе знаний.

Является ли слоистая модель концепта когнитивной или же это модель семантическая? Так, в лексической семантике слоистая модель применяется М.В. Никитиным [1996: 109], выделяющим интенционал как содержательное ядро значения слова и импликационал как периферию семантических признаков, окружающих это ядро.

По справедливому замечанию А.В. Кравченко, «семантика просто не может не быть когнитивной, если она подразумевает изучение механизмов порождения значения, а не абстрактное теоретизирование» [Кравченко 2011]. Слоистую модель концепта нельзя отнести к абстрактному теоретизированию, поскольку она систематизирует представленные в семантике языка и добытые эмпирическим путем знания о мире. В то же время, эта модель, построение которой становится вторым этапом после компонентного анализа, практикуемого в структурной семантике, вряд ли является моделью самой концептуальной структуры как некоторого существующего в мышлении паттерна, предназначенного для упорядочивания и обработки информации. Слоистая модель является, на мой взгляд, теоретическим конструктом, в котором чего-то не хватает. И это «что-то» есть концептуальная структура, которая и знаменует *переход от семантического к концептуальному анализу* в его понимании, принятом в когнитивной лингвистике – как анализу с применением специальной методологии для построения концептуальных структур.

Объясняя разницу между семантическим и концептуальным анализом в своей работе, опубликованной в 1991 году, Е.С. Кубрякова писала,

что семантический анализ связан с разъяснением *языковой единицы*, в то время как концептуальный анализ обращен к *знаниям о мире*. Семантический анализ направлен на экспликацию семантической структуры номинативной единицы, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений; концептуальный же анализ предполагает поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и представляют бытие знака как маркера известной когнитивной структуры [Кубрякова 1991: 85]. В моих работах тема соотношения семантического и концептуального анализа появилась в 1999 году, и я неоднократно возвращалась к ней в дальнейшем [Жаботинская 1999; 2003; 2004; 2005; 2008б], отмечая, что основные отличия между традиционным семантическим анализом и концептуальным анализом заключаются в следующем:

- **Степень абстрагирования** – сущностям, которые используются в концептуальном анализе, присуща более высокая степень абстракции, схемности по сравнению с теми сущностями, которые фигурируют в семантическом анализе.
- **Композиционность**: если для семантического анализа достаточно выявления перечня элементов, входящих в состав значения, то при концептуальном анализе эти элементы должны быть соотнесены между собой и объединены в составе некоторой концептуальной (схемной) структуры. Используемая подсознательно, то есть принадлежа «сознанию заднего плана» (*backstage cognition*), такая структура может не иметь прямых языковых средств для своей экспликации; она реконструируется в результате интроспекции исследователя, его умения увидеть за множеством разноплановых фактов определенную закономерность.

В 2007 году аналогичные мысли были высказаны в статье Елены Георгиевны Беляевской «Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики?» [Беляевская 2007]. Задавая вопрос «*Есть ли между концептуальным анализом и компонентным анализом что-нибудь общее или же это две совершенно разные исследовательские процедуры?*», автор статьи дает на него такой ответ. «Концептуальный анализ отличается от компонентного анализа, прежде всего, по ожидаемому результату. Посредством компонентного анализа устанавливается набор мельчайших компонентов значения, <...> в этом случае исследователь имеет дело с внешним, или поверхностным, уровнем семантики единицы. При концептуальном анализе в задачу исследователя входит выявление «глубинной» концептуальной структуры, определяющей употребление единицы и отличающей эту семантическую сущность от других, существующих в языке. Глубинная, концептуальная структура, естественно, коррелирует с внешней, собственно семантической составляющей смыслового содержания единицы, но существенным образом отличается от неё» [там же: 65–66]. Во-первых, базовые компоненты концептуальной структуры принадлежат другому уровню абстракции и носят более обобщенный характер,

чем семы. *Во-вторых*, базовые или элементарные концепты, составляющие концептуальную схему, зачастую могут выводиться из общего представления об обозначаемом на основании операций логического вывода. *В-третьих*, в рамках компонентного анализа предполагается, что полученные в ходе развертывания дефиниции смысловые компоненты/семы в сумме должны «воссоздать» общую семантику анализируемой единицы. Концептуальные составляющие – элементы ментального плана и не могут в сумме составить семантическое содержание единицы. Совокупность базовых концептов формирует ментальную «картинку» или ментальное представление о том *смысле*, или о том видении обозначаемого, который выражает говорящий, употребляя в речи соответствующую единицу. Таким образом, между компонентным анализом и концептуальным анализом имеется определенная корреляция, а не реальное совпадение методики работы с языковым материалом [там же: 67–68]. Отмечу от себя, что такая корреляция состоит и в преемственности: семантический анализ, будучи первой и необходимой стадией исследования, поставляет «данные», тот «материал», который должен быть упорядочен с помощью концептуального анализа. Завершая свою статью, Е.Г. Беляевская выражает сожаление по поводу того, что «в настоящее время конкретные процедуры выделения базовых или элементарных концептов остаются практически неразработанными, и это ставит перед современной когнитивной лингвистикой важную задачу – предложить такую методику концептуального анализа, которая приводила бы к воспроизводимым, то есть не зависящим от произвола исследователя результатам» [там же: 68]. Думается, что методика, которая предлагается ниже и применение которой иллюстрируется на примере концептуального анализа лексического значения имени эмоции, существительного *joy*, удовлетворяет требованиям, сформулированным Еленой Георгиевной (изложение методики дано с некоторыми уточнениями и дополнениями по работе [Жаботинская 2013]).

3. Методика концептуального анализа: семантика лингвальных сетей (СЛС). Само определение «когнитивная лингвистика» предполагает, что объектом дисциплины является язык в его соотношении с мышлением – концептуальными структурами и когнитивными операциями. Для изучения этого объекта применяется методологический аппарат, разрабатываемый различными зарубежными школами когнитивной лингвистики. Их положения, а также результаты моих собственных многолетних (1999–2012 гг.) исследований обширного корпуса разноплановых языковых данных стали основой для создания достаточно универсальной методики концептуального анализа, которая, в соответствии с типом концептуальных моделей, а именно – сетевых структур, была названа *семантикой лингвальных сетей (СЛС)*. Элемент *лингвальных* в названии методики указывает на ее отличие от методики построения семантических сетей в инженерии знаний. Это отличие состоит в том, что в СЛС для построения моделей сетей используется набор

обобщенных понятийных структур, отслеживаемых в значениях и формах языковых единиц разных уровней.

Теоретические основы СЛС совместимы с положениями ономазиологии и композиционной семантики, сформулированными в восточноевропейской когнитивной лингвистике (Е.С. Кубрякова), а также с положениями западных лингвокогнитивных школ – фреймовой семантики (Ch. Fillmore) и конструкционной грамматики (Ch. Fillmore, P. Kay, A. Goldberg, W. Croft и др.), когнитивной грамматики (R. Langacker), теории концептуальной метафоры (G. Lakoff, M. Johnson, M. Turner и др.), теории концептуальной интеграции, или блендинга (G. Fauconnier, M. Turner), теории перспектив (R. MacLaury) и теории прототипов (E. Rosch, A. Wierzbicka, G. Lakoff и др.). Методика построения концептуальных сетей, разработанная с учетом данных, полученных путем анализа естественного языка, согласуется с основными идеями дисциплин, представляющими, наряду с лингвистикой, когнитивную науку, а именно – с идеями когнитивной психологии, инженерии знаний (онтологического инжиниринга), теории систем и нелинейной динамики. Тем самым эта методика, как мне представляется, имеет междисциплинарную перспективу, необходимую для современных когнитивных исследований.

В СЛС для построения концептуальных сетей используются **базисные пропозиции**, которые имеют наивысший уровень обобщения, или схемности, и представляют изначальные категории мышления и типы реляций между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному.

- Предметный фрейм объединяет **бытийные схемы** – квантитативную «X есть СТОЛЬКО-количество», квалитативную «X есть ТАКОЕ-качество», локативную «X существует/действует ТАМ / LC-локатив (начало, путь или место, конец)», темпоральную «X существует ТОГДА / ТМ-темпоратив (начало, отрезок или момент времени, конец)» и схему способа бытия «X существует ТАК-способ».
- Акциональный фрейм включает **акциональные схемы** состояния / процесса «AG-агенса действует», контактного действия «AG-агенса действует на PT-пациенса / AF-аффеktiv» и каузации «CR-каузатор делает FT-фактив». Данные схемы могут быть расширены за счет аргументных ролей *сирконстант* (разновидности: AT-сопроводитель, AD-помощник, CG-контрагент, IN-инструмент, MD-медиатив), *стимул* (GL-цель, CS-причина), *предпосылка* (CD-условие, CS-уступка), *реципиент* (AD-адресат, VN-бенефактив / ML-малефактив), а также за счет локативной и темпоральной схем.
- Посессивный фрейм конституируется **посессивными схемами** партитивности «WH-целое имеет PR-часть», инклюзивности «CR-контейнер имеет СТ-содержимое» / «СТ-содержимое имеет CR-контейнер» и собственности «OW-собственник имеет OD-собственность» /

«OD-собственность имеет OW-собственника». Различия между схемами определяются следующим. В партитивной схеме часть не самостоятельна, она всегда принадлежит целому. В инклюзивной схеме содержимое, будучи самостоятельной сущностью, может находиться как в пределах, так и за пределами контейнера. При слабой посессии, когда содержимое является достаточно автономным, инклюзивная схема приобретает обратимость. Схему инклюзивности можно рассматривать как ответвление бытийной локативной схемы. В схеме собственности собственность и собственника объединяет некоторая сближающая их «общая территория» существования. Если сущность, наделенная ролью «собственность», достаточно автономна, схема собственности приобретает обратимость (о посессивных структурах см. [19]).

- Идентификационный фрейм объединяет **идентификационные схемы персонификации** «ID-индивид есть PS-персонификатор (имя собственное)», **классификации** «ID-индивид / вид есть CL-классификатор: вид / род» и **характеризации** «ID-индивид есть SN-характеризатор». Схема классификации соотносит идентификатив (индивидуальную или видовую сущность) с суперординатным таксоном (родо-видовым или титульным) как сущностью более общего плана, чем сам идентификатив; то есть классификатор есть абстрактный член класса – биологического, социального, профессионального, функционального, качественное и пр. В английском языке маркером классификатора становится неопределенный артикль *a* или его эквивалент (*this man is a teacher*). Схема характеристики соотносит индивид с самим собою: характеризатор конкретизирует индивид. В английском языке маркером характеризатора становится определенный артикль *the* или его эквивалент (*this man is the son of my sister*), в русском языке – оборот *тот ... , который* (*это тот человек, который является сыном моей сестры*).
- Компаративный фрейм представлен **компаративными схемами тождества / метаморфозы**, «CV-компаратив есть /как/ MS-коррелят», **сходства / аналогии** «CV-компаратив есть как AN-коррелят» и **подобия / метафоры**, «CV-компаратив есть как бы MT-коррелят». Схема тождества/метаморфозы сравнивает сущность саму с собой, то есть коррелят есть тот же самый компаратив, но в его другой, дополнительной ипостаси (*диван-кровать, царевна-лягушка*). Схема сходства/анalogии устанавливает сходные черты у сущностей, принадлежащих к одной и той же понятийной сфере (*шапка-буденовка* «шапка как у Буденного»). Схема подобия / метафоры устанавливает сходные черты сущностей, которые относятся к разным понятийным сферам (*камень кошачий глаз*).

Базисные фреймы отличаются от фреймов в их традиционном понимании как концептуальных моделей стереотипных предметных ситуаций [Fillmore 1982: 111; Minsky 1988: 245] (например, фрейм «купли – продажи»). В инженерии знаний концептуальные модели предметных ситуаций именуется

онтологиями. Базисные фреймы являются операциональными: они включают тематически сближенные пропозиции, используемые для *построения* концептуальных моделей предметных ситуаций. Число пропозициональных схем, входящих в состав базисных фреймов, ограничено, но благодаря их различной комбинаторике, зависящей от специфики структурируемого понятийного пространства, можно получить неограниченное количество разнообразных конфигураций концептуальных сетей. Концептуальная **сетевая модель** преобразуется в **матричную модель**, если связи между информационными узлами сети остаются необозначенными (имплицитными).

В зависимости от нужд исследования, **концептуальные сети** строятся как **одномерные** или **многомерные (сети-в-сетях)**. Многомерная сеть предполагает наличие понятийных пространств, разворачивающихся «вглубь». Концептосфера (все структурируемое семантическое пространство) есть сеть доменов (понятийных узлов концептосферы); каждый домен есть сеть парцелл (понятийных узлов домена); парцелла содержит конкретные предметные концепты, каждый из которых есть информационный узел, моделируемый сетью признаков. На всех концептуальных уровнях построение сети осуществляется с помощью базисных пропозициональных схем.

К сетевой **концептуальной модели** могут быть применены определенные **когнитивные операции**, преобразующие её в **когнитивную модель**. Описание ряда когнитивных операций (спецификации, фокусировки, проминантности, перспективнизации и т.п.) было дано в когнитивной грамматике [Langacker 2008] и когнитивной психологии [Shepard & Cooper 1988]. Модификация одной и той же концептуальной модели с помощью когнитивных операций позволяет получить *несколько* когнитивных моделей, структурирующих анализируемое понятийное пространство языкового знака или знаков (см. подробно в [Жаботинская 2008а; 2011б; 2012]).

Изложенные выше теоретические принципы были применены для концептуального анализа информации, представленной в лексической семантике, в значениях полисемантического слова, в номинативных процессах, в метафорических единицах, в синтаксических структурах, в частеречных системах, в лексических группировках (лексико-семантических и ассоциативных полях), в том числе и тех, которые подлежат стратификации в словарях-тезаурусах [Жаботинская 2003–2011; Zhabotynska 2002; 2010]. Рассмотрим использование методики СЛС для концептуального моделирования лексического значения имени эмоции – англоязычного существительного *joy*.

4. Использование СЛС для концептуального анализа лексического значения имени эмоции. Процедура исследования лексического значения существительного *joy* включает такие этапы: отбор фактического материала из компьютерного корпуса данных и анализ материала путем исчисления логических предикатов; тематическое упорядочивание полученных результатов с помощью базисных пропозициональных схем; построение сетевой

концептуальной модели понятия РАДОСТЬ как денотативного значения лексемы *joy*; преобразование сетевой концептуальной модели в когнитивную модель, необходимую для дальнейшего анализа лексического значения; использование сетевой концептуальной модели при рассмотрении концептуальных метафор.

- **Фактический материал исследования**

Фактический материал для пилотного исследования, 1231 пример употребления существительного *joy* в значении РАДОСТЬ во фрагментах художественных текстов, был получен из компьютерной базы данных – Британского национального корпуса (BNC). Среди этих примеров были выделены те, которые содержат неметафорические (1025) и метафорические (206) номинации. В неметафорических номинациях были отслежены составляющие концепта, выступающие в роли логических предикатов концепта РАДОСТЬ.

- **Тематическое упорядочивание логических предикатов на основе базисных пропозициональных схем и построение сетевой концептуальной модели**

Выявленные в контекстах логические предикаты, связанные с концептом РАДОСТЬ как денотативным значением существительного *joy*, были тематически сгруппированы на основе базисных пропозициональных схем:

- 1) **посессивная партитивная схема [145 примеров]** «WH-человек имеет PR-РАДОСТЬ»: *smb has joy* [10]; *joy of smb* [30]; *smb's (noun) joy* [24] – *the dancers' joy*; *smb's (pronoun) joy* [52] – *our joy*; *smb's (adjective) joy* [14] – *public joy*; *joy for smb* [14]; *joy to smb* [1];
- 2) **бытийная локативная схема [23]** «РАДОСТЬ есть ТАМ-место»: место = человек в целом [11]: *joy is in smb* [4]; *people of joy* [1]; *inward* [4], *inner* [2] *joy*; место = душа, сердце [9]: *spiritual joy* [5] *joy in one's heart* [3]; место = тело [3]: *joy in body* [1]; *physical* [1], *biological* [1] *joy*;
- 3) **идентификационная схема классификации [21]** «ID-РАДОСТЬ есть CL-классификатор / род»: род = чувство, настроение, эмоция [16]: *sense* [11], *feeling* [1], *mood* [1] *of joy*; *joy is sentiment* [1], *emotion* [2], род = состояние [2]: *state of joy* [2]; род = приятное чувство [2]: *joy is intense gladness* [1], *pleasure* [1]; род = реакция [1]: *reaction of joy* [1];
- 4) **акциональная схема контактного действия¹ [33]** «AG-человек ощущает / не ощущает РТ-РАДОСТЬ»: ощущение радости [30]: *smb feels* [12], *knows* [9], *experiences* [7], *senses* [1] *joy*; *consciousness of joy* [1]; отсутствие радости [3]: *smb misses the joy of smth* [1]; *unknown joy* [1]; *lack of joy* [1];
- 5) **акциональная схема контактного действия¹ + локатив [15]** «AG-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ ТАМ / LC»: место = конкретное место (местность, город, дом и т.п.) [8]: *joy is here* [1]; *joy at smb's place* [1]; *household* [2], *domestic* [1], *rural* [1] *joy*; *city of joy* [2]; место = вселенная

- [6]: *joy in the world* [3], *in the universe* [2]; *world of joy* [1]; место = земля [1]: *joy on the earth* [1];
- 6) **акциональная схема контактного действия¹ + темпоратив [19]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ ТОГДА / ТМ»: время = момент, [6]: *present joy* [3]; *moments of joy* [3]; время = период [13]: *day of joy* [3]; *evening of joy* [1]; *night of joy* [2]; *months of joy* [1]; *April joy* [1]; *times of joy* [1]; *joy of childhood* [2]; *lifetime of joy* [1]; *age of joy* [1];
- 7) **акциональная схема контактного действия¹ + способ [4]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ ТАК-способ»: способ = внезапность [3]: *immediate* [1], *sudden* [2] *joy*; способ = частотность [1]: *once-in-a-lifetime joy* [1];
- 8) **акциональная схема контактного действия¹ + сопроводитель [23]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ с АТ-сопроводителем»: сопроводитель = психологическое состояние [2] *tumultuous* [1], *reckless* [1], *joy*; сопроводитель = негативная эмоция [14]: *mourning* [1], *delirious* [2], *troubled* [2], *fearful* [3], *poignant* [1], *sad* [1], *untoward* [1], *sinister* [1], *pitiless* [1] *joy*; сопроводитель = позитивная эмоция [7]: *solemn* [2], *glorious* [1], *victorious* [1], *voluptuous* [1], *rapturous* [1], *ecstatic* [1] *joy*;
- 9) **акциональная схема контактного действия¹ + причина [262]** «АГ-человек ощущает РТ-РАДОСТЬ из-за СС-причины»: причина = действие, событие [165]: *joy at smth* [22] – *joy at the approach of the Emperors*; *joy in smth* [1] – *joy in the exercise*; *smth has joy in it* [1] – *a working rhythm that has joy in it*; *smth is joy* [36] – *Working with him was a joy*; *joy is smth* [12] – *The joy is that we can take back our bodies, and restore ourselves to balance*; *smth of joy* [5] – *When the baby is born it is an occasion of joy for the whole family*; *joy for smb to do smth* [20] – *It is a great joy for me to declare this exhibition open*; *joy of smth* [67] – *joy of giving your life for the great cause*; *joy out of smth* [1] – *the joy out of his 100th test match as New Zealand coach*; причина = вещь [29]: *smth is joy* [29] – *this antique chair was your pride and joy*; причина = жизнь [21]: *joy of life* [20]; *joy of each day* [1]; причина = вера в Бога [13]: *joy of thy Lord* [3]; *joy of heaven* [6]; *joy in the light of God* [3]; *joy in the presence of the angels of God* [1]; причина = психологическое состояние / эмоция [11]: *smth causes joy* [4] – *Only grieving causes joy*; *smth is joy* [4] – *The happy relaxed atmosphere that Jamaica is famous for was a joy to see*; *joy of smth* [9] – *joy of love*; причина = человек [10]: *smb is joy* [10]; причина = искусство [5]: *joy of smth* [5] – *joy of music*; причина = еда [2]: *joy is smth* [2] – *joy is the food*; причина = природа [2]: *the joy of nature* [1]; *lake is the liquid joy* [1]; причина = текст [2]: *joy in smth* [2] – *joy in the third decree*; причина = богатство [1]: *wealth is joy* [1]; причина = всё [1]: *joy in everything* [1];
- 10) **акциональная схема контактного действия² [26]** «АГ-человек показывает / не показывает РТ-РАДОСТЬ»: демонстрация радости [23]: *smb expresses* [13], *exhibits* [1], *shows* [1], *parades* [1] *joy*; *expression* [6], *demonstration* [1] *of joy*; подавление, сокрытие радости [3]: *smb controls* [1] *represses* [1], *conceals* [1] *joy*;

- 11) **акциональная схема контактного действия² + медиатив [24]** «AG-человек показывает РТ-РАДОСТЬ с помощью MD-медиатива»: медиатив = глаза, взгляд [7]: joy in the eyes [2]; look of joy [5]; медиатив = лицо [4]: joy all over the face [3]; the face speaks one's joy [1]; медиатив = знак [4]: token [1], sign [1], mark [1], trace [1] of joy; медиатив = голос [3]: joy out of one's voice [1]; exclamation [1], shout [1] of joy; медиатив = текст [3]: joy in the verses [1]; tale of joy [1]; smb decrees joy [1]; медиатив = колокола [2]: bells tell of [1] herald [1] joy; медиатив = движение тела [1]: movement of joy [1];
- 12) **акциональная схема³ + причина [144]** «AG/CR-человек действует/ действует на РТ-пациенс, АФ-афектив / делает FT-фактитив (следствие) из-за CS-РАДОСТИ»: следствие = телесная реакция [79]: to do smth for joy [38] – to faint for joy; to do smth with joy [41] – to shiver with joy; следствие = смех, улыбка [8]: to laugh for joy [4]; to smile from joy [4]; следствие = физическое действие [48]: to do smth for joy [32] – to leap for joy; to do smth with joy [14] – to clap one's hands with joy; smth of joy [2] – a hug of joy; следствие = речь [1]: to be speechless with joy [1]; акциональная схема контактного действия³ + причина «AG-человек ощущает РТ-эмоцию (следствие) из-за CS-РАДОСТИ»: следствие = другая эмоция [8]: such joy [4] – mad joy over the prisoners who were saved; smth of joy [4] – comfort of joy.
- 13) **акциональная схема³ + цель [8]** «AG/CR-человек действует / действует на РТ-пациенс, АФ-афектив / делает FT-фактитив ради / для GL-РАДОСТИ»: *smb does smth for joy [8] – The queen had a little girl, so very beautiful that the king could not cease looking on it for joy;*
- 14) **акциональная схема³ + сопроводитель [65]** «AG/CR-человек действует / действует на РТ-пациенс, АФ-афектив / делает FT-фактитив с АТ-РАДИСТЮ: *smb does smth with joy [65] – You must paint with joy, the joy with which you make love to a woman;*
- 15) **акциональная схема контактного действия⁴ [39]** «AG-человек действует на РТ-РАДИСТЬ»: *smb needs [1], deserves [2], imagines [1], hopes for [1], sees [6], assumes [1], changes his/her [1] joy; smb remembers [1], recalls [1], examines [1], thinks of [1], contemplates [1], talks about [1], says smth about [1], admits [1], denies [1], describes [1] joy; script [1], sketch [1] of joy; unexplained joy [1]; smb listens to joy [1]; smb hears [1], celebrates [2], promotes [1], wishes smb [7] joy; smb expects smb's [1] joy; smb understands smb's [1] joy;*
- 16) **посессивная инклюзивная схема [1]** «CR/род-РАДОСТЬ имеет СТ-содержимое / тип: *type of joy [1];*
- 17) **бытийная квалитативная схема [159]** «РАДОСТЬ есть ТАКАЯ-качество»: такая по объему [60]: considerable [1], great [55], immense [2], tremendous [1], unconfined [1] joy; такая по степени проявления [21]: sheer joy [16; paltry [1], gentle [1], quiet [1], serene [1] joy; такая по интенсивности [15]: strong [1], extreme [1], supreme [1], unbelievable [1], exceeding [2], inexpressible [3],

indescribable [1], *odious* [1], *fierce* [3], *awful* [1] *joy*; такая по реальности [15]: *actual* [3], *real* [6], *true* [2], *evident* [1], *obvious* [1] *joy*; *reality of joy* [1]; *illusory joy* [1]; такая по продолжительности [14]: *endless* [1], *eternal* [3], *lifelong* [1], *lasting* [1], *everlasting* [1], *enduring* [1], *constant* [1] *joy*; *momentary* [1], *temporary* [1], *brief* [1], *short* [1] *joy*; *rapidity of joy* [1]; такая по полноте [6]: *absolute* [1], *utter* [2], *complete* [2], *perfect* [1] *joy*; такая по обычности / необычности [6]: *simple joy* [2]; *exquisite* [1], *special* [1], *particular* [1], *certain* [1] *joy*; такая по имовренности, ожидаемости [5]: *inevitable* [1], *possible* [1], *potential* [1] *joy*; *unforeseen* [1], *unexpected* [1] *joy*; такая по акцентированности [4]: *chief* [1], *primary* [1], *only* [2] *joy*; такая по искренности [3]: *genuine* [1], *sure* [1], *sincere* [1] *joy*; такая по распространенности [2]: *universal joy* [2]; такая по сукцессивности (порядку) [1]: *last joy* [1]; такая по важности [1]: *significance of joy* [1]; такая по позитивной оценке [4]: *wonderful* [3], *wondrous* [1] *joy*; такая по негативной оценке [1]: *loathsome joy* [1]; такая по объяснимости [1]: *mystery of joy* [1];

- 18) **компаративная схема сходства / аналогии¹** [7] «CV-РАДОСТЬ есть как AN-коррелят»: коррелят = радость другого существа [5]: *childlike* [2], *angelic* [1], *infantile* [1] *joy*; *joy like the children* [1]; коррелят = другое чувство [2]: *joy is as harmony* [1]; *joy has smth in common with pain* [1];
- 19) **компаративная схема сходства / аналогии²** [7] «CV-компаратив есть как бы AN-РАДОСТЬ»: компаратив = эмоция [7]: *a sort of joy* [5] – *A sort of joy illuminated his pupils like an inward aurora*; *kind of joy* [2] – *There is a kind of joy involved when the order of words corresponds with the way things are*.

Упомянутые выше пропозициональные схемы объединяются в концептуальной модели сети (рис. 1).

• ***Преобразование сетевой концептуальной модели в когнитивную модель***

Сетевая концептуальная модель является необходимой основой для дальнейших исследований: а) роли различных компонентов в составе значения слова; б) культурологических аспектов значения; в) исторических и межъязыковых модификаций значения (вспомним слоистую модель концепта, которая в этом случае предстает как вторичная по отношению к его концептуальной структуре). В таких исследованиях должна учитываться не только сама сетевая концептуальная структура, но и применяемые к ней когнитивные операции, относимые Р. Ленекером к факторам «конструирования, интерпретации» (*construing*) содержания языкового выражения [Langacker 2008: 55]. Когнитивная операция (или операции) преобразует концептуальную структуру в структуру когнитивную. Для анализа лексического значения важен фактор *проминантности*, определяемый Р. Ленекером как понятийная акцентированность, выделенность тех элементов, на которые мы обращаем особое внимание [там же: 66]. На акцентированность компонента указывает количественный показатель – число контекстов, в которых он фигурирует.

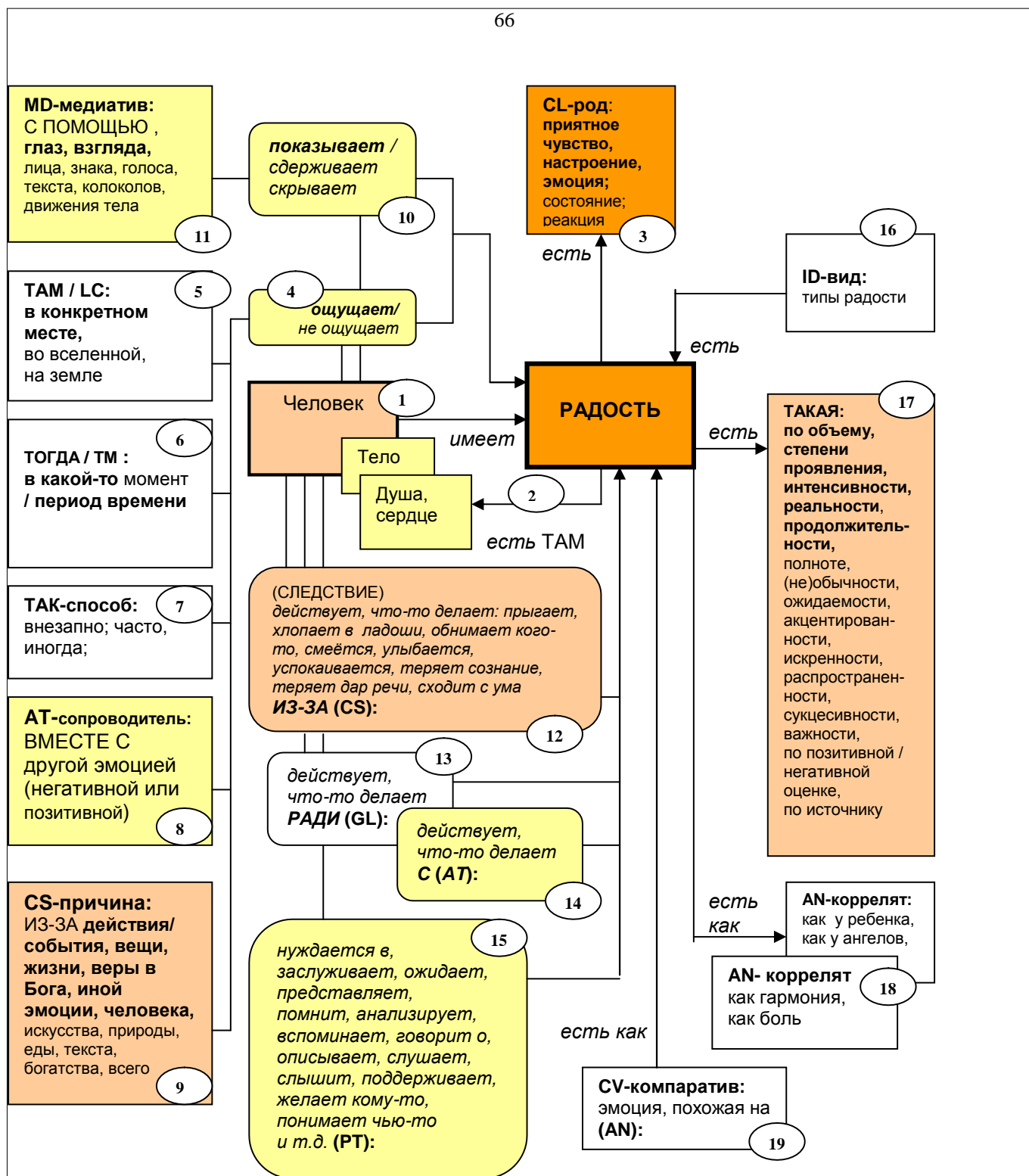

Рис. 1. Денотативное значение существительного *joy*:
концептуальная сеть

Содержательная проминатность компонентов значения слова. Согласно данным анализа, концепт РАДОСТЬ как денотативное значение существительного *joy* имеет такое содержание:

«**РАДОСТЬ, присущая человеку [145], пребывает в нём [23]/[11], в его душе [9] и теле [3]. Радость есть приятное чувство, настроение, эмоция [20], реакция на что-то [1]. Человек чувствует или не чувствует**

радость [33]. Он может испытывать радость в определенном месте [15] и в определенное время [19]. Радость может быть внезапной [3] и нечастой [1]. Человек может ощущать радость, сменяющую негативную эмоцию или же сопровождающую другое приятное чувство [23]. Радость, как правило, имеет свою причину [262] – каковой становится действие или событие [165], какая-либо вещь [29], жизнь в целом [21], вера в Бога [13], определенная эмоция [11], другой человек, [10], искусство [5], природа [2], чтение текста [2], еда, [2], богатство [1] и вообще всё [1]. Человек показывает, демонстрирует свою радость [23] или же сдерживает, скрывает её [3]. Человек показывает свою радость посредством чего-то [24] – глаз и взгляда [7], лица [4], какого-то знака [4], голоса [3], движения тела [1]; человек может выражать свою радость в написанном им тексте [3], а также звуками колоколов [2]. Радость человека становится причиной [144] его разных действий [48] – он хлопает в ладоши, обнимает других, прыгает от радости. Радость вызывает и различные телесные реакции [79] – человек может дрожать от радости и даже потерять сознание. Радостный человек смеётся [4], усмехается [4], теряет дар речи [1]. Радость вызывает различные психологические состояния [8] – человек доволен, спокоен или же возбужден. Радость сопровождает различные действия человека: он делает что-то с радостью [65]. Человек может специально делать то, что приносит ему радость [8]. Человек думает и говорит о своей радости и о радости других [39]. Существуют разные виды радости [1]. Радость имеет разные качества [145] – по объему [60], степени [21] своего проявления, интенсивности [15], реальности или нереальности [15], по продолжительности [14] и полноте [6], по обычности / необычности [6], по своей ожидаемости [5], по акцентированности [4], искренности [3], распространенности [2], по успешности [1], важности [1], объяснимости [1]. Радость может быть оценена как позитивно [4], так и негативно [1]. Радость одного человека может быть похожа на радость другого, сама радость может быть похожа на другое чувство [7]. Другое чувство, в свою очередь, может напоминать радость [7]».

Согласно концепции в М.В. Никитина, интенционал, или содержательное ядро лексического значения, представлен гиперсемой (родовая часть) и гипосемой (видовая часть). Импликационал лексического значения, включающий окружающие ядро периферийные семантические признаки, бывает жестким (обязательным, необходимым), высоковероятностным, слабым (свободным) и отрицательным (маловероятным или невозможным). Отрицательный импликационал (негиппликационал) отслеживается в метафоре [Никитин 1996: 109–111], которая на данном этапе анализа компонентов концепта РАДОСТЬ не обсуждается.

В концепте РАДОСТЬ как денотативном значении существительного *joy* интенционал представлен гиперсемой «род = чувство, настроение, эмоция, состояние» [18] и гипосемой «приятное чувство» [2]. Отнесение прочих

компонентов к жесткому, высоковероятностному и слабому импликационалу зависит от их количественной проявленности в речи. При этом величина количественного показателя избирается условно:

1) **жесткий импликационал:** – более 100 примеров (в приведенном выше описании концепта РАДОСТЬ компоненты выделены жирным шрифтом и подчеркнуты) –

«РАДОСТЬ, присущая человеку [145], как правило, имеет свою причину [262], это зачастую действие или событие, какая-либо вещь или жизнь в целом. Радость вызывает [144] различные действия и телесные реакции человека: он хлопает в ладоши, обнимает других, прыгает, дрожит от радости. Среди различных качественных характеристик радости [145] наиболее типичными являются её объем и степень её проявления»;

2) **высоковероятностный импликационал:** 20–65 примеров (в приведенном выше описании концепта РАДОСТЬ компоненты подчеркнуты) –

«Человек чувствует или не чувствует радость [30]. Он может ощущать радость, сменяющую негативную эмоцию или же сопровождающую другое приятное чувство [23]. Человек показывает, демонстрирует свою радость или же сдерживает, скрывает её [26]. Радость сопровождает различные действия человека: он делает что-то с радостью [65]. Человек думает и говорит о своей радости и о радости других [39]»;

3) **Слабый импликационал** – менее 20 примеров (в приведенном выше описании концепта РАДОСТЬ компоненты оставлены невыделенными):

«Человек может испытывать радость в определенном месте [15] и в определенное время [19]. Радость может быть внезапной [3] и нечастой [1]. Человек может специально делать то, что приносит ему радость [8]. Радость одного человека может быть похожа на радость другого, сама радость может быть похожа на другое чувство [7]. Другое чувство, в свою очередь, может напоминать радость [8]».

На приведенном выше рис. 1 зоны интенционала, жесткого импликационала и высоковероятностного импликационала показаны разными цветами, зона слабого импликационала оставлена без цвета.

Семы интенционала и жесткого импликационала формируют сигнификативное значение слова, приводимое в словарях. Компоненты высоковероятностного импликационала могут либо включаться, либо не включаться в словарную статью. Они представляют собой зону «перехода» от сигнификативного значения к значению денотативному, между которыми нет жесткой границы (см. обсуждение этого вопроса в [Haiman 1980; Wierzbicka 1995]).

Культурная проминатность компонентов значения слова. Культурологический аспект значения слова отслеживается не во всех, а лишь в определенных компонентах, входящих в состав его сетевой когнитивной структуры. Такие компоненты связаны с общественными установками и ценностями носителей языка. Для концепта РАДОСТЬ

как денотативного значения существительного *joy* культурную значимость имеют компоненты «показ радости» и «причина радости»:

показ радости: демонстрация радости [23], сокрытие, подавление радости [3] – количественные показатели говорят в пользу того, что в англосаксонской культуре принято выражать, а не подавлять или скрывать свою радость;

причина радости: действие, событие [165], вещь [29], жизнь [21]; вера в Бога [13], психологическое состояние / эмоция [11], человек [10], искусство [5], природа [2], текст [2], богатство [1], всё [1] – согласно количественным показателям, в англосаксонской культуре причиной радости, как правило, становятся какие-либо действия или события (их специфика может быть установлена в результате специального анализа); в значительном количестве случаев радость связана с какой-либо вещью, жизнью как таковой, верой в Бога, определенным эмоциональным переживанием или же с каким-то человеком (анализ большего корпуса данных может внести коррективы в эти наблюдения).

Исторические и межъязыковые модификации значения слова изучаются путем построения и сравнения сетевых когнитивных структур этого значения для разных периодов в истории одного и того же языка или же для разных языков.

- ***Использование сетевой концептуальной модели для анализа метафор***

Метафоры, в которых фигурирует существительное *joy* в значении РАДОСТЬ, представлены в фактическом материале 206 языковыми единицами (метафорическими выражениями – МВ), подводимыми под 19 концептуальных метафор. В них различные коррелятивные домены проецируются на концепт РАДОСТЬ, формируя его метафорический диапазон (жирным шрифтом выделены коррелятивные домены, отслеживаемые в наибольшем количестве примеров):

РАДОСТЬ есть **ЧЕЛОВЕК** [36 МВ], ЖИВОЕ СУЩЕСТВО [4 МВ], ЖИВОТНОЕ [3 МВ], ПТИЦА [7 МВ], **ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ** [27 МВ], САКРАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ [5 МВ], ЦЕННАЯ ВЕЩЬ [5 МВ], ПОДАРОК [9 МВ], ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО [1 МВ], КОНТЕЙНЕР [4 МВ], **СОДЕРЖИМОЕ КОНТЕЙНЕРА** [27 МВ], **ВЕЩЕСТВО** [21 МВ], ВЗРЫВЧАТКА [5 МВ], ЕДА [5 МВ], ЖИДКОСТЬ [8 МВ], ВОДНЫЙ ПОТОК [12 МВ], **СВЕТ / ПЛАМЯ** [24 МВ], ВЕТЕР [2 МВ], БОЛЕЗНЬ [1 МВ].

Как правило, концептуальная метафора представлена не одним, а несколькими МВ. В их образовании задействованы пропозициональные схемы, конституирующие сетевую структуру понятия РАДОСТЬ. То есть, метафора используется для осмысления и названия определенного (проминантного) сущностного компонента этого понятия. Например:

РАДОСТЬ есть СВЕТ / ПЛАМЯ [24 МВ]

Радость = пламя / свет, имеющий лучи [2] – *He returned in the evening, drenched and soaked, but with the same unquenchable **flame of joy** burning within him. An indescribable **ray of joy** illumined that wretched countenance like the last ray of the sun before it disappears behind the clouds.* Ощущение радости человеком = вспышка света, сияние [5] – *A **flash of joy** illumined Jean Valjean's melancholy old countenance. And while they were in the first **flush of joy**, swapping confidences and confessions, her brother came into the parlor with an expression of pain on his face and a telegram in his hand. She interrupted him with a **gleam of joy in her eyes**. The victory against England conveys a brief **glimpse of the joy** and vulnerability that Scottish football embodies. As we praise God <...> we become literally 'thankful persons', transfused by a new **radiance of joy** and thanksgiving.* Ощущение радости человеком = схождение света [2] – *Blind as he was, smiles played over his face, **joy dawned on his forehead**: his lineaments softened and warmed. The two children <...> stared at Montparnasse with **dawning joy** and admiration.* Проявление, демонстрация радости человеком = излучение / отражение света [12] – ***Joy seemed to radiate** from his whole person. It is rather difficult to communicate the emotion of gloom and at the same time **radiate joy**. Dantes <...> with his fine countenance, **radiant with joy** and happiness, a more perfect specimen of manly beauty could scarcely be imagined. What he does see is a crippled lama living in extreme simplicity and frugality in a mountain hermitage, whose being is **irradiated with a joy** which has an even keener edge because his infirmities offer him no possibility of escape. And, **beaming with joy**, she said: 'Winning the title has made my special day very special indeed. It **glistened with such extraordinary joy**, so rich and full of thought, that the physician was struck. Hans took the stone, and went his way with a light heart, his **eyes sparkled for joy**. Her eyes were **luminous with joy**. Then all at once she remembered the tortures of suspense she had experienced for the last fortnight, and **the joy that had lit up her face** vanished. <...> and her face, instead of **lighting up with joy**, dropped with dismay. I always enjoyed the spontaneous bursting into song of the crowd at Cardiff Arms Park, **reflecting joy**, satisfaction or encouragement for the home team's performance. They looked on, vaguely blanched with the **reflection of so much joy** at this sweet swarming of the hives.* Проявление, демонстрация радости человеком = распространение света [1] – *<...> have a happy face and **spread a little joy around**.* Исчезновение радости = затемнение света [2] – *<...> as though some envious cloud **darkened the joy** which illumined her heart. A poignant emotion **clouded the joy** of the disencumbered barricade.*

Подробное описание дальнейшего анализа концептуальных метафор в терминах их диапазонов и спектров дано в работах [Жаботинская 2011а; Бровченко 2011; Радченко 2012]

5. Заключение. Приведенный выше образец анализа является не анализом концепта *per se*, а анализом концепта как значения слова.

Воссоздание сетевой концептуальной / когнитивной модели лексического значения позволяет соотнести его с определенной структурой знаний, а также объяснить механизм схематизации и спецификации содержащейся в значении информации, включающей и ту, которая связана с культурными, межкультурными и диахроническими факторами.

Сетевая концептуальная / когнитивная структура применима не только для объяснения специфики одного из лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова. Она является также основой для анализа полисемии, при которой различные ЛСВ связаны между собой типами отношений (прежде всего отношений смежности), представленных в концептуальной / когнитивной сети. Эта сеть становится основой и для анализа значений единиц словообразовательных и синонимических рядов. Например, в словообразовательном ряду *joy, joyful, joyous, joyfully, joyously* производные прилагательные и наречия соотносятся с определенными (и при этом множественными) узлами концептуальной сети. В синонимическом ряду *joy, happiness, satisfaction, rapture, cheer, etc.* именуемые понятия могут быть представлены с помощью одной и той же концептуальной / когнитивной структуры, в которой изменяется как заполнение отдельных схемных узлов, так и проминантность узлов.

И последнее. Сетевая концептуальная / когнитивная структура значения имени демонстрирует то, как это значение, будучи «эйдетической сверткой» информации, разворачивается в логос-текст с его неметафорическими и метафорическими номинациями. А этот текст, приращенный новой информацией в различных дискурсах, вновь сворачивается в имя, привнося в его содержание новые смыслы.

Благодарность. Выражаю признательность студентке-магистрантке Яне Римской за сбор фактического материала и его первичную обработку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева А.В. Концепт ОСВІТА в англійській, французькій та російській мовах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / А.В. Беляева. – К., 2012. – 20 с.
2. Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? / Е.Г. Беляевская // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.–Калуга, 2007. – С. 60–69.
3. Бровченко И.В. Концептуальная метафора в клише англоязычного научного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бровченко Ирина Владимировна. – Черкассы, 2011. – 364 с.
4. Воинов А.В. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области / А.В. Воинов, Т.А. Гаврилова //

- Третья междунар. конф. по когнитивной науке (Москва, 20-25 июня 2008 г.) : тезисы докл. – Том 1. – М., 2008. – С. 566–567.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. – Воронеж, 2002. – Режим доступа : http://1se2010.narod.ru/yazik_kommunikatsija_s_sotsialnaja_sreda
  6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
  7. Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С.Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 5. – С. 64–74.
  8. Воркачев С.Г. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX–XXI века: Человек и его дискурс. – М., 2003. – С. 263–275.
  9. Воробйова О.П. Ідея резонансу в лінгвістичних дослідженнях / О.П. Воробйова // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя проф. М.П. Кочергана : [відп. ред. Тараненко О.О.] – К., 2006а. – С. 72–86.
  10. Воробьева О.П. Эмоциональный резонанс сквозь призму ментальной симуляции / О.П. Воробьева // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. материалов / ИЯ РАН, Тамбовский ГУ имени Г.Р. Державина, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (26–28 сентября 2006 г., Тамбов). – Тамбов, 2006б. – С. 46–48.
  11. Воробйова О.П. Поетика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П. Воробйова // Мова, культура й освіта в сучасному світі : зб. наук. праць до 90-річчя д. філол. н., проф. Романовського О.К. : [відп. ред. Стишов О.А.]. – К., 2008. – С. 126–135.
  12. Воробйова О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2011. – Т. 14, № 2. – С. 53–64.
  13. Воробьева О.П. Вкус "Шоколада": интермедиальность и эмоциональный резонанс / О.П. Воробьева // Проблемы лингвистики и лингводидактики. – Белгород, 2013. (В печати).
  14. Воробьева О.П. Концептология в Украине: обзор проблематики / О.П. Воробьева // Концепты в когнитивно-дискурсивной парадигме : коллективная монография. – К.–Луганск : Изд-во ЛНПУ имени Тараса Шевченко, 2013 (в печати).
  15. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3–7.
  16. Жаботинская С.А. Теория номинации: когнитивный ракурс / С.А. Жаботинская // Вестник Московского гос. лингв. исторического ун-та. – 2003. – Вып. 478. Лексика в разных типах дискурса. – С. 145–164.

17. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова : зб. наук. праць.– Одеса, 2004. – С. 32–48.
18. Жаботинская С.А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети / С.А. Жаботинская // Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza : Drugą międzynarodową konferencję naukową (Gdansk, 22–24 października 2003) : v 2 t. – Т.2. – Gdansk, 2005. – С. 53–63.
19. Жаботинська С.А. Посесивна конструкція і концептуальні трансформи / С.А. Жаботинська // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя проф. М.П. Кочергана : [відп. ред. Тараненко О.О.] – К., 2006. – С. 178–192.
20. Жаботинская С.А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики: интегративный подход / С.А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблемы их классификации. – М. – Тамбов, 2008а. – С. 61–74.
21. Жаботинская С.А. Принципы лингвокогнитивного анализа и феномен полисемии / С.А. Жаботинская // Проблемы загального, германського та слов'янського мовознавства. До 70-річчя професора В.В. Левицького. – Чернівці, 2008б. – С. 357–368.
22. Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168, Т.1. – С. 254–261.
23. Жаботинская С.А. Онтологии для словарей-тезаурусов: лингвокогнитивный подход / С.А. Жаботинская // Філологічні трактати. – 2009а. – № 2, Том 1. – С. 71–87.
24. Жаботинская С.А. Принципы создания ономаσιологических моделей и событийных схем в языке / С.А. Жаботинская // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М., 2009б. – С. 381–400.
25. Жаботинская С.А. Лексико-грамматическая полисемия класса числительных: когнитивный аспект / С.А. Жаботинская // Мова й дискурс: вимір і вимірювання : міжвуз. зб. наук. праць до 75-річчя з дня народження доктора філологічних наук, професора, академіка АН вищої школи України Світлани Олексіївни Швачко. – Сумы : Вид-во СумДУ, 2010. – С. 52–61.
26. Жаботинская С.А. Лингвокогнитивный поход к анализу номинативных процессов / С.А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2010. – № 982. – С. 6–20.
27. Жаботинская С.А. Концептуальная метафора: процедура анализа для множественных данных / С.А. Жаботинская // Актуальні проблеми менталінгвістики : зб. статей за матеріалами VII Міжнар. наук. конф. – Черкаси : ЧНУ імені Б. Хмельницького, 2011а. – С. 3–6.
28. Жаботинська С.А. Лексичні поля й нелінійна динаміка когнітивних структур / С.А. Жаботинська // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – 2011б. – Вип. 52. – С. 1–11.

29. Жаботинская С.А. Когнитивное картирование как лингвосемиотический фактор / С.А. Жаботинская // Функциональная лингвистика : сб. научн. работ : [науч. ред. А.Н. Рудяков]. – № 3. – Симферополь, 2012. – С. 179–182.
30. Жаботинская С.А. Сетевая семантика / С.А. Жаботинская // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : материалы Всероссийской науч. конф., посвященной 10-летию Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Тамбов, 11–12 апреля 2013 г.). – Тамбов, 2013 (в печати).
31. Жигоренко І.Ю. Концепт КОХАННЯ в сучасному німецькому й українському художньому тексті: лінгвокогнітивні та функціональні особливості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / І.Ю. Жигоренко. – Одеса, 2011. – 20 с.
32. Кравченко А.В. Что изучает концептология? / А.В. Кравченко // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы 1-й Междунар. конф. (5–7 окт. 2011, Барнаул). – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2011. – С. 248–251.
33. Кубрякова Е.С. Роль человеческого фактора в языке. Язык и порождение речи / Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. – М. : Наука, 1991. – 237 с.
34. Логический анализ языка. Культурные концепты : [сб. статей / отв. ред. Арутюнова Н.Д.]. – М. : Наука, 1991. – 204 с.
35. Логический анализ языка. Семантика начала и конца : [сб. статей / отв. ред. Арутюнова Н.Д.]. – М. : Индрик, 2002. – 648 с.
36. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.В. Никитин. – Владимир : Владимир. гос. пед. ин-т, 1974. – 222 с.
37. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
38. Пименов Е.А. Особенности репрезентации концепта ANGST в немецком языке / Е.А. Пименов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.–Калуга, 2007. – С. 231–236.
39. Пименова М.В. О методе исследования концептов внутреннего мира человека / М.В. Пименова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – М.–Калуга, 2007. – С. 237–246.
40. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 1999. – 191 с.
41. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.

42. Радченко О.Ю. Концептуальна метафора в терміносистемі маркетингу : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Радченко Олена Юріївна. – Черкаси, 2012. – 364 с.
43. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2002. – 78 с.
44. Сватко Ю.И. Имя как текст и текст как имя: лингвистические и лингвофилософские основания анализа : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языкознания», 10.02.01 «Русский язык» / Ю.И. Сватко. – Краснодар, 1994. – 77 с.
45. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
46. Шамаева Ю.Ю. Когнітивна структура концепту «РАДІСТЬ» (на матеріалі англійської мови : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ю.Ю. Шамаева. – Харків, 2004. – 20 с.
47. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 192 с.
48. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоции / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
49. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // *Cognitive Linguistics*. – 1999. – No 10/1. – P. 1–31.
50. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // *Linguistics in the Morning Calm* : [ed. by The Linguistic Society of Korea]. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
51. Haiman J. Dictionaries and encyclopedias / J. Haiman // *Lingua*. – 1980. – Vol. 50. – No 4. – P. 329–357.
52. Kemmer S. Schemas and lexical blends / *Motivation in language: Studies in honour of Günter Radden* : [ed. by S. Kemmer, H. Cuykens, T. Berg, R. Dirven, & K.-U. Panther]. – New York, 2003. – P. 69–97.
53. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites / Langacker R. W. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
54. Langacker R.W. Cognitive grammar. A basic introduction / R.W. Langacker. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
55. Minsky M. The society of mind / M. Minsky. – New York et al. : Simon & Schuster, 1988. – 339 p.
56. Shepard R.N. Mental images and their transformations / R.N. Shepard, L.A. Cooper. – Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1986. – 364 p.
57. Tylor J.R. Schemas, prototypes, and models: In search of the unity of the sign / J.R. Tylor // *Meanings and prototypes: Studies in linguistic categorization* : [ed. by S.V. Tsohatzidis]. – London-New York, 1990. – P. 521–534.

58. Vorobyova O. Caught in the Web of Worlds II: Postmodernist Wanderings through the ASC Labyrinths in Kazuo Ishiguro's *The Unconsoled*: Philosophy, Emotions, Perception / O. Vorobyova // Languages, Literatures and Cultures in Contact: English and American Studies in the Age of Global Communication : [eds. Marta Dąbrowska, Justyna Leśniewska and Beata Piątek]. – Krakow, 2012. – P. 37–56.
59. Wierzbicka A. Dictionaries vs. encyclopaedias: how to draw a line / A. Wierzbicka // Alternative linguistics: Descriptive and theoretical models : [ed. by P.W. Davis]. – Amsterdam & Philadelphia, 1995. – P. 289–315.
60. Zhabotynska S.A. Shorts, breeches and bloomers: Plurality in blends / S.A. Zhabotynska // The Way We Think : Odense working papers in language and communication (Odense, August 19-23, 2002). – Odense, 2002. – Vol. 2, № 23. – P. 127–142.
61. Zhabotynska S.A. Principles of building conceptual models for thesaurus dictionaries / S.A. Zhabotynska // Cognition, communication, discourse. International On-line journal – Когниция, коммуникация, дискурс. Международный электронный сборник научных трудов. Харьковский национальный университет имени В. Каразина. – 2010. – № 1. – С. 75–92. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010>

Жаботинская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

УДК 81'23

ДИСКУРСИВНЫЕ ЭМБЛЕМЫ В.И. Карасик (Волгоград, Россия)

В.И. Карасик. Дискурсивные эмблемы. В статье рассматриваются дискурсивные эмблемы как знаки идентификации коммуникантов и обстоятельств общения. Обсуждаются такие критерии классификации дискурсивных эмблем, как сфера коммуникации, тональность и референтная отнесенность. Выделяются знаки статусной, профессиональной, локальной, исторической, идеологической идентификации.

Ключевые слова: герменевтика, дискурс, дискурсивные эмблемы, идентификация, сфера коммуникации.

В.І. Карасик. Дискурсивні емблеми. У статті розглядаються дискурсивні емблеми як знаки ідентифікації комунікантів та обставин спілкування. Обговорюються такі критерії класифікації цих емблем, як сфера комунікації, тональність і референтна віднесеність. Виокремлюються знаки статусної, локальної, історичної, ідеологічної ідентифікації.

Ключові слова: герменевтика, дискурс, дискурсивні емблеми, ідентифікація, сфера комунікації.

V.I. Karasik. Discourse emblems. This article focuses on discourse emblems employed for identifying the participants and the settings of communication. The discussed criteria for classifying such emblems include the sphere of communication, tonality, and reference. It is argued that discourse emblems signify the societal, professional, geographical and ideological background of the speaker.

Key words: communication sphere, discourse, discourse emblems, identification, hermeneutics.

Важнейшей характеристикой общения является не прямое выражение смысла. Соглашаясь с известной сентенцией Л.С. Выготского [1999] о том, что любое высказывание по своей сути есть иносказание, отметим, что понимание сообщения как иносказания – это выбор интерпретатора. Так, например, художественный текст отличается по своему предназначению от всех остальных типов текста прежде всего тем, что открывает бесконечную перспективу интерпретаций [Воробйова 2004; Vorobyova 2009]. Непрямая коммуникация имеет различные дискурсивные и жанровые проявления [Дементьев 2006]. Одним из возможных подходов к изучению не прямой коммуникации является лингвосомиотический анализ ее типов. Можно противопоставить две основные разновидности интерпретации чего-либо как актуализации непрямого смысла – определение контекста как базы для дальнейшего понимания смысла и проникновение в текст. Определение контекста в широком смысле слова – считывание эмблем – происходит моментально, а проникновение в текст требует некоторых интеллектуальных усилий и определенных умений интерпретации. Такое проникновение можно

далее противопоставить по единственности либо принципиальной множественности интерпретации смысла, благодаря чему мы воспринимаем ту или иную информацию как аллегорию или символ.

Дискурс – текст, погруженный в ситуацию общения, по Н.Д. Арутюновой, либо, наоборот, общение посредством текста – позволяет выявить релевантные признаки типологизации определенных коммуникативных ситуаций и личностей, использующих ту или иную речевую формулу. Такие речевые формулы могут рассматриваться в лингвосомиотическом плане в качестве эмблем, однозначно определяющих тип личности, понятный в рамках своей культуры, но требующий интерпретации для представителей других культур. Мы говорим об эмблематическом прочтении знака в тех случаях, когда акцентируется идентичность участников общения. Подобные дискурсивные эмблемы сразу же говорят нам, в какой среде привык находиться говорящий (например, *«Так точно»* – военный служащий, *«Отпусти меня, начальник»* – заключенный, *«Садись, два»* – учитель, *«Как у Вас все запущено...»* – врач, *«Давайте об этом поговорим»* – психолог, *«Слушаю тебя, дочь моя»* – священнослужитель, *«Сами мы не местные...»* – нищий). Эти формулы используются в их прямой функции в часто повторяющихся коммуникативных ситуациях, а затем, по закону С. Карцевского, начинают семиотически варьироваться и приобретают вторичное эмблематическое значение – ироническое, шутовское, описательное.

Дискурсивные эмблемы могут раскрывать не только социальную роль, но и психологическую самоидентификацию человека – подчеркнуто скромного либо желающего привлечь к себе внимание (ср. *«как говорится»* – *«как я говорю»*), вышестоящего либо нижестоящего (*«Ты как со мной говоришь?»* – *«Если разрешите...»*), импульсивного либо контролирующего себя (*«Я вся такая непредсказуемая...»* – *«Не вижу оснований для...»*). Часто в качестве таких дискурсивных эмблем используются цитаты, и понимание того, с кем себя идентифицирует говорящий, связано с формой и содержанием цитируемой фразы. К числу формальных характеристик подобных эмблем относятся этнические индикаторы (*«таки да»*), избыточное использование слов *«однако»* или *«заходи, дорогой»*), к содержательным характеристикам рассматриваемых единиц можно отнести широкий круг прецедентных ситуаций (*«А Семёнов списывает!»*, *«Вы можете говорить или хранить молчание...»*, *«Хотели как лучше...»*).

Лингвистическое осмысление и описание различных эмблем в общении важно для понимания различных пресуппозиций, которые могут остаться вне поля зрения интерпретатора либо получить неверное истолкование. В этом плане поиск эмблем в коммуникации – это одно из направлений филологической герменевтики. Любая коммуникативная ситуация включает множество эмблематических знаков, большая часть этих знаков самоочевидна для участников общения и наблюдателей и поэтому нерелевантна. Но в случае

возникновения смыслового разрыва между участниками общения требуется объяснение дискурсивных эмблем.

Классификация дискурсивных эмблем может строиться на различных основаниях. По признаку с ф е р ы о б щ е н и я можно выделить эмблемы того или иного типа дискурса, узнаваемого по его участникам, тематике и используемым коммуникативным формулам, противопоставить профессиональное и непрофессиональное общение, установить знаки, свойственные той или иной исторической эпохе или местности, в том числе и этнокультурные знаки. По признаку т о н а л ь н о с т и о б щ е н и я выделяются эмблемы, свойственные общению на официальной или неофициальной дистанции, в шутовском или серьезном ключе, сориентированные на самопрезентацию либо передачу сообщения и т.д. По признаку р е ф е р е н т н о й о т н е с е н н о с т и можно выделить эмблемы-реалии и коммуникативные эмблемы, к первым относятся любые объекты, осмысливаемые как индикаторы культуры (например, вид одежды или строения), ко вторым – собственно знаки, характеризующие участников общения и распадающиеся на вербальные и жестовые эмблемы, с одной стороны, и поведенческие эмблемы, с другой стороны. Описания эмблем-реалий обычно приводятся в справочниках по страноведению. Вербальный эмблематический смысл разъясняется в нормах использования обращений, этикетных фраз, имен собственных, обыкновений мимики и жестикуляций, но выходит за рамки этих вербальных и паравербальных единиц. Что же касается поведенческих эмблем (характеристика, которую можно сформулировать в следующем виде: так обычно ведут себя такие-то люди), то следует признать, что в лингвокультурологии, теории типажей и теории дискурса они освещены еще недостаточно.

Приведенные классификации взаимодополнительны, в реальности мы считываем эмблематические знаки в зависимости от наших установок относительно личностей собеседников и обстоятельств общения.

Эмблематичность не является внутренней характеристикой реальности, мы интерпретируем некоторые знаки именно как эмблемы в тех ситуациях, когда автоматически или осознанно определяем свои установки восприятия общения. В этом плане эмблематическое прочтение противопоставляется прямому восприятию смысла, с одной стороны, и поиску глубинного смысла, с другой стороны [Карасик 2013]. Любое общение носит партитурный характер – мы контактируем с нашими собеседниками на нескольких уровнях одновременно, но акцентируем какой-либо один уровень. Так, в случае коммуникативного сбоя включаются механизмы проверки контакта, мы определяем, не отвлекся ли наш партнер по общению, не нарушен ли баланс статусных отношений, не возникли ли какие-либо привходящие обстоятельства. В таких ситуациях возникают фразы: *«Извини, я не расслышал»*, *«Ты почему со мной через губу разговариваешь?»*, *«Кажется, кто-то звонит»* и т.д. В обычной ситуации общения ее эмблематичное

осмысление является фоновым, и в случае расхождения коммуникативного опыта автора и адресата требуется комментарий. Например, распространенное высказывание «*Long time no see*» представляет собой имитацию речи индейцев или китайцев на английском языке, произносится с шутливой интенцией при встрече хороших знакомых, которые давно не виделись. Намеренный аграмматизм этой фразы является эмблемой обиходного общения на сокращенной дистанции в современном англоязычном мире.

Подобные эмблематические знаки органически совмещаются со сходными знаками. Когда кто-то говорит: «*У моей сестре трое внучат*», мы понимаем, что перед нами пожилой носитель диалекта, но невозможна фраза: «*В ейной диссертации, к сожалению, много опечаток*» в отзыве оппонента, за исключением особой игровой ситуации, поскольку данный жанр научного дискурса реализуется только в рамках литературного языка.

Дискурсивные эмблемы выражаются всеми языковыми знаками – от маркированного произношения определенных звуков (например, фрикативное «г» у носителя донского диалекта, а также при имитации речи детей или иностранцев) до жанрового оформления целого текста любого объема.

Типичными дискурсивными эмблемами являются термины и профессионализмы в речи специалистов. Если литературный критик говорит, что рецензируемое произведение нейтрализовано классикой, то слово «нейтрализовано» сразу же сигнализирует о стирании фонематических различий в определенных позициях. Специфика термина состоит в том, что, попадая в более широкий контекст, слово, имеющее точный профессионально маркированный смысл, сохраняет ауру этого смысла в новой ситуации. В данном случае подготовленный читатель или слушатель понимает, что уровень анализируемого критиком текста не очень высок, хотя по всем внешним признакам произведение написано неплохо. Так, известно, что на русском языке написано очень много произведений, вошедших в золотой фонд мировой литературы, и поэтому уровень требований, предъявляемых к поэтическому или прозаическому тексту, по определению очень высок, если автор претендует на создание действительно художественного произведения. При этом мы знаем, что повторение классических образцов есть лишь имитация творчества. Используя термин, критик эмблематически характеризует себя как опытного профессионала, обращается к подготовленному адресату и выражает свою мысль так, что для неподготовленной аудитории смысл оценки останется закрытым.

Эмблематическим является и следующий пассаж из отзыва оппонента: «*Диссертация отличается весьма сложным синтаксическим построением высказываний, и читателю со средними ресурсами памяти в ряде случаев трудно следить за аргументацией автора*». Подготовленный читатель (работы такого жанра читают только специалисты) сразу же поймет, что рецензируемая работа страдает нарушениями логики, при этом замечание выражено в такой форме, которая при поверхностном восприятии может быть истолкована

как своеобразный комплимент диссертанту. Такая манера формулировок в отзыве сразу же определяет круг ученых, которые с улыбкой отреагируют на высказанное замечание. Профессиональная эмблематика способствует сплочению и лучшему взаимопониманию специалистов.

В ряде случаев профессионалы намеренно используют термины, которые непонятны для адресата. Л.С. Бейлинсон [Бейлинсон 2009: 183–185] выделяет три основные функции использования терминов в общении логопеда с родителями пациентов и коллегами – номинативную, эвристическую и регулятивную. В первом случае термин употребляется для точного обозначения явления, во втором – для размышления вслух, не направленного на адресата, в третьем – для демонстрации адресату компетентности специалиста. Во всех функциях термин в речи эмблематичен, при этом эмблематический смысл актуализируется в той ситуации, когда термин не поясняется, поскольку должен быть известен адресату либо сигнализировать о том, что говорящий является экспертом. Показателен следующий пример регулятивного использования терминов в речи логопеда:

У вашего ребенка псевдобульбарная дизартрия. В данном случае имеет место сравнительно легкая степень нарушения артикуляционной моторики. ... Дети с подобным нарушением посещают логопедические занятия. Существенную роль, я это неоднократно подчеркивала, в устранении этого дефекта могут оказать родители. К сожалению, вынуждена констатировать, что занятий дома явно недостаточно для получения нужного результата. Я вообще сомневаюсь в том, что занятия проводятся регулярно. Поэтому вам следует сделать очень серьезные выводы...

Логопед объясняет родителям ребенка, что они виноваты в том, что нет улучшения в исправлении дефекта речи, поскольку занятия дома не проводятся. В его речи используются термины «псевдобульбарная дизартрия» (без пояснения), «нарушения артикуляционной моторики» (без пояснения), «артикуляция» (без пояснения). Фактически логопед изъясняется так, как будто он дает письменное заключение.

Множество не вполне понятных современному читателю эмблем российской жизни первой половины XIX в. блестяще раскрыл Ю.М. Лотман в своем известном комментарии к Евгению Онегину. Таково, например, объяснение поведения людей в театре:

«Театр уж полон; ложи блещут; / Партер и кресла, все кипит; / В райке нетерпеливо плещут... – Спектакли в петербургских театрах начинались в 6 часов вечера. Ложи посещались семейной публикой (дамы могли появляться только в ложах) и часто абонировались на целый сезон. Партер – пространство за креслами; здесь смотрели спектакль стоя. Билеты в партер были относительно дешевы, и он посещался смешанной публикой, в том числе завзятыми театрами. Кресла – несколько рядов кресел устанавливалось в передней части зрительного зала, перед сценой.

Кресла обычно абонировались вельможной публикой. ... Раек – верхняя галерея – местопребывание демократического зрителя. Определения Пушкина резко разграничивают состав и поведение различных частей зала: ложи блещут орденами и звездами мундиров, бриллиантами дам; партер и кресла – в движении (театральный хороший тон предписывал входить в зал в последнюю минуту, а появление людей света требовало выполнения этикета: обмена приветствиями, ритуала поклонов и бесед). Демократическая публика хлопает, требуя начать спектакль» [Лотман 1983: 149-150].

Театр был в целом своеобразной статусной эмблемой всего общества. Обратим внимание на жесткие требования к появлению дам, на статусный уровень тех, кто мог занимать кресла, стоять в партере либо смотреть на представление из верхней галереи. В наши дни ритуал театрального представления дополнился, как известно, произносимой вслух перед началом спектакля просьбой отключить мобильные телефоны.

Насыщены многими эмблемами рассказы Михаила Зощенко. В цикле «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» повествование идет от имени крестьянина и бывшего солдата, который делится со слушателем (в этой роли выступает писатель) интересными событиями из своей жизни. Это распространенный прием построения сюжета художественного текста. Запись датируется, как сказано в предисловии, апрелем 1921 года. Речь героя стилизована, так изъяснялось в те годы большинство носителей русского языка. Приведу фрагменты из рассказа «Великосветская история».

А был у меня задушевный приятель. Ужасно образованный человек, прямо скажу – одаренный качествами. Ездил он по разным иностранным державам в чине камендинера, понимал он даже, может, по-французскому и виски иностранные пил, а был такой же, как и не я, все равно – рядовой гвардеец пехотного полка.

Эмблематичны следующие дискурсивные знаки: приятель рассказчика, человек из простого народа, понимал французский язык (знание французского было отличительным признаком господ, не случайно усилительное слово «даже»), пил иностранные напитки (плеонастическое и поэтому смешное обозначение «виски иностранные»), комизм усилен благодарю множественному числу прилагательного). Искажено слово «камердинер» – комнатный слуга в дворянском доме. Далее начинается собственно повествование:

Было тому... сколько?... четыре года взад. Призывает меня ротный командир, в чине – гвардейский поручик и князь ваше сиятельство. Ничего себе. Хороший человек.

Обратим внимание на следующие дискурсивные знаки: рассказчик создает своеобразный стереоэффект, вставляя в речь свои уточнения и комментарии, такие коммуникативные приемы типичны для диалектной коммуникации, В.Е. Гольдин [Гольдин 1997: 26] называет это явление совмещением ситуации темы с ситуацией текущего общения; используется разговорно-сниженное

обстоятельство «четыре года взад»; в качестве обозначения своего командира герой употребляет сложную номинацию «князь ваше сиятельство» (титул + обращение).

Рассказчик, выполняя поручение своего командира, приезжает в его имение и встречается там его супругу:

Тут вышла и представилась мне молодая супруга Виктория Казимировна с дитей. Мальчик у ней – сосун млекопитающийся.

Эмблематично обозначение барыни по имени и отчеству. При этом герой использует диалектную форму слова «дитё» в творительном падеже. Комично обозначен возраст младенца – «сосун млекопитающийся», в диалектной речи часто возникают уникальные образования – окказионализмы, построенные по аналогии с другими словами.

Вернувшись в свою часть, рассказчик узнает, что его командир уехал, получает увольнение и направляется в имение князя. Там героя арестовывают местные жители и собираются расстрелять. Происходит следующий диалог:

— Ну хорошо, – говорю, – а есть ли вам от казни какая корысть?

— Нет, корысти, – говорят, – нету, но мы, говорят, для ради молодечества казним, дух внутренний поддержать.

Эмблематичным является выражение «ради молодечества казним», т.е. казнь становится доказательством удали. Слово «молодечество» толкуется в словаре как безудержная смелость, удаль, отвага (положительная оценка) и как безрассудная, показная отвага, ухарство (отрицательная оценка). Приведенное выражение выступает не только как эмблема, но и как символ эпохи революции. Плеоназм «для ради» типичен для диалектной речи.

В романе Бориса Акунина «Аристократия» фотографически точно показаны предреволюционные годы в России, революция, гражданская война. В гости к своему старому приятелю, а затем идейному противнику, бывшему приват-доценту университета, поддержавшему студенческие выступления и сосланному за это в Сибирь, приходит видный сановник, который, будучи преподавателем, в те времена публично выступил против студенческих волнений, был вынужден уйти из университета, затем был приглашен в министерство внутренних дел и сделал там карьеру. Сын хозяина дома открыл гостю дверь.

Таких гостей в доме Клобуковых еще не бывало. На Антона вопросительно смотрел статский генерал (три звезды на петлице – это, кажется, тайный советник?), донельзя важный, с седой бородой, в золотых очках.

— Марк Константинович Клобуков ведь здесь жительствоует? – спросил удивительный гость и, что было уж совсем удивительно, смутился, притом видно было, что смущаться этот человек давным-давно разучился, а может быть, и никогда не умел.

— Да. А... Как прикажете доложить? – ляпнул Антон, сообразил, что это прозвучало по-лакейски, и тоже сконфузился.

Но генерал за лакея его не принял.

– Вы, должно быть, сын? В Сибири родились, знаю. Я Ознобишин, Федор Кондратьевич...

Обратим внимание на эмблемы, требующие объяснения. В тексте выделяются эмблемы-реалии (описание мундира статского генерала в чине тайного советника – один из высших чинов в табели о рангах) и коммуникативные эмблемы, включающие вербальные и поведенческие знаки. К числу вербальных знаков относится выбор слов (например, слово «*жительствовавший*» имеет в словаре Д.Н. Ушакова помету «устар., офиц.»), обращения, коммуникативные формулы («*Как прикажете доложить?*» – так прислуга обращалась к гостю). К поведенческим знакам относятся различные способы самопозиционирования – манера речи, невербальные знаки, сопровождающие речь действия. Антон Клобуков помимовольно ведет себя, как слуга, увидев важного сановника, осознает это и испытывает от этого чувство стыда – дворянам так вести себя не следовало. Генерал устанавливает приемлемую дистанцию общения, обращаясь к молодому человеку на Вы. К прислуге обычно обращались на Ты.

Произошла революция. Показательны эмблематические вербальные знаки в речи одной из героинь произведения, бывшей служанки:

Татьяна Ипатьевна не узнала бы свою покладистую, старательную воспитанницу. Застенчивой и робкой Паша, правда, не была и раньше, но вперед не лезла, при старших предпочитала помалкивать. Теперь же говорила много, охотно, на какую угодно тему, обожала революционные слова, а любимые ее присказки были: «чай, не дурее других», «нынче наше время настало» и «проживем своим умом, без господ и без боженьки». ...

– Вы, баре, тыщу лет простой народ мордовали – обирали, пороли, глумились. Теперь терпите, – как-то принялась рассуждать она на очередном свидании, притом очень убежденно. – Народ на вас маленько оттопчетя. За преступления ваших отцов над нашими. Вот меня взять. Я на свет родилась – какой у меня в жизни путь был? А ты, дворянский сынок, всё тебе на блюдечке. За какие-такие заслуги тебе пироги, за какие грехи мне тумаки?

– Я не дворянский сын, – попробовал возразить он.

– Неважно, из образованных. Товарищ Шмаков верно говорит: две Расеи у нас было, большая для черненьких, малая для беленьких. А теперь одна будет, общая. По справедливости. Но только вам, сытеньким, отстрадать надо, заслужить. Спесь свою позабыть, грязной работе научиться, вину свою сознать. Ничё, простой народ, он добрый, отходчивый. Тыщу лет на вас злобствовать не станет. Но, товарищ Шмаков говорит, годик-другой поучить вас придется, нельзя без этого.

Свои и чужие в речи героини представлены в виде следующих оппозиций: «мы – вы», «простой народ – баре», «пироги – тумаки», «черненькие – беленькие», «голодные – сытенькие», «чистые – грязные», «невиноватые – виноватые». Эмблематическое обозначение чужих нейтрализует различия

между их разновидностями – дворянский сын эквивалентен образованному человеку. Речь бывшей служанки характеризуется просторечными лексическими единицами: «*тыща лет*», «*мордовать*», «*Расея*», «*дурее*», «*маленько*», «*ничё*». Паша использует яркий образ «*народ оттопчется*», приобретающий не только эмблематический, но и символический смысл. Эмблематичны идеологические высказывания «*нынче наше время настало*», «*без господ и без боженки*», эти фразы перекликаются с лозунгами и песенными цитатами, например, «*никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой*» (русский перевод «Интернационала»). Эмблематичной является и ссылка на авторитетного для Паши человека (*товарищ Шмаков*).

Заслуживает внимания эмблематичное переосмысление слов, исходное значение которых не воспринималось как указание на участников общения. В послереволюционные годы так было осмыслено слово «элемент». Это латинское заимствование (*elementum* – стихия, первоначальное вещество) в своем первом значении «составная часть чего-либо» было переосмыслено под влиянием соответствующего определения к этому слову как характеристика человека – представитель какой-либо среды, социальной группы: *Прогрессивные элементы общества. Посторонние элементы. Чуждый элемент в коллективе. / (без опр.). Неодобр. О плохом, вредном и т.п. человеке. Все знают, что ты за элемент! □ собир. Деклассированный элемент (БТС).*

Так, например, изъясняется героиня цитируемого произведения Б.Акунина:

Сказывают товарищи, будто приехало из Москвы большое начальство. Искоренять перегибы по случаю годовщины пролетарской революции. Что-де выйдет арестованному элементу послабление. Будут их не в расход пускать, а в лагерь отправлять, на работы.

Выражение «*арестованный элемент*» обозначает просто арестованных, но содержит некую генерализацию класса этих людей, а главное является свидетельством принадлежности говорящего к определенной группе общества (интеллигенты так не говорили). Та же коммуникативная стратегия своеобразной эвфемизации прослеживается и в современных обозначениях типа «*лица кавказской национальности*» (подразумевается, что сказать «*кавказцы*» – это грубо или неправильно, а то обстоятельство, что получившееся многословное обозначение несколько не уточняет суть дела, в расчет не принимается). Эмблематичными слова становятся после того, как они появляются в речи лидера, это относится к знаковому слову «*перегиб*» – крайность, неумеренность. Ассоциативная эмблематика этого слова привязана к эпохе коллективизации, насильственному привлечению крестьян в колхозы. Объяснение такого положения дел вытекает из статьи И.В. Сталина «*Головокружение от успехов*» – ответственные работники на местах поспешили провести коллективизацию и этим оттолкнули от себя массы крестьян-середняков. Отсюда вытекает эмблематическая характеристика

тех, кто допускает перегибы – это люди, преданные партии, но в своем рвении, допускающие ошибки, которые вредят партии.

Дискурсивные эмблемы ярко представлены в публицистике. Приведу фрагменты статьи «Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии», напечатанной в газете «Правда» 13 сентября 1937 года:

Восемь дней понадобилось ЦК компартии Киргизии на то, чтобы откликнуться на статью «Правды» – «Буржуазные националисты». После столь затянувшегося молчания ЦК КП(б)К опубликовал, наконец, коротенькое постановление о том, что председатель Совнаркома Киргизии Исакеев и нарком земледелия Есеноманов выведены из состава бюро киргизского ЦК.

Статья «Правды», приоткрывшая завесу над преступлениями буржуазных националистов, не нашла надлежащего большевистского отклика в ЦК КП(б)К. Республиканская газета, «Советская Киргизия» опубликовала передовую, в которой бесстыдно, наперекор очевидным фактам, пишет, будто новое руководство (имеется в виду нынешний ЦК КП(б)К) имеет достижения в разоблачении контрреволюционных националистов. Статью редактировал первый секретарь ЦК КП(б)К тов. Аммосов, и эта дипломатическая концепция принадлежит ему.

Статья в корне ложная. Напечатание ее выдает с головой редактора газеты А. Целинского, который, видимо, находится на поводу у националистов. Если он не выправит немедленно линии газеты, не может не встать вопрос о его партийности.

Острота политической борьбы отчетливо видна в формулировках главной советской газеты: заголовок «гнилая политика», определения «преступления буржуазных националистов», «газета бесстыдно, наперекор очевидным фактам, пишет», «статья в корне ложная», «(редактор газеты) находится на поводу у националистов». Далее в тексте статьи фигурируют подобные коммуникативные эмблемы того времени:

«с поразительной наглостью продвигали националисты друг друга», «враги изобрели несложный психологический прием», «Кто такой Булатов? Сподвижник матерого контрреволюционера Абдрахманова, человек, пользовавшийся поддержкой и покровительством этого гнуснейшего шпиона», «кто не знает в Киргизии Джиенбаева? Это – ретивый сподручный злейшего контрреволюционера Абдрахманова и разоблаченного троцкиста Белоцкого», «Джиенбаев активно защищал террориста Стамблера. Он послал в Москву личное ходатайство за него. Он тесно связан с семьями сосланных врагов народа».

Киргизские функционеры прямо названы врагами, контрреволюционерами, шпионами, троцкистами, террористами. Приведенные эмблемы не оставляют сомнений в том, какова была участь этих людей в печально известном 1937 году. Эмблематичны имена прилагательные – политические характеристики «гнилая», «бесстыдно», «ложная», «с наглостью», «матерый»,

«гнуснейший», «злейший», «разоблаченный». Назначение эмблемы – быть опознавательным знаком, соответственно, ее оценочное содержание сводится к оппозиции «свои – чужие». Враги действуют сознательно (*матерые*), агрессивно (*бесстыдно, с наглостью*), но они неизбежно должны потерпеть поражение (*разоблаченные*) и искоренены (*гнилая политика*). Обратим внимание на известное «проклятие суперлатива», о котором писал В. Клемперер (*гнуснейший, злейший*). Стилистика советской прессы 30-х годов характеризуется поведенческими эмблемами бескомпромиссной борьбы с врагами.

Эмблематична и полемика в научной периодике. Показательно обсуждение книги И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» на заседании в институте языкознания АН СССР в Ленинграде в 1951 году. Это было время откликов лингвистической общественности на появление весьма интересной работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Естественно, тезисы вождя были признаны в качестве методологической основы советской лингвистики. Передовая статья журнала «Вопросы языкознания» (1952, №1) открывается следующим пассажем:

Советское языкознание, возрожденное трудом И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути, переживает в настоящее время пору своего обновления, своей перестройки во всех основных своих частях и звеньях.

Идеологическая тональность публикации видна в следующих лексических эмблемах: «языкознание, возрожденное ... к кипучей и деятельной жизни, направленное гением великого ученого по новому пути». Оптимистическая стилистика статьи перекликается с песенной строкой «*Кипучая, могучая, никем непобедимая*» В. Лебедева-Кумача. В своем докладе, посвященном книге И.И. Мещанинова, Е.М. Галкина-Федорук подвергла суровой критике содержание рассматриваемой работы. Оставляя в стороне собственно лингвистические проблемы дискуссии, обратим внимание эмблематику высказываний рецензента: «*В основе понимания членов предложения и частей речи у И.И. Мещанинова лежат понятийные категории, которые он некритически заимствует у зарубежных лингвистов идеалистического направления (например, у Есперсена) и ставит на службу теории стадильности*». Идеализм (чужая философия) противопоставлен материализму (нашей философии). «*И.И. Мещанинов отгораживает, отрывает язык и мышление друг от друга, вносит путаницу в соотношение этих рядов, извращая ленинскую теорию отражения*». Эмблематичны оценочные определения «*вносит путаницу, извращая ленинскую теорию отражения*». Эмблематичны знаки принадлежности (ленинская теория отражения, сталинское учение о языке). «*Разбираемая книга во всех своих теоретических положениях представляет вопиющее противоречие сталинскому учению о языке. Эклектически соединяя идеалистические и вульгарно-материалистические идеи, игнорируя конкретный живой*

материал языков, опираясь на порочные теории стадильности, единства глоттогонического процесса и понятийных категорий, И.И. Мещанинов пришел к абсолютному антиисторизму». Докладчик пользуется эмблемами своей эпохи: это оценочно маркированные определения «вопиющее противоречие», «порочные теории». Подчеркну, что эмблематика акцентирует внимание не на содержательной стороне дискурса, а сугубо на его индексальной характеристике – на идентификации коммуникантов.

Множество различных эмблем можно найти в поэтических текстах. Насыщено эмблемами стихотворение Нины Искренко:

*Пекёт Текёт И нагинается
Кой-как зажгёт и снова мается
Позвонит включит поканючит
Заплотит и уж чуть не плачет
А тут как выбросят Возьмет
и в сумку ложит
Улыбается*

Перед нами речевой портрет бабушки, жившей в Советском Союзе в 70-е годы XX века. Стихотворение составлено из просторечных ненормативных глагольных форм «пекёт», «текёт», «нагинается», «зажгёт», «позвонит», «включит», «заплотит», «ложит». Эти словоформы эмблематически обозначают образовательный статус женщины, которая дома готовит обед семье и ходит покупать продукты. Денег у нее немного, поэтому, заплатив за жилье, она чуть не плачет. Далее в тексте появляется эмблема, требующая разъяснения – в условиях дефицита продуктов питания ситуация внезапного появления этих продуктов в продаже обозначалась словом «выбросить» («Там через дорогу масло выбросили»), сразу же выстраивалась длинная очередь, появлялись бдительные граждане, которые всех пересчитывали, устанавливалась норма – сколько товара можно было получить в одни руки. Такая покупка обозначалась эмблематическим значением глагола «достать» – (разг.) раздобыть, суметь получить в собственность нечто труднодоступное («Папа сегодня колбасы достал»). Купив продукты, бабушка улыбается.

Иные дискурсивные эмблемы возникли в России в период перестройки. В романе Юрия Полякова «Замыслил я побег» мы сталкиваемся с узнаваемыми знаками нашего времени:

*Сотрудник валютно-кассового департамента банка
«Лосиноостровский» Олег Трудович Башмаков замыслил уйти от жены.
... В день побега – а это был, как и условились, понедельник – Башмаков
взял на работе отгул, или, как выражались банковчане, «дэй офф».*

В этом отрывке эмблематичен англицизм *day off* – свободный день. Подобные выражения (*уикенд*, *о'кей* и др.) активно используются в современном общении на русском языке, особенно в среде офисных работников. Себя герой мысленно называет словом «эскейпер», окказиональным новообразованием от английского «*escape*» – «побег». Для тех, кто сбежал, в аутентичном

английском используется слово «*гипавай*». Знаковым можно считать и игровое обозначение «*банковчане*» (ср. «*кафедряне*»), имитирующее старинную модель коллективной номинации.

Активное вторжение английского языка в нашу жизнь показано в следующем тексте:

В лифте валялись пустые пивные банки и яркие пакеты из-под чипсов. Пластмассовые кнопки панели были опять, в который раз, сожжены, а на полированной стене появилась новая надпись на английском, ставшем в последнее время разновидностью настенной матерщины.

Настенные инскрипции – различные записи любого содержания на любой поверхности – обладают яркой эмблематической значимостью. Так, фраза «*Денис лох*» выражает не только задорное детское оскорбление, но и то, что территория этого места – двора или школы – принадлежит младшим подросткам. Не вызывает возражений наблюдение писателя относительно того, что англоязычные инскрипции в современном городском российском лифте функционально эквивалентны матерным словам.

В цитируемом романе Ю. Полякова мы находим множество узнаваемых знаков времени:

Башмаков был обыкновенной классной заурядностью: в школьной самодеятельности не участвовал, боксом не занимался, талантом весело пререкаться с учителями не обладал, а стригся и вообще за пятнадцать копеек «под полубокс».

В советской школе незаурядными считались те ребята, которые участвовали в художественной самодеятельности, занимались спортом или позиционировали себя в качестве хулиганов. В семидесятые годы под влиянием западной музыкальной массовой культуры появилась мода на длинные волосы у юношей, это вызывало замечания у учителей, и соответственно приобретало знаковую ценность в общении подростков.

Книга изобилует множеством точно подмеченных эмблем. Таково описание визита главного героя, тогда еще студента, к родителям своей будущей жены:

Олег прибыл на обед с тремя гвоздиками, бутылкой «Алиготе» и тем внутренним ознобом, какой ощущаешь, входя в кабинет зубного врача. На Башмакове был его единственный костюм, купленный еще к выпускному школьному вечеру и теперь еле вмещавший возмужавшее тело. Обедали обильно и неторопливо. За закусками обсуждали международную обстановку.

Отметим, что гвоздики – одни из самых дешевых цветов, «Алиготе» – это недорогое отечественное сухое белое вино. Единственный костюм, в котором Башмаков ходил на свой школьный выпускной вечер, также говорит о низком материальном статусе его владельца. Эмблематично и обильное угощение гостей в России. Сейчас можно иронически или ностальгически комментировать распространенные темы застольных бесед в семьях советских

людей – одной из таких тем было международное положение. В Советском Союзе в то время смеялись над американцами, которых не интересовали мировые проблемы.

Интересны случаи межкультурных эмблем. Например, в телевизионном интервью российский актер, живущий сейчас в Германии, в ответ на вопрос сказал: «*Это абсолютно исключено – ausgeschlossen*». Перед нами интересный случай дискурсивной эмблемы билингва, который не просто показывает владение иностранным языком (в контексте интервью это было бы излишне), а акцентирует категоричность своего ответа. Подразумевается, что то, что исключено в рамках русской лингвокультуры, в определенных обстоятельствах, может все-таки быть допущено, в то время как в немецком сознании такого быть не может. Такое положение дел иллюстрируется известной фразой из анекдота времен застоя: «*Пива на самом деле нет!*» – эта надпись на пивном ларьке эмфатически подчеркивает обычную для тех времен информацию: «*Пива нет*». Покупатели, знающие, что для своих у продавщицы что-то найдется, смотрят на нее с вопросом в глазах, и тогда появляется приведенная эмблема.

Развивая известную мысль М.М. Бахтина о том, что каждое слово хранит присущие ему ситуативные ассоциации, отметим, что в индивидуальном и коллективном сознании носителей языка эти ассоциации могут быть более или менее яркими. Пилотажный опрос волгоградских студентов-филологов в 2013 году показал, что определенные высказывания, у которых в свое время была жесткая ситуативная закреплённость, в наши дни воспринимаются в отрыве от такой ситуации. Так, например, студенты не увидели эмблематики в следующих фразах: «*Нет в жизни счастья*», «*Не забуду мать родную*», «*Клянусь любить ее навеки*» и «*За все легавым отомщу*». Эти фразы в середине XX века были распространенными татуировками у заключенных. В современной массовой культуре татуировка не рассматривается как эмблема тех, кто отбывал наказание в местах лишения свободы, это – скорее универсальный декоративный знак, хотя традиция наносить определенные надписи (наколки) на кожу в исправительно-трудовых учреждениях осталась.

Резюмирую. Одним из возможных подходов к интерпретации дискурса может быть лингвосомиотический комментарий дискурсивных эмблем – знаков идентификации коммуникантов и обстоятельств общения. Такой подход является разновидностью филологической герменевтики и направлен на разъяснение той скрытой информации, которая не является легко узнаваемой для читателя или слушателя. В качестве эмблем могут выступать любые языковые знаки. Выделяются следующие критерии классификации дискурсивных эмблем: сфера, тональность и референтная отнесенность общения. Соответственно, требуют объяснения знаки статусной, профессиональной, локальной, исторической, идеологической идентификации. Дискурсивные эмблемы особенно значимы в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы / Л.С. Бейлинсон. – Волгоград: Перемена, 2009. – 266 с.
2. Воробйова О.П. Когнітивна поетика: здобутки і перспективи / О.П. Воробйова // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 18–22.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук / В.Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.
5. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
7. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя / Ю.М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 416 с.
8. Vorobyova O. The Poetics of ‘Reflection’ in Virginia Woolf’s Short Fiction: In Search of Multiple Sense / O. Vorobyova // In Search of (Non)Sense : [ed. by E. Chrzanowska-Kluczewska and G.Szpila]. – Newcastle upon Tyne, 2009. – P. 75–87.

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

УДК 811 111'37'38

**THE INFLUENCE OF ANXIETY:
 POETRY AS A THEORY OF MIND**
Margaret H. Freeman (Heath MA, US)

Margaret H. Freeman. The influence of anxiety: poetry as a theory of mind. Cognitive researchers are increasingly turning to an examination of the role nonrational elements, like sensations and emotions, play in cognitive processing. Unlike normal language use, poetic language does not simply represent emotions and sensations, it evokes them. Understanding how it does so contributes to understanding the cognitive workings of the mind. Since schemata operate at the intersection of the nonrational preconscious and conscious awareness, a theoretical model that explains how the interrelations of conceptual and emotion schemata in poetry both motivate and convey emotional-sensory feelings can shed light on how those feelings participate in cognition. To show how such a theoretical model works, I conclude with an analysis of a poem by Wallace Stevens, "Domination of Black."

Keywords: cognition, emotion, schema, poetry, Stevens.

Маргарет Х. Фримен. Воздействие тревоги: поэзия как теория сознания. Когнитологи все чаще обращаются к изучению роли, которую играют нерациональные элементы, такие как ощущения и эмоции, в когнитивной обработке информации. В отличие от обычного использования языка, поэтический язык не просто представляет эмоции и ощущения, а пробуждает их. Понимание того, как это происходит, помогает раскрыть когнитивные аспекты работы мышления, и – шире – психики. Учитывая то, что схемы функционируют на пересечении нерационального неосознанного (предшествующего сознательному) и осознанного осмысления действительности, теоретическая модель, объясняющая, как взаимодействие концептуальных и эмоциональных структур в поэзии одновременно и мотивирует, и передает чувства, вызванные сенсорными ощущениями и эмоциями, может пролить свет на то, каким образом эти чувства участвуют в когнитивных процессах. Чтобы показать, как работает такая теоретическая модель, в конце статьи дан анализ стихотворения Уоллеса Стивенса "Доминирование черного".

Ключевые слова: когниция, поэзия, Стивенс, схема, эмоция.

Маргарет Х. Фримен. Вплив тривоги: поезія як теорія свідомості. Когнітологи все частіше звертаються до вивчення ролі, яку відіграють нерациональні елементи, такі як відчуття й емоції, у когнітивній обробці інформації. На відміну від звичайного використання мови, поетична мова не просто репрезентує емоції і відчуття, а пробуджує їх. Розуміння того, як це відбувається, допомагає розкрити когнітивні аспекти роботи мислення, і – ширше – психики. Зважаючи на те, що схеми функціонують на перетині нерационального неусвідомленого (того, що передує свідомому) й усвідомленого осмислення дійсності, теоретична модель, котра пояснює, як взаємодія концептуальних й емоційних структур у поезії одночасно й мотивує, і передає почуття, викликані сенсорними відчуттями й емоціями, може сприяти з'ясуванню того, в який спосіб ці почуття беруть участь у когнітивних процесах. Щоб показати, як працює ця теоретична модель, наприкінці статті надано аналіз вірша Уоллеса Стівенса "Домінування чорного".

Ключові слова: емоція, когниція, поезія, Стівенс, схема.

One of the challenges for researchers in cognitive poetics is to develop a theoretical model that explains how artistic forms are both motivated by and convey emotional-sensory feelings that arise from interactions with the external world. These interactions occur at both the conscious, conceptual level and the nonrational—that is, the subliminal, precategory, and visceral—levels of the embodied mind. Damasio [Damasio 1999: 69] has hypothesized that two distinct pathways link physiological changes in the body to the brain that “reads” them as emotions, which, when brought to conscious awareness, become feelings. Damasio calls these two pathways the “body loop” and the “as if body loop.”ⁱ The former accounts for emotional changes as a result of encountering aspects of the external world: when we see a snake we may experience fear. The “as if body loop” accounts for the fact that we can feel emotions through imaginative representations of external stimuli: imagining an encounter with a snake could trigger a fear response. It is this “as if body loop” pathway that enables us to experience the feelings of an emotion through reading its imaginative expression in poetry. We respond emotionally to poetry because poetic language plays upon schematic structures that lie at the intersection of the preconscious nonrational and conscious awareness.

In discussing the cognitive structure of the emotions, psychologists have on the whole restricted their research to categorizing emotions or exploring their effects on motivation and cognition [Ortony, Clore, Collins 1980; Masmoudi, Dai, Naceur 2012]. Neuroscientists have focused on evidence from neuroimaging studies [Damasio et al. 2000; LeDoux 1996; Barrett, Wager 2006]. Linguists have explored the metaphorical structures in conceptualizing emotions [Kövecses 2000; Maalej 2007]. What has not been explored to any extent is precisely how works of art, especially the literary arts, convey emotion through their various forms (but see [Langer 1953, 1967] and [Tsur 2008] extensive work over the past several decades).

The question I raise in developing a theory of poetic affect is in a way very simple: How does the poet achieve emotional affect in a poem, and how do we as readers feel that affect? The answer is by no means simple.ⁱⁱ We conceptualize our feelings of embodiment through imaginative schemata [Johnson 1987]. Schemata connect the elements of the external world to the physiological, conceptual, and emotion networks of our cognitive processes. In other words, I suggest that there is no connection between consciousness and world except through schemata. Existing at the intersection of preconceptual experiential stimuli and cognitive awareness, schemata like *PATH*, *CONTAINER*, *MOTION*, or *CYCLE* are neutral in themselves. They acquire value through the force dynamics of emotion schemata. Cognitive linguists are interested in the way we conceptualize schemata in our linguistic representations. My concern is different. In focusing on poetic expression as opposed to everyday discourse, I am not so much interested in the representation of conceptual and emotional schemata as I am in the way these schemata function to convey sentient, emotional, conceptual, and possibly physiological effects. Poetic language breaks through the conceptualizing tendencies of normal language use that obstruct the nonrational sensory and emotional feelings, feelings that Wallace

Stevens [Stevens 1957: 221] recognizes as “the true subject” of art.ⁱⁱⁱ Emotions, unlike concepts, lie at the preconscious levels of our cognitive processes. The theoretical model I propose attempts to explain how emotion schemata interact with conceptual schemata to create poetic language. I conclude with an analysis of Wallace Stevens’ poem “Domination of Black” to show how such schemata interrelate in creating the poem and feeling its emotional affect.

Schema theory and the structure of emotions

Just as there are sensory schemata that reflect the mind’s embodiment, so there are emotion schemata that have internal structure. Mark Johnson [Johnson 1987: 153] defines a schema as “*the structure of a schematizing activity of imagination in time*” (original emphasis). He explores the Kantian notion that it is through schematism that “categories (as pure concepts) can apply to sensible intuitions (as empirical)” [Ibid.: 152]. In summing up the role of the imagination in this process, Johnson notes: “Kant is saying that there is a preconceptual activity in which imagination freely grasps something of the meaning and significance of an object or experience, even though there is no conceptual way to express this insight” [Ibid.: 163].

In his discussion of the superimposition of schemata on each other, Johnson claims that it is by virtue of these superimpositions that “our world begins to take shape as a highly structured, value-laden, and personalized realm in which we feel the pull of our desires, pursue our ends, cope with our frustrations, and celebrate our joys” [Ibid.: 125–126]. I propose that schemata operate at the intersection between preconscious experience and conscious awareness to link the sentient, the emotional, and the rational. Such a suggestion is supported if it can be shown that nonrational activities also are structured. And if it is indeed schemata that enable us to both express and share sentient and emotional experiences as well as conceptual meanings, then exploring the nature and function of imaginative schemata through the expressive forms of poetry would further our understanding of the workings of these cognitive processes.

One schema that Johnson finds central to human experience is SCALE, a more-or-less structure that is both quantitative and qualitative [Ibid.: 121–124]. Emotion schemata tend to be scalar, as in the case of anxiety. That is, when we speak of being overanxious, filled with anxiety, in a continual state of anxiety, we see anxiety negatively. At this end of the scale, anxiety is closely associated with fear. However, at the other end of the scale, anxiety is an emotion that is closely linked in its schematic structure to anticipation, expectation, apprehension, all related to the conative, to motivation. The emotion schema that anxiety shares with these related nodes in its semantic network is future-oriented, directed toward what is and isn’t there. Anxiety has the effect of focusing attention on the task at hand, to the exclusion of what other elements might be present in the immediate environment [Fox 1993: 207]. It can be directed to something as simple as crossing a busy road [Frühholz, Grandjean 2012: 19] or as complex as creating an architectural masterpiece. It structures one’s intimate self, is both conscious and unconscious. In discussing how

he wrote "Owl's Clover", Stevens notes that "it is what I wanted it to be without knowing before it was written what I wanted it to be, even though I knew before it was written what I wanted it to do" [Stevens 1957: 220]. What he had in mind was "the effect of the depression [*sic*] on the interest in art. I wanted a confronting of the world as it had been imagined in art and as it was then in fact. If I dropped into a gallery I found I had no interest in what I saw. The air was charged with anxieties and tensions" [Ibid.: 219]. The result was the creation of "The Old Woman and the Statue," with the woman a symbol of those who suffered during the Great Depression and the statue a symbol of art. For Stevens, the embodiment of anxiety about the Great Depression he felt in the gallery was metaphorically fused with the motivation that triggered the poem. This fusion is captured in Stevens' use of the word "depression" in lowercase form, thus punning on both the actual Great Depression and the emotional state of depression.

"The Old Woman and the Statue" speaks not only to the emotions that motivated Stevens in writing the poem, but also speaks to the emotions that motivate the various ways audiences respond to art. As Stevens notes, one manifestation of the irrational (or emotional) element in a poem "is the disclosure of the individuality of the poet" [Ibid.: 219]. Although "[i]t is unlikely that this disclosure is ever visible as plainly to anyone as to the poet himself" [Ibid.: 219], it *is* manifest, and a reader attuned to the irrational dimensions of a poem may capture something of the emotion(s) that motivated the poet as well as responding to the affective qualities of the text itself.

The force dynamics of emotional schemata

The schema system of force dynamics is connected to the kinesthetic and is closely related to causation [Talmy 2000: 409–470]. It consists basically of an entity that has an intrinsic force tendency either toward action/motion or toward inaction/rest. When two entities come into relation with each other, the force of one can be either stronger or weaker than the other, thus affecting whether the intrinsic tendency of the focal point entity, the "agonist," is inhibited or enabled by the strength of the force element, the "antagonist," that opposes or stands apart from it. These physical force interactions extend metaphorically to the psychological, both within the self (intrapsychological) and in the social interactions of sentient entities (interpsychological).^{iv} In his poetry, Stevens takes the further step of interrelating the force dynamics of the physical and psychological, as we shall see.

Although the ANXIETY and FEAR schemata share certain structures, such as scalarity, and effects, such as focusing attention, they differ in intensity. Anxiety is more generalized in its focus, which can be directed to both negative and positive outcomes, whereas fear is always negative. The FEAR schema is determined by the possibility of harm to one's physical body, one's emotional state, or one's goals. As such, it is pre-eminently force-dynamic, in that it always involves two entities: the self as agonist and an antagonist, which could be another person, another sentient being, external object, or an event, like fear of falling or fear of flying. In each case,

the danger to the self's homeostasis is the possibility of stronger force in its antagonist. In Stevens' poem, as we shall see, the structures of the FEAR schema predominate.

The emotional affect of a poem: Stevens' "Domination of Black"

In a 1928 letter to L.W. Payne Jr. who had included a couple of Stevens' poems in his 1927 "American Literature Anthology", and who had apparently sent the poet notes on several poems, Stevens [Stevens 1996: 251] comments: "*Domination of Black*: I am sorry that a poem of this sort has to contain any ideas at all, because its sole purpose is to fill the mind with the images & sounds that it contains. A mind that examines such a poem for its prose contents gets absolutely nothing from it. You are supposed to get heavens full of the colors and full of sounds, and you are supposed to feel as you would feel if you actually got all this".

The force dynamics of Stevens' poem are expressed in a kaleidoscope of sight and sound through repeated juxtapositions of physical sensations and sensibilities with cognitive reactions and memories that fuse into the emotion of fear. It is noticeable – even startlingly – that there are no named colors or descriptions of sound in the poem itself, it simply refers to them. Just as the poem's title conveys absence of color, so does the poem itself only intimate the possibility of colors in the fallen leaves, the peacocks' tails, and the flames of the fire. Stevens' comment reflects a focus on experiencing rather than interpreting the poem. It is precisely its sounds and its images that create its emotional affect.

Domination of Black

- 1 At night, by the fire,
- 2 The colors of the bushes
- 3 And of the fallen leaves,
- 4 Repeating themselves,
- 5 Turned in the room,
- 6 Like the leaves themselves
- 7 Turning in the wind.
- 8 Yes: but the color of the heavy hemlocks
- 9 Came striding.
- 10 And I remembered the cry of the peacocks.
- 11 The colors of their tails
- 12 Were like the leaves themselves
- 13 Turning in the wind,
- 14 In the twilight wind.
- 15 They swept over the room,
- 16 Just as they flew from the boughs of the hemlocks
- 17 Down to the ground.
- 18 I heard them cry—the peacocks.
- 19 Was it a cry against the twilight

20 Or against the leaves themselves
 21 Turning in the wind,
 22 Turning as the flames
 23 Turned in the fire,
 24 Turning as the tails of the peacocks
 25 Turned in the loud fire,
 26 Loud as the hemlocks
 27 Full of the cry of the peacocks?
 28 Or was it a cry against the hemlocks?
 29 Out of the window,
 30 I saw how the planets gathered
 31 Like the leaves themselves
 32 Turning in the wind.
 33 I saw how the night came,
 34 Came striding like the color of the heavy hemlocks
 35 I felt afraid.
 36 And I remembered the cry of the peacocks.

The linguist John Robert (Háj) Ross (n.d.) has made an extensive and intensive linguistic analysis of Stevens' poem. In discussing its structure, he notes that it contains "a hidden stanza" in lines 19-28: if Stevens had provided a stanza break after line 18, the poem would have taken a conventional stanzaic form of 10-8-10-8 lines. Ross provides a wealth of evidence for the existence of this hidden stanza as the deep or immanent structure underlying the poem's surface or typographical form. The question then arises why Stevens fuses the two central stanzas into one.

The organization of three stanzas in a poem creates a situation in which the middle stanza may be seen as framed by the outer two. In Stevens' poem, this framing is metaphorically supported by the schematic structures of CONTAINER and CYCLE. The structure of the CONTAINER schema has an IN-OUT orientation: in Stevens' poem, the first and last stanzas juxtapose the boundaries of being inside the room and looking out of the window with the movements of colors both inside and out. The interior-exterior interplay indicates that the poem's overall conceptual schematic structure is that of CONTAINER, in which the middle stanza is contained within the frame of the outer two. Superimposed upon this schema is the CYCLE, whose structure is "multiple, overlapping, and sequential" [Johnson 1987: 121]. It has a circular, temporal motion that returns to its original state: the many repetitions of sound and image cycle throughout the poem's three stanzas, with the last stanza repeating the imagery of the first.

Both schemata share the interior structures of a MOTION schema—IN-OUT in the case of the former, and CIRCULARITY in the latter—and a BOUNDARY schema, where the force dynamics of obstructing or enabling movement across boundaries may be exerted.^v The scene is one of interior and exterior: the observer is inside the room by the light of the fire, while the bushes, the fallen leaves, the wind, the planets, and the hemlocks are located outside in the encroaching darkness. The

opening lines of the first stanza ostensibly maintain this division, with the colors of the bushes and leaves being seen in the flickering flames of the fire, while the fallen leaves themselves are turning in the wind outside. However, the “Yes: but” of line 8 creates a preliminary opposition to this separation. As Talmy [Talmy 2000: 452] notes, the *yes but* construction is a rhetorical force-dynamic element in argumentative discourse that roughly indicates “the statement I just made is true as far as it goes but there is a more important issue at stake which I will now make.” Stevens is using the *yes but* construction to establish a greater force by acknowledging the existential truth of the opening lines, but blocking it momentarily by introducing something made more important: the two elements of sight and sound—“the color of the heavy hemlocks” and “the cry of the peacocks”—that are foregrounded by the *yes but* construction.^{vi} These two elements culminate at the poem’s end with the expressed emotion of fear.

Stevens’ title introduces the major force-dynamic structure of the poem. The title juxtaposes two otherwise incompatible elements: agency and the absence of color. The word *domination* contains within itself the antagonistic notion of one entity exercising force over another. As Ross notes, the title is ambiguous. Does black dominate, or does some other entity dominate black? The tension that results from the ambiguity of the title reflects the tensions underlying the interaction between external reality and internal sensibility that is the subject of this poem. The title sets up at the outset a scenario in which force elements are operating. There are five force-dynamic levels of containment in Stevens’ poem. The outermost level is that of reader and poem, the innermost is that of internal memory and internal emotion. The poem moves in cyclical repetition among the various levels through an agonist-antagonist structure, as follows:

Agonist

internal memory: the cry of the peacocks
internal sensibility: remembering, hearing, seeing, feeling
self: poetic persona

external elements: colors, leaves, tails, planets
reader

Antagonist

internal emotion: fear of death symbols
external stimuli: sights and sounds

external elements: physical surroundings
external elements: wind, fire, night

poem

internal memory – internal emotion

The middle stanza contains the *interior memory – interior emotion* level that is the innermost and most central of the five levels. This innermost level is enclosed within the level at which internal sensibility is affected by external sight and sound. The final line of the first stanza, “And I remembered the cry of the peacocks,” introduces the long middle stanza which focuses on the peacocks, as the self’s past

experience of hearing the peacocks is reconstituted into the present scene. The sound of the peacocks' cry is not actually present: it resides in the internal memory of the self. As Joseph LeDoux [LeDoux 1996: 179–224] notes, emotional resonance results from memories of past events that awaken similar responses in the present. The only sound conveyed is the “cry,” not a plural “cries” as one would imagine from the actual experience of hearing peacocks, but an abstraction to a mental experience remembered from the peacocks' sound. It is no accident that the colors, mentioned throughout the poem as referring to the leaves and the peacocks' tails, are singularized when it comes to the hemlocks. The hemlocks' “color” is an abstract mental representation, reflecting the poet's sensibility in reacting emotionally to their presence, not the actual colors of the trees.

The word *cry* is used only once as a verb, and it is notable that it occurs after “I heard” in the line immediately preceding Ross's hidden stanza: “I heard them cry—the peacocks.” As Ross notes, “Using *cry* verbally this way ‘unlocks’ the auditory component of the memory which is the focus of C [the hidden stanza], and indeed of the poem itself.” As the poetic self recounts his memory of the peacocks, they enter his imagination in such a way that their cry becomes his cry as he imagines it agonistically uttered *against* the antagonistic force of the twilight, the fallen leaves, or the hemlocks, metaphorically indicative of approaching night, winter, and death.

internal sensibility – external stimuli

The sights and sounds represented in the poem invoke an EMISSION schema, which Pagán Cánovas (2010) associates with emotion causation. The structure of this schema is that an agent *A* emits *x* outward. All sensory impressions, like sight and sound, are structured by this schema.^{vii} The EMISSION schema is closely associated with two force-dynamic schemata: what I will call an INTAKE or INCEPTION schema, whose structure includes receptor *B* taking in *x*, and a RESISTANCE schema when *B* prevents *x* from being taken in.^{viii} The emotions aroused in *B* depend on the nature of emission *x* and the effects caused by whether *B* takes in or resists *x*. In this way, these three schemata interact with the FEAR schema, when emission *x* is always bad and succeeds in making *B* take it in, despite *B*'s resistance. The OUT-IN structure of these schemata interacts with the CONTAINER schema, with *A* and *B* perceived as containers. Throughout the poem the self is in the position of agonist *B*, even when it is in subject position. That is, the expressions “I remembered/heard/saw” all place the self in the position of receiving sight and sound emissions from external stimuli. They pierce the boundary of the integrated self to cause an emotional reaction that is characterized by the climactic “I felt afraid” (line 35). Although the self identifies with the peacocks' cry in its resistance *against* the encroaching of twilight, fallen leaves, or the hemlocks, by virtue of the EMISSION and INCEPTION schemata, it cannot resist taking in the sights and sounds that produce the emotional reaction of fear.

poetic self – external elements

Schematically, the poem sets up a situation in which the poetic self, facing the great unknown of nature, takes in the sensory perceptions of the external world at the same time as it attempts to resist the significance it attaches to them, a significance which is carried into the poet's—and the reader's—mind from centuries of cultural troping: night as death, the end of autumn and the onset of winter as death, the hemlock that Socrates drinks to his death. At the agonist-antagonist level, the force dynamics of the external elements approach and invade the boundary between outer and inner, both physically and emotionally. The self's homeostasis is reflected through the CONTAINER schema: the self is inside the room, by the fire, presumably still. Everything outside is in continual motion—colors, fire, leaves, wind, planets, hemlocks, peacocks—which, brought inside, disturb the stability of the self's sensations and emotions.

The description of the peacocks' tails and the flight of the peacocks from the hemlocks in the first part of the middle stanza reconstructs the actual presence of the peacocks as external elements in the scene being described. The result is a fusion of time: the poetic self is describing an event in the self's past, with the entire poem in past tense. But the last line of the first stanza invokes a time previous, “And I remembered the cry of the peacocks.” Was the cry one that occurred at the same time as the colors of their tails turning and their flight from the hemlocks, or on an earlier occasion? As the poetic self recounts the tails of the peacocks turning in the “loud fire” and the hemlocks loud with their cry (lines 24-27), there is a confusion of sight and sound and time.^{ix} The effect is destabilizing.

external elements – external elements

The phrases “in the room,” “in the wind,” and “in the fire” indicate the location of the colors and the leaves inside a CONTAINER schematic structure, but they are working very differently according to their force-dynamic schemata. The inherent force-dynamic tendency of “fallen leaves” as agonist is toward inertia, rest, whereas the wind, as stronger antagonist, causes them to move in circular motion. Both are external elements, outside the room. The vivid colors of the fallen leaves are also an external element, but they are brought inside the room, as are the colors of the peacocks' tails, reflecting the OUT-IN movement of the CONTAINER schema. The turning of their colors is caused by the force-dynamics of the flickering fire (inside), and by extension the forces of nature that cause the turning of the leaves in autumn (outside). Like the fusion of sight and sound and time, the penetration of the external elements into the container of the room also destabilizes the self's need for coherence and order. The continual repetitions of words and phrases, especially with the frequent turnings, create a circular motion, so that the linear movement of the hemlocks as their color “came striding” forcefully intersects across the circular motion. This superimposition of the PATH schema onto the CYCLE schema further destabilizes the self's homeostasis.

The color of the hemlocks, and the hemlocks themselves, unlike the interiorization of memory that identifies the poetic self with the cry of the peacocks, remain exterior, thus posing, like the encroaching night, the ultimate threat of fear. The repetitions of the first and last stanzas create a further cyclical movement as the poem ends where it began, with the color of the hemlocks and the cry of the peacocks. As Eleanor Cook (1988: 43) notes: “The poem circles and recircles around its topos [of fallen leaves], with the incantatory circles broken, then resumed, broken, then resumed around the break, then finally broken.

reader – poem

In experiencing the poem, the reader becomes agonist to the poem’s antagonist, at the outermost level of force-dynamic interaction in the poem. The feeling of emotional resonance in a reader arises from a combination of factors in poetic expression: the sounds of words, their repetition, meter and rhythm, syntactic constructions, line and stanza breaks, imagery, among others. The movement of Stevens’ poem is reflected in the metrical rhythms of the lines that loosely conform to Germanic stress-timed meter, with main stress falling on only two positions in each of the short lines. Of the poem’s 36 lines, fully 22 (more than half) are short, two-stress lines. Three lines (19, 20, 28) promote a third stress on what would otherwise be two-stress lines on the word that encapsulates the force dynamics of resistance: *against*. This metrical pattern conveys the sense of relentless movement, reinforced by the remarkable number of word repetitions, 85% of the total, and by the repeated *turnings*, all after the turn of the verse line that cause the reader to continually re-turn in moving through the poem. And like the poetic self, the reader, too, in taking in the poem’s force-dynamics of the FEAR schema’s structure of homeostasis disruption, feels a similar emotional reaction.

Emotional tension, as Charles Rosen (1987) remarked many years ago in discussing Chopin’s piano technique, can arise from the very awkwardnesses induced by obstructing what would normally be smooth performance of our bodily movements: “The performer literally feels the sentiment in the muscles of his hand.” As Claiborne Rice [Rice 2012: 186-187] has noted in discussing Damasio’s somatic-marker theory in which “emotion, feeling, and consciousness are strongly body-involved,” the muscular actions involved in repeating sound patterns, whether read silently or aloud, indicate “that a body is acting and reacting in response to environmental stimuli.” The longer lines, with their increase in stress number, stand out against the background of the shorter lines, so that more weight is placed upon them. The last three lines of the first stanza, with the short line “came striding” inside its surrounding longer lines repeats in the last lines of the final stanza, with the short line this time becoming “I felt afraid” as night descends. This parallel placement has the effect of bringing them together. The linear movement of “came striding” carries the additional force of imminent harm to the poetic self’s homeostasis, already destabilized by the repeated turnings.

Emotional resonance from the recollection of past experience for the poet includes that which arises from past readings too [Bloom 1973]. Literary critics have noted the way in which Stevens' poem recalls and sometimes echoes passages from previous poets, such as Shelley's leaves in "Ode to the West Wind"; Wordsworth's evocative description in lines 378-98 of "The Prelude" of "a huge peak, black and huge" that "strode after" the speaker; the "horrid strides" of Milton's Satan in "Paradise Lost", lines 666-79, when "black it stood as Night" [Cook 1988: 45-46]. I do not know if Stevens had consciously in mind Shakespeare's "Macbeth" when he composed his poem. The emotions that are aroused in Shakespeare's drama are all associated with omens of darkness and death, with "thick night," the croak of the raven," the howling wolf that moves toward his prey "with Tarquin's ravishing strides," "the obscure bird" that "clamour'd the livelong night," and of course Macbeth's recollection of the witches' prophecy: "'Fear not, till Birnham wood / Do come to Dunsinane.'"^x All these associations are activated in the poem for a reader versed in cultural and literary history.

My focus on the poem's underlying schemata are attempts to explain, not what the poem means, but what the poem is doing. Note that Stevens does not talk of *writing* poetry but of *achieving* it: always an ongoing attempt to capture the emotional-sentient element that is "the transaction between reality and the sensibility of the poet" [Stevens 1957: 217]. In "Domination of Black," that transaction is captured in the fear of the unknown and the resistance needed not to succumb to that fear. The ambiguity of the poem's title shows that the poem works both ways. It is precisely an expression of what Stevens meant in his statement in choosing this poem in 1942 as his best that "the themes of life are the themes of poetry."

By showing the workings of schematism at the intersection of the experienced and its conceptualization, and the way emotion schemata like ANXIETY and FEAR interact with conceptual schemata like CONTAINER and CYCLE, I suggest that it is at this level that we can best develop a theoretical model of emotional affect, both in poetry and in life. The elements of this schematism include the following:

1. schemata operate at the intersection between the preconceptual level of experience and our cognition of it;
2. creative imagination involves activities that are nonrational (i.e. nonconceptual), but not unstructured;
3. emotion schemata endow conceptual schemata with the scalar significance of force dynamics;
4. schemata enable us to both create and share experiences in common arising from creative, nonconceptual activity.

In her theory of art as a theory of mind, the American philosopher Susanne K. Langer [Langer 1967: 64] notes: "...who has a naïve but intimate and expert knowledge of feeling? Who knows what feeling is like? Above all, probably, the people who make its image—artists, whose entire work is the making of forms which express the nature of feeling. Feeling is *like* the dynamic and rhythmic structures created by artists; artistic form is always the form of felt life, whether of

impression, emotion, overt action, thought, dream or even the obscure organic process rising to a high level and going into psychical phase, perhaps acutely, perhaps barely and vaguely".

By exploring the way poetry articulates feeling through its forms, we can begin to understand the mind's hidden complexities in the way the nonrational elements of our preconceptual experiences both motivate and shape our human reasoning and behavior.

Notes

ⁱ Damasio (2005) clarifies the distinction he draws between emotion and feeling as follows: "In everyday language we often use the terms interchangeably. This shows how closely connected emotions are with feelings. But for neuroscience, emotions are more or less the complex reactions the body has to certain stimuli. ... This emotional reaction occurs automatically and unconsciously. Feelings occur after we become aware in our brain of such physical changes; only then do we experience the feeling of fear." From the perspective of his "as if body loop" hypothesis, it may be that the physiological emotions are bypassed in emotional responses to art. This is what enables us to recognize the role of the emotions in nondiscursive, literary language (Freeman 2009: 178).

ⁱⁱ The second part of the question lends itself to empirical investigation (Burke 2011; Claassen 2012; Miall 2006; van Peer et al. 2012).

ⁱⁱⁱ All citations to Stevens are taken from "The Irrational Element in Poetry," unless otherwise noted.

^{iv} Zoltán Kövesces (2000) shows that references to emotion in language are structured by the FORCE schema. In this later study, Kövesces recasts his earlier work on the CONTAINER schema as specifically representing emotion into a force-dynamic one.

^v Zouhair Maalej (2007) discusses several conceptual schemata involved in linguistic expressions of the FEAR schema, all of which involve movement.

^{vi} Both Bloom (1977: 404) and Cook (1988: 47-48) see the disjunctive thinking expressed by the poem's "Yes: but" as raising the question of the poet's vocation.

^{vii} My discussion of the schemata here depends upon modern scientific explanations of sensory perception. As humans, we are able to see a world of color, because our brains are adapted to register the wave spectrums that exist in the world around us (Jacobs and Nathans 2009). The ability to hear a range of sounds results from the properties that create sound waves, the environmental conditions that regulate their transmission, and the receptivity of the brain's aural system. See M.H. Freeman (2011) for more detailed discussion.

^{viii} This formulation refines Pagán Cánovas's (2010) initial description of the emission schema as one in which *A* emits *x* to *B* who then receives it, and undergoes a change as a result.

^{ix} Stevens is opportunistically taking advantage of the semantic networks of the two words, *repeating* and *loud* that contribute to the fusion of sight and sound in the

poem. Both are prototypically words that indicate sound, as in “Repeat after me” and “That music is too loud.” But “repeat” also means repetition, which we will see is a major theme in the poem, and “loud” also can refer to color.

^x See D.C. Freeman (1995) for a detailed discussion of the PATH schema in "Macbeth".

REFERENCES

1. Barrett L. The Structure of Emotion: Evidence from the Neuroimaging of Emotion / L. Barret, T. Wager // *Current Directions in Psychological Science*. – 2006. – No. 15. – P. 79–85.
2. Bloom H. *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry* / Bloom H. – New York : Oxford University Press, 1973.
3. Bloom H. *Wallace Stevens: The Poems of Our Climate* / Bloom H. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1977.
4. Burke M. *Literary Reading, Cognition and Emotion: An Exploration of the Oceanic Mind* / Burke M. – London and New York : Routledge, 2011.
5. Burnett W. *America’s 93 Greatest Living Authors Present This Is My Best— Over 150 Self-Chosen and Complete Masterpieces, Together with Their Reasons for Their Selections* / Burnett W. – New York: The Dial Press, 1942.
6. Claassen E. *Author Representations in Literary Reading* / Claassen E. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2012.
7. Cook E. *Poetry, Word-Play, and Word-War in Wallace Stevens* / Cook E. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.
8. Damasio A. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness* / Damasio A. – New York: Harcourt, 1999.
9. Damasio A. *Feeling our emotions* / A. Damasio // *Scientific American*. – 2005. – March 24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=feeling-our-emotions>.
10. Damasio A. *Subcortical and Cortical Brain Activity during the Feeling of Self-generated Emotions* / A. Damasio, T. Grabowski, A. Bechera, H. Damasio, L. Ponto, J. Parvizi, R. Hichwa // *Nat Neurosci*. – 2000. – Oct; No. 3.10. – P. 1049–1056.
11. Fox E. *Allocation of Visual Attention and Anxiety* / E. Fox // *Cognition and Emotion*. – 1993. – No. 7.2. – P. 207–215.
12. Freeman D. “Catch[ing] the Nearest Way”: *Macbeth and Cognitive Metaphor* / D. Freeman // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – No. 24. – P. 689–708.
13. Freeman M. *Minding: Feeling, form, and meaning in the creation of poetic iconicity* / M. Freeman // *Cognitive Poetics: Goals, Gains, and Gaps* : [ed. by G. Brône and J. Vandaele]. – Berlin, 2009. – P. 169–196.
14. Freeman M. *The Aesthetics of Human Experience: Minding, Metaphor, and Icon in Poetic Expression* / M. Freeman // *Poetics Today: Special Issue on Exchange Values: Poetics and Cognitive Science* : [ed. by Mark Bruhn]. – 2011. – No. 32.4. – P. 717–752.

15. Frühholz S. Dynamical Interactions of Attention and Emotion: A Cognitive Neuroscience Approach through Neural Network Connectivity / S. Frühholz, D. Grandjean // Masmoudi. – 2012.
16. Jacobs G. 2009 Color Vision: How Our Eyes Reflect Primate Evolution / G. Jacobs, J. Nathans // Scientific American. – 2009. – March 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sciam.com/article.cfm?id=evolution-of-primate-color-vision>.
17. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / Johnson M. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1987.
18. Kövesces Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Kövesces Z. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
19. Langer S. Feeling and Form: A Theory of Art / Langer S. – New York : Charles Scribner's, 1953.
20. Langer S. Mind: An Essay on Human Feeling / Langer S. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1967.
21. LeDoux J. The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life / LeDoux J. – New York : Simon and Schuster, 1996.
22. Maalej Z. The Embodiment of Fear Expressions in Tunisian Arabic / Maalej Z. // Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication : [ed. by F. Shairfan and G. Palmer]. – Amsterdam : John Benjamins, 2007. – P. 87–104.
23. Masmoudi S. Attention, Representation, and Human Performance: Integration of Cognition, Emotion, and Motivation / S. Masmoudi, D. Yun Dai, A. Naceur. – New York and London : Psychology Press, 2012.
24. Miall D. Literary Reading: Empirical and Theoretical Studies / Miall D. – New York : Peter Lang, 2006.
25. Ortony A. The Cognitive Structure of Emotions / A. Ortony, G. Clore, A. Collins. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
26. Pagán Cánovas C. Erotic Emissions in Greek Poetry: A Generic Integration Network / Pagán Cánovas C. // Cognitive Semiotics. – 2010. – No. 6. – P. 7–32.
27. Rice C. Fictive Motion and Perspectival Construal in the Lyric / Rice C. // Cognitive Literary Studies: Current Themes and New Directions : [ed. by I. Jaén-Portillo and J. Simon]. – Austin, 2012. – P. 183–198.
28. Rosen C. The Chopin Touch / C. Rosen // The New York Review of Books. – 1987. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.nybooks.com/articles/archives/1987/may/28/the-chopin-touch/>.
29. Ross J. R. (Háj). n.d. The Hidden Stanza – and Integering, in Wallace Stevens's "Domination of Black." Unpublished manuscript.
30. Stevens W. Domination of Black / W. Stevens // Harmonium. – New York, 1923.

31. Stevens W. *The Irrational Element in Poetry* / W. Stevens // *Opus Posthumous*. – New York, 1957. – P. 216–229.
32. Stevens W. *Letters of Wallace Stevens* : [ed. by Holly Stevens]. – Berkeley : University of California Press, 1996.
33. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics. Volume 1: Concept Structuring Systems* / Talmy L. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2000.
34. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics. Second, expanded and updated edition* / Tsur R. – Sussex Academic Press : Brighton and Portland, 2008.
35. van Peer W. *Scientific Methods for the Humanities* / W. van Peer, F. Hakemulder, S. Zyngier. – Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 2012.

Margaret H. Freeman, PhD, Professor Emerita, Los Angeles Valley College, Co-director, Myrifiel Institute for Cognition and the Arts, Heath, MA, USA; e-mail: freemamh@lavc.edu

УДК 811.111-112:81'371

СВЯЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ

З.А. Харитончик (Минск, Беларусь)

З.А. Харитончик. Связующая функция метафоры. Статья посвящена анализу концепций метафоры, развиваемых в американской когнитивной лингвистике. Идее метафоры, на базе которой *возникают* новые ментальные пространства, противопоставляется взгляд, согласно которому метафора, равно как и другие процессы семантической деривации и словообразования, становится возможной лишь вследствие предшествующего установления взаимосвязей объектов, их свойств и отношений в окружающем нас мире.

Ключевые слова: метафора, концептуальная структура, систематизация, семантическая деривация, номинативные процессы.

З.А. Харитончик. Зв'язувальна функція метафори. Статтю присвячено аналізу концепцій метафори, які розробляються в американській лінгвістиці. Погляду на метафору як основу для *виникнення* нових ментальних просторів протиставляється погляд, згідно з яким метафора, подібно до інших процесів семантичної деривації та словотворення, стає можливою лише внаслідок попереднього встановлення взаємозв'язків об'єктів, їх властивостей та відношень у навколишньому світі.

Ключові слова: метафора, концептуальна структура, систематизація, семантична деривація, номінативні процеси.

Z. A. Kharitonchik. Binding function of metaphor. This paper focuses on the analysis of the theories of metaphor developed in American cognitive linguistics. The idea of metaphor as the basis for emergent structures is opposed by the view according to which metaphor, as well as other processes of semantic derivation and word formation, is preconditioned by the previously established links between objects, their properties and relations that exist in the experienced world.

Key words: metaphor, conceptual structure, systematization, semantic derivation, nominative processes.

В течение тысячелетий важнейшим принципом, организующим взаимодействие людей в обществе, была установка на то, что руководствоваться в наших отношениях с людьми следует на базе их действий, поступков, и доверять имеет смысл не словам, а делам. *Actions speak louder than words*, – говорит английская пословица. Тем не менее самые серьезные ученые мужи пытаются нас сегодня убедить, что на самом деле громче всего о нас и нашем мире говорят не наши дела, а наши слова, что не наше знание о мире, полученное в результате нашего с ним взаимодействия, является ведущим, а язык как репрезентирующая это знание система, т.е. по сути дела вторичная семиотическая система, которая, как утверждает Ж. Пиаже, «является лишь частным случаем семиотической функции (безусловно, важным, <...> и притом весьма ограниченным в совокупности проявлений семиотической функции) [Пиаже 1983: 134–135]. Из всех областей гуманитарного знания, в которых эта методологическая линия,

разрабатываемая в позитивистских и неопозитивистских учениях, принимается рядом ученых в качестве главенствующей, рассмотрим лингвистику.

Следствия из данной методологической установки многолики. Остановимся лишь на двух из них. Как отмечает выдающийся российский семасиолог М.В. Никитин в своей статье «Российский уклон в когнитивной лингвистике», опубликованной в 2005 г.: «Постулат прямой детерминации сознания (мышления) языковой формой методологически далеко не безвреден. Искажая реальное соотношение между языком и сознанием, он искажает реальные зависимости между языком и действительностью. Связь между ними мистифицируется. Поиск реальных механизмов отображения одного в другом, возможных причинно-следственных и иных зависимостей между ними подменяется свободными фантазиями об особенностях национальных менталитетов, объяснение которых лежит даже не столько в своеобразии языков, сколько в личных субъективных пристрастиях авторов этих фантазий» [Никитин 2007: 279]. И далее: «Общий крен в сторону ложного постулата лингвистического детерминизма не только подталкивает к спекулятивным мистифицированным заключениям о специфике языкового сознания и национального видения мира, к отказу от попыток комплексного междисциплинарного объяснения семантических фактов на причинно-следственной основе, но имеет <...> пагубное для лингвокогнитологии и когнитивной науки в целом последствие» [там же: 283–284].

Постулаты лингвистического детерминизма являются определяющими не только в трактовке национальной души и ее особенностей. Они играют определяющую роль и в видении метафоры, а более широко – видении всего номинативного процесса в разных его формах как ключа к пониманию и как механизма для создания нового значения и новых реальностей в нашей жизни. Цитирую Дж. Лакоффа и М. Джонсона: “the essence of metaphor is understanding and *experiencing* one kind of thing in terms of another” [Lakoff & Johnson 1980: 5], “We see metaphor as essential to human understanding and as a mechanism for *creating new meaning and new realities in our lives*” [там же: 196] (курсив мой – З.Х.).

В аналогичном ключе звучат и высказывания Ж. Фоконье и М. Тернера, развивающих теорию концептуальной интеграции и утверждающих, что “the blend develops *emergent structure* that is not in the input” [Fauconnier & Turner 2002: 42], или “*Emergent structure arises* in the blend that is not copied there directly from any input” [там же: 48], “many mental spaces are the *products of blending*” [там же: 104] (курсив мой – З.Х.).

Необходимо подчеркнуть, что нами никоим образом не подвергается сомнению основополагающая роль метафоры и, вновь отметим, разных типов номинативного процесса в структурировании полученного нами в результате взаимодействия с окружающим миром опыта, которая является необходимым подготовительным этапом номинации. Равным образом в наши задачи не входит умаление достоинств как теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона,

ставшей в последние десятилетия ключевой для когнитивной лингвистики, так и концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, раскрывающей динамические аспекты метафоры. Обращение к проблеме роли метафоры в языке и сознании в первой теории и вопрос о характере взаимодействия цели и источника как двух сопряженных в метафорическом процессе концептуальных структур, или ментальных конструкторов, во второй теории детерминировали огромный всплеск активности в изучении метафоры, ориентированном на выявление её когнитивной функции в организации человеческого знания, установление типов метафоры, обращение к организующей и воздействующей роли метафоры в различных типах дискурса и т.д., и тем самым во многом определили ход современных лингвистических исследований и, если так можно выразиться, в значительной степени лицо современной лингвистики. Серьезные сомнения возникают лишь относительно создания в ходе метафорических процессов нового значения и новых реальностей в жизни, конечно же, если данную часть высказывания не воспринимать как тоже метафору. И снова, несомненно, прав, на наш взгляд, М.В. Никитин, подчеркивая, что «метафора сама по себе не создает концептов особого типа, но аналогически формирует, проясняет и выражает один концепт через другой и его имя, концепт обозначаемого в речи через концепт означенного в языке, по определенной модели взаимодействия» [Никитин 2007: 262]. Находя порождение концептуальных уродцев типа *Клинтонотитаник* или *Моникоайсберг* противоестественным, ученый, по нашему мнению, справедливо квалифицирует описание М. Тернером и Ж. Фоконье когнитивно-семантического процесса в случае метафоры как иллюзию и заблуждение, возражая против смешения исходных концептов и образования промежуточной ментальной структуры – смешанного концепта, который, по мысли разработчиков теории концептуальной интеграции, на время сочетает в себе и отбирает для себя признаки сверх тех, что являются общими для обоих референтов. Думается, что взаимодействие концептов, раскрываемое в теории концептуальной интеграции, и тип смешения (блендинга, в терминологии М. Тернера и Ж. Фоконье) как характеристика психической деятельности человека, определяющая ее творческую природу, принимают в различных видах речемыслительной деятельности разные формы. Номинативный процесс, по нашему мнению, является частной разновидностью концептуальной интеграции, не связанной с формированием новых концептов на базе двух интегрируемых и поэтому, может быть, самой простой, яркой и проявляющейся столь ясно и четко, благодаря чему язык становится прекрасным инструментом для проникновения в механизмы человеческого сознания, для поиска и установления типов аналогий, для решения многих когнитивных задач.

Тем не менее данный процесс имеет непосредственное отношение к формированию нового концепта. Но этот новый концепт и есть концепт, на конечное оформление которого путем именованья и направлен весь механизм номинации. Как когда-то еще подчеркивал В. фон Гумбольдт,

«в силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [Гумбольдт 1984: 75]. Именно поэтому он и характеризовал язык «как орган, образующий мысль» [там же]. Язык действительно играет важную роль в окончательном формировании концептов, но первичной базой для их возникновения является наше взаимодействие с реальным миром, в ходе которого мы извлекаем опыт, знания о мире и о себе.

Анализ номинативных процессов со всей очевидностью демонстрирует нам и то, что окончательное становление концепта обязательно предполагает в первую очередь, видение окружающего мира как системы объектов, сложным и тесным образом взаимосвязанных на базе разных своих свойств и проявлений. Иначе говоря, в ходе метафорических переносов и шире, семантической деривации и словообразования, нами осуществляется определенная систематизация и структуризация нашего опыта и знания о мире, о чем так убедительно пишет Дж. Лакофф. Во-вторых, номинативные процессы своими результатами доказывают возможность и эффективность употребления уже известного, поименованного и существующего в нашей ассоциативной сети как когнитивной опоры в раскрытии и усвоении сущности чего-то неизвестного, т.е. того концепта, который формирует цель в номинативных процессах. Типы интеграции, или взаимодействия, двух концептов могут быть различными: пересечение в случае метафоры (возможно, наиболее простой случай взаимодействия) или два концепта в случае метонимии, когда один концепт отделяется от первого на основе приобретения свойством или составной частью автономности, расширение или сужение экстенционала категории с сохранением концепта с первичными границами и т.д. и т.п.

Таким образом, становится очевидным, что метафорическая модель по своей сути бинарна, представляя собой взаимодействие действительно только двух концептов – концепта-источника и концепта-цели, не приводя к возникновению в языке некоего третьего ментального пространства. Однако в плане моделирования метафорических переносов важно описание и тех общих признаков, или характера взаимодействия задействованных в них концептов, и скрытый или, напротив, эксплицитный тип его выражения. Этот аспект тем более интересен, поскольку их системное описание, и здесь мне хотелось бы сослаться на Дж. Лакоффа, в разных языках еще ожидает своего часа. Соответственно, в лингвистической дескрипции, подчеркнем, именно в дескрипции, модель метафорического переноса предстает как тернарная структура, в которой эксплицитрованы должны быть как **цель** (то, что должно быть поименовано), **источник** (то, чье имя используется для наименования цели) и **тип взаимодействия**, или связи между источником и целью. Ср. понятие словообразовательной модели, конститuentами которой являются ономаσιологические базис, признак и связка.

Специфический тип взаимодействия концептов, с одной стороны, и особенности взаимодействия между отдельными типами источников и целей,

с другой, и лежат в основе достаточно большого числа метафорических, метонимических и т.д. моделей семантической деривации. Аналогичная картина присуща и словообразовательным процессам с той лишь разницей, что конечный результат зачастую маркирован словообразовательным средством того или иного типа.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что открытый и динамический характер лексических значений как языковых репрезентантов концептуального мира разрешает формирование необозримого числа связей между концептами, что приводит к новым креативным образованиям в языке и в конечном итоге к изменениям в системе регулярных моделей семантической деривации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. фон. – М. : Прогресс, 1984. – 399 с.
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / Никитин М.В. –СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
3. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка / Ж. Пиаже // Семиотика / сост. Ю. С. Степанов. – М. : Радуга, 1983. – С. 134–136.
4. Fauconnier G. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
5. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. J. Johnson. – Chicago [u.a.]: Univ. of Chicago Press, 2003. – 242 p.

Зинаида Андреевна Харитончик, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета; e-mail: zkharitonchik@mail.ru

УДК 81.111'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: О ЗНАЧИМОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

И.А. Щирова. Художественный текст как объект научного исследования. В статье формулируется и подтверждается на примерах из истории развития научной мысли идея зависимости описаний текста от широкого культурного контекста и, в частности, от изменений науки как части культуры. Сложность и «человекомерность» художественного текста относятся к его ключевым характеристикам и трактуются как обусловленные характеристиками мира, которому принадлежит исследователь-интерпретатор. Многообразие научных подходов к тексту связывается с гуманизацией и аксиологизацией современного познания.

Ключевые слова: художественный текст, познание, интерпретация, сложность, «человекомерность» науки и текста, культурный контекст.

І.О. Щирова. Художній текст як об'єкт наукового дослідження: про значущість культурного контексту. У статті формулюється та підтверджується на прикладах з історії наукової думки ідея залежності опису художнього тексту від широкого культурного контексту й, зокрема, від змін науки як частини культури. Складність і «людиновимірність» художнього тексту належать до його ключових характеристик і трактуються як зумовлені характеристиками світу, до якого належить дослідник-інтерпретатор. Різноманітність наукових підходів до тексту пов'язується з гуманізацією й аксіологізацією сучасного пізнання.

Ключові слова: художній текст, пізнання, інтерпретація, складність, «людиновимірність» науки й тексту, культурний контекст.

I.A. Schirova. Literary text as an object of scientific study: on relevance of cultural context. This paper argues that studies of literary text are biased by a wide cultural context, and specifically by a scholarly paradigm as a part of culture. The author substantiates this idea with a number of examples from the history of science. It is maintained that the basic properties of literary text – its complexity and “man-measured” nature – depend on characteristics of the scholar’s / interpreter’s environment. Diversity of construals in the studies of literary text is viewed as an exposure of humanizing and axiological vantages of contemporary thought.

Key words: literary text, cognition, interpretation, complexity, “man-measured” nature of science and text, cultural context.

1. Введение. В качестве *объекта* исследования в данной статье выступает научное описание текста и его свойств на разных этапах историко-культурного развития социума. *Предметом* исследования являются факторы, детерминирующие это описание: парадигма научного знания, современная исследовательско-интерпретатору, концептуальные и методологические ориентиры научного сообщества, к которому он принадлежит; характеристики социума, частью которого он является; его личностные знания и опыт. *Цель* статьи – попытка социо-культурной контекстуализации научного знания о тексте, то есть встраивания этого знания в целостное знание о мире, осваиваемом автором и исследователем-интерпретатором как коммуникантами и когнитивными субъектами.

2. Социо-культурная контекстуализация как составляющая научного описания художественного текста. Объективируя творческий взгляд на мир, художественный текст фиксирует в этом взгляде неразрывное единство художественно трансформированного личного опыта, культурно-маркированного миропонимания и извечно интересующих человека универсальных ценностей. Вербализуя чувство и мысль *Другого* на разных этапах развития художественной коммуникации, текст позволяет нам осмыслить неповторимость бытия в исторически меняющемся времени и пространстве. Эмоционально вовлекая читателя в мир фикций как в иной возможный мир, он расширяет границы существования человека, обогащая его опытом виртуально прожитых жизней и новых мирооценок.

Как пишет Ю.М. Лотман, «для человека, который хотел бы иметь дело с текстом, вырванным из всей совокупности внетекстовых связей, произведение вообще не могло бы быть носителем каких-либо значений. Вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей. <...> То, что принадлежит тексту к разным жанрам, стилям, эпохе, автору и тому подобное меняет величину энтропии отдельных его элементов, не только заставляет рассматривать внетекстовые связи как нечто вполне реальное, но и показывает некоторые пути измерения этой реальности» [Лотман 1998: 60] (курсив мой – И.Щ.). Текст объективирует культурные смыслы разных эпох, отображает культуру как гетерогенное образование с типичными для неё ценностными ориентациями. Знания о художественном тексте, его свойствах и его субъектах – реальных и фикциональных, чтобы претендовать на научную истинность, должны быть встроены в целостную структуру знания о мире. Научное описание художественного текста не может игнорировать особенности социо-культурного контекста, в условиях которого существует текст. Это закономерно увеличивает сложность его описания, но повышает точность.

2.1. Описание художественного текста как отражение развития социума и научного познания. Даже краткий экскурс в историю многовековых представлений о тексте позволяет сделать вывод о существовании множественных, порою взаимоисключающих подходов к его описанию. По сути, каждое из трёх понятий, формирующих ключевую для исследователя текста понятийную триаду «Автор – Текст – Читатель», характеризуется неоднозначностью восприятия и подтверждает сложность текста как многомерного, многозначного и полифункционального образования. Запечатлевая уникальность языковой личности исследователя и отличающих её научных предпочтений, концепции текста неизбежно детерминируются не только ценностными ориентирами сменяющих друг друга научных парадигм – маркеров науки как части культуры, – но и научных сообществ, которые существуют в их рамках.

Акценты в представлении художественного текста меняются вместе с миром, который воспринимается и трансформируется креативным сознанием

в вербальную художественную модель. Предлагая своё видение этой модели, исследователь-интерпретатор оценивает её, исходя из сформировавшихся в его сознании представлений о мире, которому принадлежит он сам. «Миры» автора и читателя (дистанция между временем создания произведения и временем его прочтения, «горизонтом произведения» и «горизонтом читателя», в терминологии Яусса) нередко разделены тысячелетиями.

Примеры зависимости интерпретации от социо-культурного контекста не нуждаются в подробном обсуждении, а потому кратко напомним лишь некоторые из них, тем более что автор статьи, являясь по специальности лингвистом, не претендует на их собственно социологическое или культурологическое описание. Вместе с тем, как представляется, и холистические тенденции, преобладающие в современной науке, и присущие ей нарушения дисциплинарных границ не только оправдывают «вторжение» автора на «чужую территорию», но и придают этому «вторжению» закономерность (ср. «экспансионизм» как примечательную черту современного языкознания, по Е.С. Кубряковой).

Первые два контрастных примера (А) касаются значимости, которой наделяет исследователь участников литературной коммуникации – автора и читателя. Вторая пара контрастов (Б), скорее, содержит рекомендации исследователя художнику слова и критику художественного произведения. И в том, и в другом случае различия в интерпретационных подходах исследователя не могут рассматриваться в отрыве от картины мира, сформировавшейся в его сознании, т.е. от его субъективного видения окружающего мира.

(А) Традиционное герменевтическое прочтение текста восходило к чтению сакральных текстов Ветхого Завета и Нового Завета: ориентируя интерпретатора на воспроизведение аутентичного смысла, заложенного автором в текст, оно исключало произвольные, лично-окрашенные толкования. «Добросовестный толкователь», согласно Шлейермахеру [2004: 67], «должен все мало-помалу черпать из самих источников».

Для интерпретатора постмодернистской парадигмы автор не существует в ипостаси порождающего смысл Отца, он заменяется скриптором. Интерпретация текста приравнивается к его созданию. Читатель наполняет текст смыслом, не принимая во внимание авторское мнение. Текст, интерпретативные параметры которого не воспринимаются как зависящие от структурных параметров, оказывается открытым множественным, по сути, любым прочтениям. В рамках постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса идей» (И.П. Ильин), такое видение текста актуализируется тезисом Р. Барта о смерти Автора, Ж. Деррида о «свободной игре активной интерпретации», Дж. Хиллиса Миллера о «вкладывании смысла в текст» и пр.

(Б). Рассуждая в «Поэтике» о присутствии благородства в характере человека, Аристотель высказывает следующую мысль: «Ведь и женщина бывает благородной, и раб, хотя, быть может, *первая из них ниже (мужчины)*,

a раб — совершенно низкое существо» [Аристотель 1998: 1086] (курсив мой – И.Щ.). Мировидение Аристотеля столь же далеко от современных социальных прочтений текста, будь то феминистские или постколониальные толкования, как и разделяющий их временной интервал. Сегодня художник нередко критикуется за попытки свести предназначение женщины к обеспечению физического воспроизводства и противопоставить мужскую активность женской пассивности. Критик и читатель призываются к более внимательному прочтению «женской литературы», авторы которой, начиная с Джейн Остен, смотрят на жизнь женщины специфическим «женским взглядом». Этот взгляд не всегда замечается критиками, поскольку наиболее успешные авторы хранят женские проблемы в «потайных уголках», осознанно скрывают глубинные, истинные смыслы текста за его содержанием с тем, чтобы и без их выявления текст остался доступным для понимания и оценки: «From Austen to Dickinson, these female artists all dealt with with central female experiences from a specially female perspective. But this distinctively feminine aspect of their art has been generally ignored by critics because *the most successful women writers* often seem to have channeled their female concerns into secret or at least obscure corners. In effect, such women have created submerged meanings hidden within or behind the more accessible, “public” content of their works, so that *their literature could be read and appreciated* even when its vital concern with female dispossession and disease was ignored [Gibert, Gubar 2000: 290] (курсив мой – И.Щ.) (ср. у Аристотеля: «*первая из них ниже (мужчины)*»).

Категоричны в своём стремлении к равноправию и теоретики постколониальной литературы (хотя, как и феминистская критика, теория постколониализма разнородна). Например, У. Харрис, комментируя эссе нигерийского писателя, поэта и литературного критика Чинуа Ачебе о приключенческой повести Дж. Конрада “Heart of Darkness” («Сердце тьмы»), разделяет мнение Ачебе о склонности писателей и репортёров *указывать на несостоятельность Третьего мира. Предрекая ему культурное и историческое банкротство*, такие авторы руководствуются подсознательным желанием оправдать многовековую колониальную политику империализма, увидеть в ней реальную поддержку и единственную уважаемую Третьим миром форму правления. “There are certainly writers, novelists, reporters <...>, who seem predisposed to see nothing but bankruptcy in the Third World and one wonders in what unconscious degree perhaps the west may desire such bankruptcy – cultural and political – to become a fact of history, whereby it may justify its imperial past by implying that imperial order, across centuries of colonialism, was the only real support the modern possessed, the only real governance The Third World respected” [Harris 2000: 334] (курсив мой – И.Щ.). Как видим, и эта постколониальная критика далека от настроений Аристотеля (ср. выше у Аристотеля: «*раб – совершенно низкое существо*»).

2.2. Художественный текст в контексте субъектных стилей современного научного мышления. Трактовки текста, преобладающие

в современную нам историческую эпоху, также далеки от единообразия. Во многом это объясняется глобальными переменами в мировоззрении человека – антропологическим поворотом науки и приданием категориям «коммуникация» и «диалог» статуса базовых философских категорий. «Великое уравнение двадцатого века – я = ты», как называет его Дж. Фаулз [Фаулз 2002: 83], реализует себя в идеях гуманизма, диалогизма и толерантности. В науке господствуют субъектные стили мышления, а антропоцентризм становится «примечательной чертой» языкознания» (Е.С. Кубрякова). Во многих концепциях, формирующих методологическую базу «человекомерной» науки подчеркивается личностный характер научного знания. Таковы идеи Т. Куна о научном сообществе и идеи С. Фиша об интерпретативном сообществе. Еще более радикален по направленности эпистемологический анархизм К. Фейерабенда, по сути, отстаивающий право на существование любой научной точки зрения, если она приветствуется самим исследователем. Эпистемологический анархизм, убежден Фейерабэнд, необходим для внутреннего прогресса науки и для развития культуры в целом: «В конце концов, именно Разум включает в себя такие абстрактные чудовища, как Обязанность, Долг, Мораль, Истина и их более конкретных предшественников, богов, которые использовались для запугивания человека и ограничения его свободного и счастливого развития. Так будь же он проклят!» [Фейерабэнд, 1986: 322] (курсив мой – И.Щ.).

Статус объективной истины меняется и в концепции К. Поппера, где истина понимается не как соответствие фактам, а как регулятивный принцип. Поппер сравнивает истину с закрытой облаками горной вершиной. Восходящий на неё альпинист не только сталкивается с трудностями на своём пути, но может и не знать, достиг ли он вершины, ибо «в густой пелене облаков ему трудно отличить главную вершину от второстепенных». «Однако», – пишет Поппер, – «это не влияет на существование главной вершины» [Поппер 2004: 377-378]. Поппер отрицает возможность верификации научных утверждений, но признаёт возможность их опровержения (фальсификации). Идея истины воспринимается им потому, что позволяет «разумно говорить об ошибках и о рациональной критике и делает возможной рациональную дискуссию, <...> направленную на поиск ошибок». Устранив по возможности большинство из них, учёный приблизится к истине [там же: 383] (курсив мой – И.Щ.). То есть, идеи ошибки и человеческих заблуждений предполагают идею объективной истины как «стандарта, от которого мы можем отклоняться», а учёный, стремящийся к истине, должен «настойчиво и упорно» разоблачать свои ошибки и заблуждения посредством критики и самокритики [там же: 35].

В контексте предмета нашего исследования, целесообразно обратить внимание на «практические следствия, которые эпистемология имеет «для науки, этики и даже политики» (Поппер отмечает их, вслед за Расселом): ср.: «эпистемологический релятивизм, т.е. отрицание объективной истины, и эпистемологический прагматизм, т.е. отождествление истинности

с полезностью, тесно связаны с *авторитаризмом и тоталитаризмом*» [там же: 17–18]. Указывая на религиозный характер эпистемологий Бекона и Декарта, Поппер называет их критику предрассудков и традиционных убеждений «*антиавторитарной и антитрадиционной*» [там же: 34]. Развивая мысль Вольтера о терпимости как о необходимом следствии человеческой природы, он подчеркивает, что учение о способности людей ошибаться послужило *базисом теории политической свободы, свободы от принуждения* [там же: 36] (курсив мой – И.Щ.).

Субъектность стилей научного мышления, гуманитаризация и аксиологизация познания предоставляют исследователю известную свободу действий. В современной науке доминируют вероятностные подходы к описанию объектов исследования, в сущностно значимом для ученого понятии границы акцентируется диалектическое начало, а на смену классической двузначной логике приходят многозначные, интенциональные и модальные логики, признающие истинность по отношению лишь к одному из описываемых ими возможных миров. Традиционные ценностные установки исследователя-интерпретатора, формируемые бинарными оппозициями (ср. антагонист vs. протагонист, положительный vs. отрицательный), вытесняются гибкими подходами в оценках мира и его художественной модели. В качестве примера приведём широкое проблемное поле исследований квир-теории. По замечанию Д. Гальперина, “queer” по определению обозначает всё, что выходит за рамки нормального, узаконенного и доминирующего. Нет ничего конкретного, к чему бы “queer” относилось. Это идентичность, лишённая сущности: “Queer is by definition whatever is at odds with the normal, the legitimate, the dominant. *There is nothing in particular to which it necessarily refers. It is an identity without an essence* [см. Selden 2005: 255]. Схожий подход к исследованиям в этой области обнаруживает и Дж. Доллимор, по мнению которого идеи гуманизма в западных демократиях уступили место этике мультикультурализма и многорасовости. Хотя признание сходства, объединяющего «множества», не исчезло, оно оказалось подчиненным культурным и расовым различиям: «... in western democracies, *a confident humanism has given way to an ethic of the multicultural and the multi-racial; for sure, an uncertain assumption of underlying similarities is not entirely absent, but it is subordinate to an equally uncertain embrace of cultural and racial difference* [Dollimor 2004: xvii] (курсив мой – И.Щ.).

Разнообразие культурных смыслов, которые обнаруживаются в современных философских, литературоведческих, лингвистических и пр. прочтениях художественного текста, убеждает нас в значимости «человеческого фактора». Признание человека «точкой отсчёта» любого научного анализа, включая языковой» (Е.С. Кубрякова), заставляет видеть в художественном тексте «человекомерное» образование, а его природу описывать как «абсолютно антропоцентричную». Внимание текстолингвиста фокусируется на антропоцентрах, принадлежащих реальной (автор – читатель)

и/или изображенной (персонаж, повествователь и пр.) коммуникации, и ментальных процессах, свойственных реальным когнитивным субъектам или приписываемых фикциональным когнитивным субъектам. *Сознание автора* рассматривается (во всяком случае, многими отечественными исследователями) как порождающее «концептуально-тематическую суть» (В.Г. Адмони) художественного текста, а текст – как материальная данность, репрезентирующая эту суть и позволяющая исследователю делать выводы об отношении автора не только к созданному им фантазийному миру, но и к миру реальному. Фиксируя уникальность мировосприятия, миропонимания и мирооценки творческого субъекта, текст объективирует единственный в своем роде опыт освоения (интериоризации) мира художественным сознанием. Глубинный текстовый смысл актуализируется в *сознании «сотворца-рецептора»* (Д.С. Лихачев) и вербализуется в интерпретации текста. Несмотря на свою вторичность, интерпретация, как и создание текста, априорно уникальна, поскольку основывается на индивидуально-личностном опыте освоения мира субъектом, толкующим текст как его (мира) художественную модель. Наконец, фикциональный субъект – художественный аналог реального субъекта – также наделяется *сознанием*. В текстах интенциональной (психологической, мемуарной и пр.) литературы это сознание, согласно основополагающей авторской интенции, становится предметом изображения. Оно моделируется как интериоризирующее (осваивающее) мир или экстериоризирующее освоенный мир через речь, поступки, взаимоотношения и иные «следы» картины мира. Заметим, что одной из причин «торжества искусства, выражающего внутренние переживания художника» называется «повышение значимости «Я» в существовании каждого человека» [Фаулз 2002: 369].

3. Текст в системе конститутивных свойств (категорий). Описание свойств текста, включая любые его «измерения», сегодня детерминировано субъектными стилями гуманитарного мышления. Это справедливо и по отношению к текстовым категориям – конститутивным свойствам текста, обуславливающим его качественную определенность и правомерность изучения в качестве самостоятельного научного объекта.

Рассуждая о природе и критериях определения текста, Е.С. Кубрякова напоминает, что и до распространения терминов когнитивного подхода ученые говорили о «размытости» *системных, онтологических и функциональных свойств текста*. «Размытость» формирует основание для отнесения категории текста к числу «естественных» и построенных по принципу «фамильного сходства» или же по прототипическому образцу. Описание категории текста, таким образом, признаётся сложной задачей, а её жёсткое определение – «едва ли возможным» [Кубрякова 2001] (курсив мой – И.Щ.). В том, что выявление и систематизация категорий текста всегда представляли для исследователя сложную задачу, убеждает фундаментальный труд О.П. Воробьевой «Лингвистические аспекты адресованности художественного текста»

[Воробьева 1993а]. Автор разрабатывает в нем понятийно-терминологический аппарат описания одной из наиболее актуальных для современного ученого категорий – категории адресованности, в частности, такие ключевые для лингвистики текста и интерпретации текста понятия, как «категория текста», «интерпретационная программа», «интерпретативная стратегия», «сигнал адресованности» и пр. Соотношение заданности и неопределенности текста, интерпретационные стратегии и их связь с идеей повествовательного лабиринта; интерпретативный характер современной научной парадигмы и его важность для осмысления природы текста и его свойств, выступили предметом рассмотрения не только в вышеназванном фундаментальном труде, но и в предшествующей ему научной монографии автора [Воробьева 1993б]. Тогда же, в 1993 г., О.П. Воробьева писала о более чем пятидесяти категориях текста, упоминаемых в научной литературе. С тех пор понятие «категория текста» так и не получило четкой дефиниции. Сохраняются разночтения и в принципах вычленения категорий, и в принципах выстраивания их иерархии, в чем убеждают нас новые списки, содержащие разнородные свойства текста разной степени обобщенности (см. подробнее [Щирова 2007: 92–103]).

Разночтения в понимании текстовых категорий закономерны и могут быть объяснены рядом причин. Поскольку предлагаемая читателю статья является попыткой социо-культурной контекстуализации научного знания о тексте, выделим две причины, наиболее очевидно связанные с этой темой: во-первых, *«человекомерность»* науки и текста, а, во-вторых, *сложность*, которая может быть отнесена, в равной мере, и к художественному тексту, и к его свойствам, и к осмысливающему их человеку. Попытаемся кратко проанализировать эти причины, одновременно показав зависимость текста и его современного описания от специфики социо-культурного контекста, которому принадлежит автор текста и исследователь-интерпретатор.

3.1. Художественный текст как сложное «человекомерное» образование. Современные научные описания художественного текста, хотя и различаются ориентацией на порождающее или воспринимающее его сознание, неизменно отрицают самодостаточность текста. Интерпретативная направленность когнитивной парадигмы, восприятие познания как интерпретации, а интерпретации как активного, действенного понимания, объясняет тот факт, что среди концепций текста доминируют научные построения рецептивного характера. Однако и те его описания, в которых роль смыслового и структурно-семантического центра текста отводится автору, не могут игнорировать значимость реципиента. Объясняется это тем, что исследователи, принадлежащие к разным научным сообществам, набрасывают на познаваемый ими мир одну и ту же «понятийную сетку» (Т. Кун), т.е. руководствуются в изысканиях концептуальными и методологическими ориентирами доминирующей научной парадигмы. Свойства текста, соответственно, рассматриваются как когнитивные

параметры, репрезентируемые языковыми средствами и зависящие от рецептивной ситуации и личности исследователя-интерпретатора, его многоаспектного опыта и разного рода знаний. Исходя из данного понимания текстовой категории, автор статьи ещё в 2007 г. высказал сомнение по поводу оправданности использования по отношению к ней характеристики «имманентность» (см. подробнее [Щирова 2007: 103–114]). Основанием для такого вывода послужило отрицание автономности текста и соотнесение целостного текстового смысла с работой порождающего и воспринимающего текст сознания, т.е. постулируемая современной наукой открытость текста.

3.1.1. Описание художественного текста как «человекомерного» образования. «Человекомерность» современной науки прогнозирует не только сохранение разночтений в понимании категорий текста, но и повышает их вариативность. Множество радикально ориентированных на читателя видений текста, будь то современные герменевтические прочтения или развивающие идеи герменевтики рецептивные теории, акцентируют важность читательского мнения, значимость сознания, актуализирующего текстовый смысл. Осмысляются феномены понимания и интерпретации, активно разрабатываются категории текста, эксплицирующие роль воспринимающей текст коммуникативной инстанции (см. выше «категория адресованности»). Категории автора и авторской интенции, напротив, нередко подвергаются критике. Интерпретатор, настаивающий на релевантности авторской интенции для толкования текстового смысла, упрекается в авторитаризме (ср. “authoritarian interpretation” у С. Коллини [Collini 1996: 21]). Использование текста, подчиненное задачам интерпретатора-прагматика, а не интерпретация, ориентирующая читателя на понимание текстового кода (Р. Рорти) (ср. тексты как инструменты для достижения интерпретатором своих целей, “instruments for purposes” [Rorty 1996: 92]); децентрация структуры и «свободная игра активной интерпретации» (Ж. Деррида); отрицание «книги» и «произведения» и попытка лишить ореола «псевдоочевидности» науку и литературу, желание изгнать из науки эти «всеобщности» как нечистую силу, *сковывающую* различные дискурсы друг с другом [Фуко 1996: 23, 30] (курсив мой – И.Щ.), – все эти установки постструктурализма имплицитно протестуют против монологичности и предзаданности текста, отрицают его исходное начало, демонстрируют неприятие текстопорождающей инстанции и независимости от неё интерпретации текста.

Исследовательский интерес смещается в сторону диалогичности, вторичности текста и, как следствие, всепоглощающей интертекстуальности, аппроксимации свойств вторичного текста по отношению к исходному тексту, неоднозначности и амбивалентности текста, его вариативности и потенциальной незавершенности. Понятие «адекватной интерпретации» утрачивает свою смысловую нагрузку, поскольку язык, культурная память социума, его культурные установки по отношению к культурному наследию не воспринимаются более как маркеры интерпретационных границ и своего

рода гаранты против произвола интерпретации. Подобная расстановка концептуальных акцентов встраивается в востребованные социумом идеи прав и свободы личности (ср. у У. Эко: “the dialectics between *the rights* of the text and *the rights* of their interpreters” [Еко 1996: 23]) (курсив мой – И.Щ.). Появление новых подходов к тексту связывают с революционными идеями противостояния господствующим классам, жёстко заданной стратификации общества и системы. Опирающиеся на внутреннюю диалогичность дискурса, литературные диалогические жанры не могли возникнуть, замечает Ж. Отье-Ревю [2002: 67], в «политически застывшем, неподвижном обществе». Монологизация как «носитель интересов господствующих слоёв общества» не позволяла сомневаться в смысле дискурса и не допускала той релятивизации, которая отличает диалогичность.

3.1.2. Описание художественного текста как сложного образования.

Сложность категории текста как предмета научного описания закономерно связана со сложностью текста и мира, частью которого являются познающий их человек (ср. личность как «супер-сверхсложная» система, по М. Кагану). Усложнение социальных, экономических, политических и религиозных процессов, вызванное глобализацией и интернационализацией человеческих ценностей, новые формы и скорости в общении, производстве и обмене знаниями, рост объемов извлекаемой, перерабатываемой и передаваемой информации свидетельствуют об усложнении организации мира. Делая мир более сложным, они придают ему большую неопределённость. Уместно процитировать Ю.М. Лотмана [2002: 133]: «Интеллектуализация исторического процесса в сфере культуры фактически означает стремление к предельному увеличению ситуаций, при которых автоматизм последовательности поступков сменяется актом выбора. А это резко увеличивает роль случайности».

Как органичная составляющая усложнившегося глобального контекста, наука оперирует сложными категориями и сложными понятиями. Сталкиваясь с проблемами, решение которых требует выхода за пределы дисциплинарных границ, она ориентирует исследователя на использование комплексных и интегральных методов, стремится к возрождению идеала цельного знания, восходящего к воззрениям П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, В.С. Соловьёва. Уместно в этой связи упомянуть рассуждения О.П. Воробьевой [2008: 25] о «рождении новых лингвистик» – лингвистики эмоций, лингвопсихологии, лингвистической дивинатологии, лингвоконцептологии, нейронной теории языка. Их появление связывается учёным с дивергентными процессами внутри гуманитарных наук и конвергенцией их отдельных областей с областями естественных наук: психологией, физикой и биологией.

Художественный текст – это артефакт, произведение искусства, искусство же, по справедливому замечанию Дж. Фаулза, «порождено человечеством как таковым, *историей и временем*, и его проявления (если не методы) всегда сложнее научных» [Фаулз 2002: 366] (курсив мой – И.Щ.). В условиях современной интеллектуальной ситуации «риторическая природа»

поэтического языка и множество текстовых «измерений» (характеристик, сторон, аспектов, слоёв и пр.) рассматриваются в контексте сложных явлений, присущих англоязычной художественной коммуникации на современном этапе её развития. К ним можно отнести *психологизацию повествования*, которая соотносится с отсутствием эксплицитно выраженного в тексте авторского мнения и поэтому предопределяет сложность восприятия психологического текста. Не меньшую сложность для интерпретатора представляет и *иронический модус повествования*, требующий разграничения видимости и сущности. О роли, которую играет категория сложного в онтологии мира, говорит внимание к *креолизированным текстам, феномену мультимодальности (поликодовости)*. И здесь мы вновь сошлёмся на О.П. Воробьёву, точнее на её программную статью о мультимодальной стилистике, одной из задач которой называется стилистический анализ способов конструирования значения и порождения смыслов, генерируемых кодами разного рода – словесным, визуальным, картинным, аудиальным, при этом все коды выступают «как единое целое». Художественный текст, включающий вербальные, графические, полиграфические и пр. параметры, также изучается этой дисциплиной [Воробьёва 2010: 48]. При описании текста, дискурса, например, научно-фантастического дискурса, а также порождающих их языковой личности используется понятие *синкретизма*. Исследования такого рода эксплицируют сложность художественного текста и предполагают размывание дисциплинарных границ.

Сложность языка и текста находит подтверждение и в *синергетических разработках*. К проявлениям синергетичности в языке относят «классические формы когнитивного освоения нового»: лексическое конструирование (Merging), концептуальное слияние смыслов (Conceptual blending) и межкультурное взаимодействие (Cultural crossing). К «типобразующим параметрам» и «культурно-значимым маркерам» синергетических инноваций в языке и культуре – смешение регистров и коммуникативных стилей, тенденцию к демократизации языка; интернационализацию лексики; макаронизацию, направленную на повышение «престижности»; креативность и языковую игру; метафорические смысловые наслоения; паремическое моделирование, декомпозицию и переразложение фразеологических единиц; антономазию; эвфемизмы и политкорректность; интертекстуальность, пародирование, иронию и самоиронию и пр. [Молчанова 2007: 27–29].

Осмысляя художественный текст с синергетических позиций, исследователь акцентирует «*новую жизнь*» в тексте слова обыденного языка, описывает семантические метаморфозы, обусловленные ассиметричным дуализмом языкового знака, «расщеплённой референцией» художественного текста и потенциальной бесконечностью интерпретативных текстовых инстанций. Слово художественного текста неразрывно с ним связано. Осознанно выбранное и осознанно сочетаемое с иными «словами текста», оно используется для решения сверхзадачи – передачи глубинного смысла,

интегрируясь текстовым целым, оно становится его неотъемлемой частью, обретает уникальность. «Слово текста» нельзя изъять или заменить иным словом, не изменив при этом текстового смысла. Создавая основу художественной модели, слова общенародного языка обрастают в тексте семантическими обертонами и не могут выразить текстовую суть путём простого сложения собственных смыслов. «Семантическая неаддитивность» художественного текста убедительно иллюстрирует синергию, в интерпретации Г.Г. Молчановой: «явление, когда две или более индивидуальные силы, энергии, *«работая вместе» производят эффект больший, чем сумма эффектов, производимых ими по отдельности»* [Молчанова 2007: 26] (курсив мой – И.Щ.). Та же самая мысль может быть сформулирована и с позиций интересующей нас проблемы текстовых категорий, а именно важнейших категорий связности и цельности. Цельность как внутренний смысл текста материализуется в связности, но не выводится из неё механически.

Сложность изучения категорий текста во многом определяется их многочисленностью и многообразием и, как следствие, трудностью нахождения однородных оснований для их описания. Более того, это описание неизбежно несёт в себе недостатки моделирования. Любые текстовые свойства, включая конститутивные, характеризуют один и тот же научный объект и поэтому взаимосвязаны и взаимообусловлены. Изучая свойство текста, мы абстрагируем его и от текста, и от иных текстовых свойств. Схематизируя таким образом описание, мы получаем лишь частичное знание. Выделение тех, а не иных свойств зависит от конкретных задач исследования, детерминируется установками современной исследователю научной парадигмы. Приоритеты научного знания диктуют направление поисковых исследований – выбор объекта, методов его изучения и описания, предопределяют его актуальность. Напомним, что интерес к когезии как к конститутивному свойству текста на начальном этапе развития лингвистики текста и изучение тех связей текста (анафорических, катафорических и пр.), которые актуализировали эту категорию, позже, с появлением коммуникативно-ориентированных моделей текста, сменился интересом к процессам смыслопорождения и категории когерентности. Значимость замысла, а не инструментария отражена и в рассуждениях Дж. Фаулза о роли художника в искусстве. Анализируя некоторые особенности современной художественной коммуникации – присущую ей «тиранию самовыражения», использование стиля «в качестве основного мерил художественной ценности», «постепенное движение к почти полной победе средств выражения над выражаемым» [Фаулз 2002: 370–371], Фаулз призывает художников «вернуться обратно». «Миропонимание и авторская позиция творческой личности будут пронизывать все её творения, сколь бы различны они ни были по внешней форме» [Фаулз 2002: 390] (ср. также обращение к дискурс-анализу, концептуальному анализу и методу моделирования

как следование методологическим установкам когнитивно-дискурсивной парадигмы).

4. Выводы и перспективы. Научное описание художественного текста детерминируется рядом факторов. В числе прочих, к ним оправданно отнести: особенности организации текста на конкретном этапе развития художественной коммуникации, ценностные ориентиры научной парадигмы, научного сообщества и социума, которым «принадлежит» исследователь и в условиях которого развивается наука как часть культуры. Неизбежно запечатлевая своеобразие научных предпочтений и шире – мировосприятия и мирооценки исследователя, научное описание текста и его свойств отражает особенности и требования времени. Для выражения научных знаний об объектах сложного мира исследователь, из теоретически бесконечного числа их признаков, отбирает лишь некоторые, релевантные для решения конкретных научных задач. Когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания акцентирует интерпретирующий характер познания и позволяет сегодня видеть в художественном тексте «человекомерное» и сложное явление. Эти характеристики текста коррелируют с «человекомерностью» и сложностью современной науки и современного мира. Сложность научных проблем повышает значимость революционных научных изменений, креативных и нестандартных решений, предопределяет методологический плюрализм. Холистические тенденции, присущие современной науке, и необходимость понимать контекст, в котором располагаются информационные сведения, заставляют признать актуальность и перспективность социо-культурной контекстуализации знаний о тексте, его свойствах и методах его изучения на разных этапах развития художественной коммуникации и научной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1064–1112.
2. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Воробьева Ольга Петровна. – М., 1993а. – 382 с.
3. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / Воробьева О.П. – Киев: Вища школа, 1993б. – 154 с.
4. Воробьева О.П. Модернистский дискурс: причуды и прозрения (на материале рассказов Вирджинии Вулф) / О.П. Воробьева // Язык и дискурс в статике и динамике : тезисы докладов Международной науч. конф. (Минск, 14–15 ноября 2008 г.) / «Минский гос. лингвистический. ун-т. – Минск, 2008. – С. 25–27.
5. Воробьева О.П. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии / О.П. Воробьева // Когниция,

- коммуникация, дискурс. Международный электронный сборник научных трудов. – 2010. – № 1. – С. 47–74.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
  7. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81 [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье : <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>
  8. Кун Т. Структура научных революций / Кун Т. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 365 с.
  9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Лотман Ю.М. // Об искусстве. – СПб., 1998. – С. 13–285.
  10. Лотман Ю.М. Семиотика и типология культуры / Ю.М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб, 2002. – С. 22–156.
  11. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация / Молчанова Г.Г. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.
  12. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : сб. науч. ст. – М., 2002. – С. 54–81.
  13. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / Поппер К. – М. : АСТ Ермак, 2004. – 638 с.
  14. Фаулз Дж. А. Аристос / Дж. Фаулз. – М. : Эксмо, 2002. – 432 с.
  15. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки ; пер.с англ. и нем. / [под ред. И.С. Нарского, П. Фейерабенд]. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.
  16. Фуко М. Археология знания /Фуко М. – Киев: Ника–Центр, 1996. – 280 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к книге: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/index.php
  17. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Шлейермахер Ф. – СПб. : Европейский Дом, 2004. – 242 с.
  18. Щирова И.А. Проблема имманентности свойств текста в контексте антропологического поворота гуманитаристики / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова // Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб., 2007. – С. 103–114.
  19. Щирова И.А. Описания свойств текста в терминах категорий. Категориальные модели текста / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова // Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб., 2007. – С. 92–103.
  20. Dollimore J. Radical Tragedy. Religion, Ideology and Power in the Drama of Shakespeare and his Contemporaries. Third Edition. / Dollimore J. – New York : Palgrave MacMillan, 2004. – 312 p.

21. Collini S. Introduction: Interpretation terminable and interminable / S. Collini // Interpretation and overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge, 1996. – P. 1–21.
22. Eco U. Interpretation and history / U. Eco // Interpretation and overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge, 1996. – P. 23–43.
23. Gibert S. M. The Female Swerve / S. M. Gibert, S. Gubar // D. Richter. Falling into Theory. Conflicting Views on Reading Literature. – Boston, Ney York: Bedford / St. Martin's, 2000. – P. 290–294.
24. Harris W. The Frontier on Which Heart of Darkness Stand / W. Harris // D. Richter. Falling into Theory. Conflicting Views on Reading Literature. – Boston, Ney York: Bedford / St. Martin's, 2000. – P. 334–339.
25. Rorty R. The pragmatist's progress / R. Rorty // Interpretation and overinterpretation. Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler and Christine Brooke-Rose. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 89– 08.
26. Selden R. A Reader's Guide to Contemporary Literary Theory. Fifth edition / R. Selden, P. Widdowson, P. Brooker. – Harlow : Pearson / Longman, 2005. – 302 p.

Щирова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; e-mail: Schirova@ yandex.ru

РЕДАКТОРЫ

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Донка Александрова, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka_bar@hotmail.com

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Дэниэл Вандервекен, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

А. Израэли, доктор философии (Американский университет, Вашингтон, США); e-mail: aisrael@american.edu

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Франциско Домингес Матито, доктор философии, професор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Виктория Афанасьевна Самохина, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Маргарет Фриман, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когниции и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: freemamh@lavc.edu

Наталья Чабан, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 2 см., справа – 2 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. Аннотации (около 500 знаков каждая, включая пробелы; ключевые слова расположить в алфавитном порядке) на трех языках: украинском, русском, английском) подаются шрифтом 12 Times New Roman, в начале каждой аннотации указать инициалы, фамилию автора и название статьи на соответствующем языке.

3. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать **актуальность, объект, предмет, цель и материал** статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

4. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

5. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001b).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 20 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М. : АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

6. После списка литературы подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2013, № 6

Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко